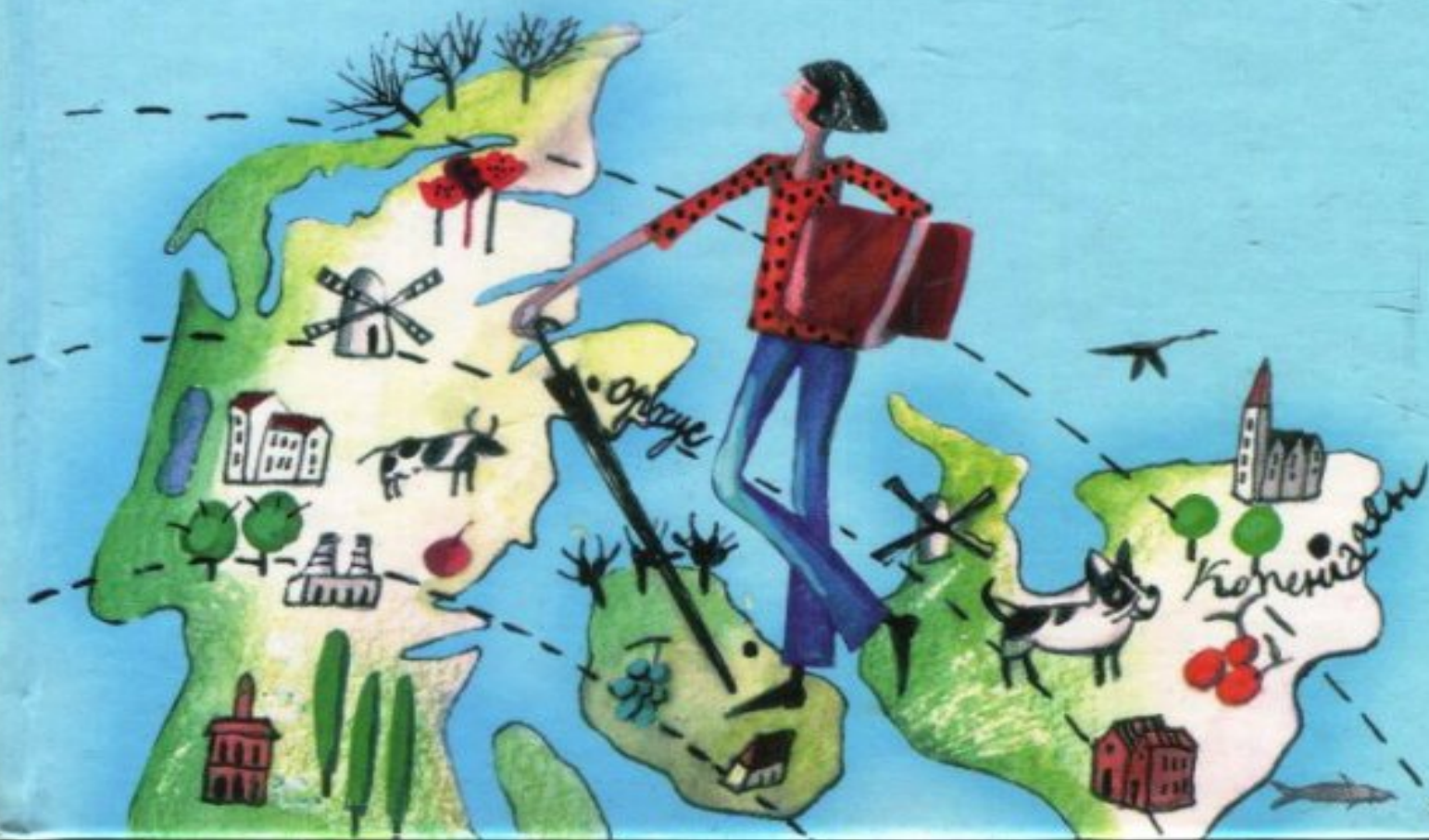

РОМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

ИРИНА БЫСТРОВА

На перекрестке

Героиня романа — современная и вполне самодостаточная женщина: у нее престижная работа менеджера по маркетингу, налаженный быт и прочные отношения с преуспевающим привлекательным мужчиной. Правда, мужчина этот ревнив и вообще, конечно, не идеален. Но темы «идеального мужчины» и «большой любви» героиня когда-то закрыла для себя навсегда. Она не собирается ловить журавля в небе... Но вот — заграничная командировка и встреча с тем, кто выглядит как мечта любой женщины. Не станут ли спасительные когда-то принципы и убеждения героини камнем преткновения на ее пути к счастью?..

- [Ирина Быстрова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

В издательстве «Центрполиграф»
выходят книги
Ирины Быстровой

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
ШУТОЧКИ ЖИЗНИ

РОМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

ИРИНА БЫСТРОВА

На перекрестке

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2007

Ирина Быстрова
На перекрестке
роман

Шеф хмуро взглянул на меня:

— Поедешь в Данию.

Я в испуге попятилась:

— С какой это радости?

— В командировку, — процедил он. — Сейшен.

— На тему? — продолжала допытываться я.

— Маркетологов собирают.

— Хорошо, пусть собирают, — примирительно сказала я. — Но почему в Дании-то?

Недоумение мое было оправдано. Дания нам никаким боком. Мы работаем под шведами. И штаб-квартира у нас в Стокгольме. Именно оттуда нам дают указания, куда, по каким ценам и с каким выражением лица продавать наши телекоммуникационные штучки.

— Понятия не имею. — Шеф схватил какую-то бумагу и метнул ее мне.

Бумага скользнула по полированной поверхности стола и слетела на пол. Я наклонилась и подняла ее.

— Ну а я-то тут при чем? — Мне хватило несколько секунд, чтобы прочитать письмо. — Здесь же ясно сказано — *managing director*^[1]. Это вы. А я всего-навсего — *marketing manager*^[2].

— Ага, — кивнул шеф, — не учи ученого. Как будто я английского не знаю.

— Ну? — Я мяла листок и пристально смотрела на него.

— Я в отпуск иду, — со вздохом пояснил шеф, — сама понимаешь...

Понимаю, отчего ж не понять. Мало того, знаю, что шеф уже забронировал всему своему семейству тур в Мексику. Сейшен в Дании ему абсолютно ни к чему.

— Но почему я? — Я все еще пыталась открутиться от неожиданного счастья. — Пусть Вадик едет.

Вадик у нас старший по продажам. Правая рука шефа.

— Ага, — усмехнулся шеф, — а ты тут в отсутствие нас обоих будешь конторой управлять?

Позвольте, хотелось сказать мне, даже в отсутствие вас обоих я здесь не самая старшая по званию. У нас есть главный бухгалтер. Еще главный технический специалист. И начальник службы по работе с клиентами. Все работают здесь по сто лет. Не то что я — еще двух лет не провела в этой конторе. А уже двигают на передовую. Как обычно. Это — моя планида. Где бы я ни работала. Судьба у меня такая, что ли? Или простое невезение? Хотя многие на моем месте не сочли бы перспективу продвижения по службе невезением. Но ведь я — не многие. У меня свои планы на жизнь.

Я опустила глаза, вчитываясь в слегка смазанный текст факса.

— Видишь? — зудел шеф. — Стратегия позиционирования продуктов компании.

— Вижу, — кивнула я.

— Значит, ехать должен не абы кто, а человек понимающий. То есть маркетолог. Так что прямая дорога в Данию тебе, — подытожил шеф.

Вернее, это он так думал, что подытожил. У меня же было еще что сказать.

— А может, вообще не будем никого посылать? — предложила я. — Напишем, что, мол, все заняты. Отчеты, отпуска и все такое. Пусть они там сами, без нас тусуются.

Странно, да? Я знаю, многим это точно показалось бы странным. Командировка за границу — от такого никто не отказывается. Пусть за граница нынче и не экзотика, но ведь на халяву! Торопись чемоданчик упаковывать. А вот и нет. У нас все иначе. У нас командировка за рубеж — это наказание. Они ведь там, за рубежом, работать заставляют. Во всяком случае, местная публика так говорит. Мне-то еще не довелось никуда попасть, но духом противления всяческим командировкам я уже успела пропитаться.

— Ну, что думаете? — закончила я мою мысль.

— Ты что, с ума сошла?! — Шеф подпрыгнул в кресле и вытаращил на меня глаза.

Смешно. Молодой здоровый мужик — с виду и не скажешь, что боится всего на свете. Впрочем, «всего на свете» — это перебор. Шеф боится только шведов.

— Как это никого не пошлем?! — продолжал яриться он. — Да они нас с потрохами сожрут!

Я скривилась. Кому мы нужны? Будто у них там, в Швеции, забот других нет. Мы даже не центральный офис в России. Они и не заметят, что от нас никто не приехал. Но свои мысли я озвучивать не стала. Бесполезно.

— Ну ладно, и что мне теперь делать? — вздохнула я.

— Визу. — Шеф налил воды в стакан и залпом ее выпил. — Пиши этим деятелям — пусть высылают тебе приглашение.

Я вышла из кабинета и побрела в свой угол. По пути наткнулась на Полину.

— Слышала? — Я вытянула руку и помахала перед ее носом листком с новостями о датском сейшене.

Полина близоруко прищурилась:

— Дания?

— Угу, — промычала я.

— Слышала, — вздохнула Полина. — Я бы съездила в Данию. Давно хотела.

— Ну, так валяй.

— Кто ж меня туда пустит? — развела руками Полина.

Тут она права. Полина у нас специалист по таможенному оформлению. Ей вопросы стратегии позиционирования без надобности. Если честно, то мне тоже, но это лучше не озвучивать.

Я уселась за свой стол и уставилась на письмо. Значит, написать им, чтобы выслали приглашение. А как они должны его выслать? Почтой? Я вскочила и понеслась к шефу.

— Приглашение почтой выслать? — с порога спросила я. — Или DHL?

— Какая почта? — Шеф поднял на меня недовольное лицо. — Какой DHL? Ты что, вчера на свет родилась? Не знаешь, как делаются приглашения?

— Между прочим, не знаю, — фыркнула я. — Между прочим, я ни разу еще не ездила в командировку за границу.

— Правда? — Шеф был искренне удивлен.

— Абсолютная, — заверила я его.

— Тогда тем более тебе сам Бог велел смотаться, — заключил он и вновь уткнулся носом в какие-то бумаги.

— Так что с приглашением? — напомнила я.

— А-а-а... Пусть шлют по факсу. Для консульства этого достаточно.

Я убежала к себе. Уселась перед компьютером и уставилась на датское письмо. Отлично, значит, пишем просьбу насчет приглашения. «Dear...» ^[3] Ха! Вот это здорово! И я

опять понеслась к шефу.

— Мальчик или девочка?

— Что? — Шеф очумело взглянул на меня. — Кто такие «мальчик или девочка»?

— Это имя мужское или женское? — Я протянула ему письмо. — Видите, написано:

Пат Лин.

Он послушно посмотрел на подпись:

— Действительно, — и впал в транс.

Я терпеливо ждала. Шеф наш стремительностью мысли не отличался. Чтобы переварить простейшее, ему требовалось от одной до трех минут, а когда нужно было, что называется, пораскинуть мозгами, то пауза могла затянуться на неопределенное время.

— Постой, — наконец очнулся он, — а какая тебе разница? Ты же письмо пишешь, верно?

— Ну да.

— Так ведь в английском все равно. Когда обращаешься к кому-нибудь, разница в родах не видна.

А ведь точно! Я кивнула:

— Sorry^[4], — и убежала к себе.

Однако, вернувшись на свое место, поняла, что не так все и просто. Рода родами, но есть другая проблема. Я круто развернулась и вновь направилась в сторону директорского кабинета.

— Что еще?! — рявкнул шеф, узрев меня в дверном проеме.

Нет, а как он думал? Сказал, мол, езжай в Данию, и отвяжись от меня навсегда? Наивный, ей-богу!

— Еще один ма-аленький вопросик, — протянула я. — Где у этой особи неизвестного пола имя, а где фамилия? И не говорите, что это не важно. Вдруг Пат — это совсем не имя, а я напишу «Dear Pat», это будет все равно как если бы вам написали «Дорогой Зайцев». Вам бы понравилось?

Шеф набычился и покраснел. Третий его недостаток после трусости и тугодумия — если вы еще не успели заметить — он очень быстро выходит из себя. Впрочем, начальник обязательно должен иметь какие-нибудь изъяны, иначе окружающий мир утратит часть своего естественного очарования.

— А почему бы тебе, — ехидно осведомился шеф, — не спросить об этом прямо у той самой особи, о которой идет речь? Я думаю, ей лучше знать, мальчик она или девочка и в каком месте у нее имя.

— Видимо, придется, — в тон ему ответила я и покинула кабинет.

Главное жизненное кредо нашего офиса — если тебе что-то нужно, сделай все сам. Вот только возникает закономерный вопрос: командировка-то эта кому нужна? Неужели мне?

Я подошла к своему столу и услышала, как надрывается мой мобильный. Посмотрела на дисплей — Дарья.

— Привет, — сказала я.

— Привет, — отозвалась Дарья. — Как дела?

— Средне, — ответила я.

— Что так? — беззаботно поинтересовалась подруга. — Солнце на дворе, а ты в миноре.

— В командировку отправляют, — пожаловалась я.

— Далеко? — сочувственно спросила она. — В Урюпинск?

— В Данию.

— Да ты что?! Класс! — восхитилась Дарья. — А что тогда такая кислая? Дания! Это же здорово! Что будешь там делать?

— Не знаю. Боюсь, что-нибудь выходящее за пределы моих обязанностей, — и рассказала ей историю о сейшене.

— Да-а... — задумалась Дарья, — это осложняет дело. Но все равно это же не вызов на выволочку, так?

— Так, — согласилась я.

— Тогда плюнь на всякие сомнения, — велела она, — и езжай со спокойной душой. Потусуешься, на народ посмотришь, себя покажешь. По магазинам походишь, по музеям...

— Семинар всего три дня, — перебила ее я, — и наверняка не дадут ни минуты провести в тишине и покое.

— Задержись там еще на день-два, — фыркнула Дарья. — Что за проблемы?

— Думаешь, можно? — засомневалась я.

— Послушай, Кэт, — менторским тоном принялась поучать меня подруга, — сколько можно тебя учить? Ты как маленькая, право слово.

— Все, все, — поспешно прервала я ее. — Уже иду.

— Вот и правильно, — обрадовалась Дарья, — иди и говори: поеду только при условии, если у меня будет еще три свободных дня в Копенгагене.

Как у нее все просто! Не устаю удивляться.

— А деньги? — спросила я.

— Если квалифицированно пугнешь его, — посоветовала Дарья, — то он все и оплатит. На крайний случай соглашайся взять на себя расходы по гостинице за эти лишние три дня. Все равно выйдет дешевле, чем если бы ты поехала туда по турпутевке. Ну, Кэт, давай, решайся.

— Подумаю, — пробормотала я.

— И думать нечего. Все, удачи! — Дарья почмокала воздух около трубки. — Пока. Позвоню вечером, узнать, как все прошло.

Я положила телефончик на стол и уставилась в окно. У меня даже нет приличных туфель. Хорошо хоть недавно повезло прикупить себе костюм. А вот туфли я пока не успела к нему подобрать. Все ждала, когда появится в продаже летняя коллекция. Придется срочно нестись в магазин и хватать первое, что под руку попадет. А потом все это будет немилосердно жать и давить. И натирать. Между прочим, еще мне нужна дорожная сумка взамен старой — с той просто стыдно границу пересекать. Вот уж не было печали. Я разозлилась. Черт возьми, Дашка права — должна же я извлечь хоть каплю пользы из этой неожиданно свалившейся на меня тягостной обязанности.

Я решительно поднялась из-за стола, достала из сумочки помаду и подкрасила губы. Процесс этот всегда действовал на меня успокаивающе — вот теперь можно идти и прессинговать шефа.

— А как вы смотрите на то... — начала я, едва переступив порог его кабинета.

Шеф с тоской во взоре уставился на меня.

— ...если я задержусь в Копенгагене на пару-тройку дней?

— Да, — устало молвил шеф, — и если я откажу, то ты никуда не поедешь.

Вот это да! Изученный вдоль и поперек шеф преподносил сюрпризы. Я с уважением

рассматривала его.

— Давай, — пожал он плечами, — я не против. Только, чур, гостиница за эти дни пополам.

Супер! Супер! Супер! Я влетела в свой кабинет, упала на стул и быстро-быстро застучала по клавишам. «Дорогая/ой Пат Лин, — написала я. — Прощу прощения за то, что обращаюсь к вам подобным образом, но у меня возникли сомнения: Пат — имя или фамилия? Буду очень признательна, если вы сориентируете меня в этом вопросе. Что касается семинара, информацию о котором вы нам прислали...» — и далее я изложила мою просьбу выслать мне приглашение на семь дней, четыре из которых я собиралась потратить на сейшен и дорогу, а три — на свои удовольствия (впрочем, я очень умно — надеюсь, что так, — написала о производственной необходимости, заставляющей меня задержаться в славной датской столице). Завершалось письмо неизменным «Искренне ваша».

Пат Лин не заставила себя ждать. Она оказалась девочкой, о чем однозначно свидетельствовало фото, присланное вместе с ответом. «Дорогая Катерина, — писала Пат, — очень приятно познакомиться с тобой, надеюсь, что смогу это сделать не только заочно, но и очно. Пат — это имя, сокращенное от Патриции. А чтобы ты могла с чем-то ассоциировать его, высылаю тебе мое фото. Думаю, оно пригодится тебе, когда ты сойдешь с трапа самолета, так как я намереваюсь встречать тебя в аэропорту».

— С юмором, однако, девушка, — заметил шеф, прочитав письмо. — Тебе будет не скучно там, в Дании.

Далее в своем письме Пат перечисляла, какие ей от меня нужны сведения, я быстренько отослала их ей, и день на этом закончился.

Глава 2

Я вошла в подъезд. В доме стояла почти абсолютная тишина. В нашей «сталинке» толстые стены, полная звукоизоляция. Но жизнь все же еще мерцала где-то в дебрях подъезда — лифт, поскрипывая, медленно поднимался. Теперь его не дождешься. Да я, собственно, и не собиралась. Я не езжу на лифтах — хожу пешком по лестницам, как бы высоко ни приходилось подниматься, чтобы не чувствовать себя совсем уж квашней. Но видно, этого недостаточно для моего стремительно стареющего организма — на третьем этаже на меня всегда обрушивается одышка. Вот и сейчас то же самое. Я замедлила шаг и перевела дух.

Вдруг наверху хлопнула дверь, и кто-то, громко сопя, понесся вниз по лестнице. Я на всякий случай быстро прижалась к стене — чтобы ненароком не затоптали, — и тут же из-за поворота появились мои домашние в количестве двух особей. Одной из которых была моя дочь Иринка.

— Мусик! — завопила она что есть мочи. — Привет! — И притормозила рядом со мной.

— Что случилось? — всполошилась я, невольно взглянув на часы. — Вы что, еще не выгуливались?

Вторая особь (порода — боксер, окрас — рыжий) закрутила бесхвостым задом. В глазах ее светилось страдание.

— Конечно, выгуливались! — продолжала орать Иринка. — Ты не представляешь, что эта Жучка вытворила сегодня!

— Тише, тише, не кричи так, — быстро проговорила я, — всех соседей разбудишь.

Стены стенами, но если Иринка начнет кричать, то и «сталинские» перекрытия не спасут. Она в принципе не умеет говорить тихо. А хохочет так, что посторонние люди на улицах вздрагивают и, если я нахожусь поблизости, с сочувствием смотрят на меня. Когда ей было четыре-пять, я, сидя в квартире, могла безошибочно определить, где моя дочка в настоящий момент играет — во дворе или за домом, стоило ей только открыть рот. В моменты же, когда обстоятельства требовали демонстрации чувств, по своему эмоциональному накалу превосходящих обычные, сила звука ее голоса увеличивалась в несколько раз. Судя по мощности сегодняшнего крика, случилось что-то страшное. На собаку, однако, вопли никак не подействовали — она продолжала вертеть задом, выражая радость от встречи со мной, но страдальческое выражение из ее глаз не уходило.

— Мусик, мы побежали на улицу, а то сейчас что-то будет! Расскажу все дома! — пообещала Иринка, и они рванули вниз.

Я одолела последний пролет, открыла дверь квартиры и вошла. Осторожно исследовала все комнаты, напуганная Иринкиными словами, — а ну как там все в руинах! Но нет, дома все было спокойно, практически в том же состоянии, как в момент, когда я покидала квартиру утром. Я с облегчением вздохнула и отправилась переодеваться. Иринка все-таки склонна к преувеличениям. Вообще, у нее в жизни всего сверх меры: и голоса, и энергии, и эмоций. Моя мама, правда, утверждает, что есть в кого, иронически поглядывая при этом на меня и принимаясь повествовать о моих многочисленных детских подвигах. По-моему, это явный поклеп. Я лично помню себя исключительно тихим и послушным ребенком, все время за книжкой и пианино. Ну, пару взбрыков я еще могу за собой признать, и то только потому, что они собственноручно были занесены мною в дневник, который я начала вести в шестом

классе. Но чтобы изо дня в день, из часа в час — нет, такого за мной не водилось!

Справедливости ради нужно сказать, что, несмотря на неукротимую энергию, дочь не доставляла мне особых хлопот. Она росла очень деловитым и самостоятельным ребенком, возможно, потому, что воспитывала я ее одна — имеется в виду отсутствие отца, но никак не остальных родственников. Остальные родственники как раз принимали в процессе воспитания Иринки горячайшее участие. Отчасти мне это помогало — попробуй-ка в одиночку одновременно нянчить маленького ребенка и делать карьеру. Отчасти мешало. Иринка, будучи с младенчества не в меру сообразительной девочкой, научилась очень ловко маневрировать между нами, взрослыми, манипулировать нашими слабостями и получать от нас то, чего ей особенно хотелось. Поначалу она добивалась своего исключительно капризами, но потом подросла, и — благодарение Господу — с ней теперь можно вести переговоры. Что ж до безудержной энергии этой крепкой пятнадцатилетней девицы, так я научилась направлять ее в нужное русло. Неизбежные же издержки в виде многочисленных друзей дочери и ее хобби, чередующихся с умопомрачительной быстротой, я рассматриваю как своеобразный тренинг моей реакции на смену явлений.

В коридоре завопили.

— Стой, корова ты этакая! — рявкнула Иринка. — Ноги кто будет вытирать?

Собака тихо заворчала. Так, не со злости, а чтобы поддержать свой имидж крутой и непослушной собаки. Еще через мгновение они обе ворвались в кухню, где я заваривала чай.

— Ну, так что произошло? — поинтересовалась я.

— Эта Жучка сожрала тесто! — доложила Иринка. — Дрожжевое! Целый килограмм!

— Боже! — ужаснулась я. — Где же она его взяла? Опять холодильник открыла?

— Да нет, — отмахнулась дочь, усаживаясь на стул.

Собака тем временем села напротив нас, гордо выпятив мощную боксерскую грудь и приготовившись в очередной раз слушать историю про себя, любимую.

— Я вынула тесто из морозилки, чтобы сделать пиццу, — продолжила Иринка. — Положила на стол и пошла делать уроки. Вдруг чувствую, что-то она притихла, знаешь, когда ее нигде не видно?

Я кивнула. Конечно, знаю — они обе любили где-нибудь притихнуть и что-нибудь отмочить.

— Так вот, захожу на кухню, а она его уже доедает!

— А пакет? — заинтересовалась я.

— Пакет! — презрительно фыркнула Иринка. — Она его мастерски вынула из пакета. И сожрала целый килограмм! — завопила дочь, размахивая крепким кулачком перед носом собаки.

Та легонько цапнула ее за пальцы и вновь приняла невозмутимый вид.

— И ты осталась без пиццы? — еле сдерживая смех, констатировала я.

— Это-то ладно! — отмахнулась Иринка. — С голоду все равно не умерла бы, а вот ее раздуло от теста, и пришлось выноситься с ней на улицу несколько раз. Это уже четвертый.

— О боже! — посочувствовала я дочери. — И что там с ней происходит?

— Мусик, — с жалостью посмотрела на меня Иринка. — Тебе как больше понравится: если я назову это как попроще или по-медицински?

— Не надо, поняла, — рассмеялась я. — Но ты сама хороша: знаешь же, что нельзя ничего съестного оставлять без присмотра.

— Знаю, — подтвердила Иринка, — но этой Жучке иногда удается меня облапошить.

Посмотри, какую невинную морду скроила! — И она ткнула пальцем в собаку.

Собаку конечно же звали не Жучкой. У нее было звучное имя Бренда, и она обладала внушительной, можно сказать, даже замысловатой родословной. Иринка донимала меня просьбами взять в дом щеночка много лет. По-моему, с того радостного момента, когда произнесла свое первое слово. Котеночка не надо, я их не люблю, а вот щеночка, говорила она, умильно улыбаясь при этом, это было бы здорово. Я чувствовала, что рано или поздно сдамся. Присматривалась к собакам на улице и подумывала о зверюшке карманного формата, что-то вроде йоркширского терьера. Но однажды мы с дочерью сказались в гостях у моей приятельницы Антонины, у которой как раз оценилась любимая боксериха Дина, и вот тогда мы погибли навсегда. В тот момент, когда хозяйка с гордостью продемонстрировала нам девять крохотных рыжих комочков, мирно дрыхнувших рядом с матерью, мы с Иринкой отчетливо поняли, что нам нужен боксер и никто другой.

Два дня прошли дома в ожесточенных прениях по поводу того, мальчика брать или девочку, и наконец мы ворвались к Антонине, прокричав с порога:

— Мы хотим девочку!

— Хорошо, хорошо, — несколько растерянно отреагировала она, — но еще рано. Щенкам только полторы недели, а забирают их обычно не раньше чем в месяц.

Мы приуныли. С нами вечно так — все не вовремя.

— Да вы не огорчайтесь, — приободрила нас Антонина, — три недели пролетят — не заметите, а после приходите. Будете первыми, кто выберет щенка, ну, не считая, конечно, хозяев жениха — у них право первого выбора, но те точно возьмут мальчика, так что они вам не конкуренты.

Мы явились четко в назначенный срок.

— Ого! — воскликнула Иринка, когда нас провели к щенкам. — Смотри, какие здоровые они стали!

— Хорошие щеночки, крепкие, — подтвердила Антонина и скомандовала: — Выбирайте!

— А как их выбирают? — озадачилась я.

За три прошедшие с прошлого нашего визита недели мы перечитали уйму литературы про боксеров, знали теперь все об их повадках, болезнях, пристрастиях, «обоксерились» до такой степени, что, казалось, всю нашу жизнь рядом с нами были одни боксеры. Но вот советы, как выбирать щенка, в этих книжках нам не попались.

— Обычно спрашивают, кто первый родился, — это, как правило, самый сильный щенок... — начала ликбез Антонина.

— Ну, и кто первый? — бесцеремонно перебила ее Иринка.

— Это мальчик. Вот. — И приятельница вытащила из рыжей кучи щенка. Он натужно сопел и вырывался. — А мальчик вам, как я поняла, не нужен.

— Нет, не нужен, — в один голос подтвердили мы с дочерью.

— Тогда вот, выбирайте из этих шести. — И Антонина разделила копошащихся щенков на две неравные кучки. — Эти девочки. Еще обычно смотрят, насколько они шустрые, активные, что как бы свидетельствует об их жизнеспособности. Хотя, я думаю, все относительно. В общем, смотрите, решайте, я буду в ванной, постираю пока.

— Ну что? — Я взглянула на Иринку.

— Будем выбирать самую активную, — после секундной паузы заявила она. — Кто самой последней уснет, ту и возьмем.

Мы уселись на табуретки и приготовились терпеливо ожидать развития событий. Три девочки сошли с дистанции почти сразу. Ползали, ползали и внезапно бездвижно застыли на полу в тех позах, в которых их срубил сон. Остальные три еще довольно долго скакали по спящим сородичам, боролись друг с другом, нападали на нас, причем одна — с поистине незаурядной настойчивостью. Вот она-то и заснула последней.

— Мама, — прошептала приморившаяся от ожидания Иринка, — давай возьмем эту. Она дольше всех продержалась.

— Давай, — легкомысленно согласилась я.

Нет бы мне оглянуться на мой многолетний опыт воспитания не в меру активного ребенка и представить себе на мгновение, что будет, когда на одной территории сойдутся сразу два энергетических взрыва! Но я беззаботно завернула щенка в теплый шарф, отдала Антонине деньги, и мы покинули ее квартиру, отправившись навстречу своей судьбе.

Собачка дала нам прикурить в первые же две недели своего пребывания в нашем доме. Ее первым серьезным подвигом была победа над кухонным шкафчиком. Она забралась в него, вскрыла бумажный пакет с манной крупой и уничтожила примерно с полкило его содержимого. Уничтожила — в смысле съела. Через некоторое время крупа, уже в виде готовой манной каши, полезла изо всех дыр самой Бренды. Собака абсолютно не понимала, что с ней происходит, но прекрасного расположения духа не теряла и скакала по размазанной по всей квартире манной каше с удвоенной энергией. С этого все и началось.

Собачка оказалась не только чрезмерно активной, но и жутко трудолюбивой. Она была способна часами добиваться поставленной цели, и ничто не могло отвлечь ее от этого. Вскрытый ящичек трюмо и изничтоженная французская косметика; распотрошенная коробка конфет, запечатанных в фольгу; извлеченное из укромного уголка и съеденное без остатка сухое горючее, припасенное нами на случай нечастых вылазок на природу; битва не на жизнь, а на смерть с телефонным проводом, после чего пришлось вызывать мастера, — всего не упомнишь. Но коронным номером конечно же стал финт с открыванием холодильника. Трижды наши недельные запасы продуктов, включая сырокопченую колбаску, осетринку и экзотический сырок, исчезали в ненасытной пасти домашнего чудовища.

— Мусик, — оптимистично сказала однажды Иринка, когда мы в очередной раз убирали на кухне остатки Брендиного пиршества (пакеты, фольгу и прочие упаковочные мелочи она, слава богу, не ела и, аккуратно сняв с продуктов одним ей известным способом, оставляла на поле битвы), — заметь, она не грызет книги, обувь и сумки и не дерет мебель. А могла бы!

— Ты предлагаешь ей за это приз дать? — рявкнула я, с остервенением запихивая в мусорное ведро обрывки пакетов.

— Ну, приз не приз, — протянула Иринка, — но подумай, что было бы, если бы она еще и туфли наши дегустировала?

Я бросила взгляд на Бренду. Та стояла в дверях кухни и спокойно взирала на совершенный ею разгром. Без вызова, без издевки, просто смотрела на нас, как бы говоря: «А вы что хотели? Оставили меня дома одну, вот я и поработала на славу. Не бездельничала, в конце концов». Я расхохоталась. Не знаю, что бы мы делали с крохотным рафинированным йоркширцем, но с Брендой нам скучать, видимо, еще долго не придется.

С тех пор в доме поддерживалась почти стерильная чистота. Не в том смысле, что мы, как одержимые, мыли окна, вытирали пыль и пылесосили ковры, но вот в пределах

Брендиной досягаемости не лежало ни одного предмета, способного удержать ее интерес хотя бы на минуту. Потом страсти несколько поутихли: возможно, наша тактика дала свои плоды, а может, Бренда просто повзрослела. Поутихли, но не исчезли окончательно. Время от времени случались проколы, подобные сегодняшнему. Кто знает, мы вот воспитывали Бренду, а вдруг и она таким оригинальным образом воспитывала нас с Иринкой: мол, есть порядок, будьте любезны его поддерживать. А нет — значит, получите.

— А как вообще сегодня дела? — спросила я, наливая Иринке чай.

— Нормально, — ответила она, насыпая в чашку сахар.

И начала рассказывать длинную историю о том, как они с девчонками решили устроить вечеринку, но не знают, кого из мальчишек пригласить, потому что все они болваны и кретины и надоели до смерти, но вечеринка без мальчишек — не вечеринка, а где же взять других... Я пила чай и страшно веселилась. Мысленно. Вслух нельзя — на Иринкином лице было написано настоящее страдание по поводу нехватки свежих мальчишек для вечеринки. Вроде как страшнее этого в жизни ничего быть не может. В пятнадцать лет так, наверное, и есть. Но смешно было очень.

— А у тебя что? — поинтересовалась Иринка, завершив свой рассказ.

— Наверное, поеду в Данию, — сообщила я, вставая из-за стола.

— В командировку? — Иринка чуть не подпрыгнула на стуле.

— Да. — Я включила воду и принялась мыть чашки.

— Когда?

— Через три недели.

— Класс! — Иринка хлопнула в ладоши.

— Думаешь? — усмехнулась я.

— Конечно! — Она вскочила и закружилась по кухне. — Ой, здорово, здорово!

— Подожди радоваться, вдруг мне визу не дадут.

— Дадут, дадут! — пропела Иринка. — И ты привезешь мне какой-нибудь датский свитерок, а чучелу нашему новый ошейник. Да, чучело? — Она присела рядом с Брендой и принялась ее тискать.

— Ты бы не очень, — озабоченно предупредила я, — а то вдруг ей опять станет плохо.

Но похоже, на сегодня самое страшное было позади. Иринка побежала включать телевизор — наступал час ее любимого сериала, а я пыталась вспомнить, что хотела сделать сегодня вечером дома и для чего, собственно, так сюда спешила. Боже мой! Сердце остановилось в груди. А где мой любимый мужчина? Он ведь должен был ждать меня здесь. Или нет? Я прокрутила в памяти наш утренний разговор. Да, да и еще раз да! Так где же он? Я побежала в комнату к Иринке.

— Ириша, а Павел был?

— Нет, — ответила дочь. — Ой, я совсем забыла тебе сказать, с этой дурындой... Он звонил. Часов в восемь.

— И что? — допытывалась я.

— Ничего, — пожалала она плечами, — спросил, пришла ты или нет. Я сказала, что тебя еще нет. Тогда он сообщил, что твой телефон вне зоны, и попросил тебе передать, что сегодня не сможет быть. У него там какие-то заморочки на работе, и он просидит там до ночи, а потом поедет сразу к себе. Вот.

— Ну ладно. Спасибо, — задумчиво произнесла я.

— Да не за что. — Дочь сочувственно посмотрела на меня.

Заморочки на работе? Поверить или нет? Думаю, скорее нет, чем да. Я глянула на часы — без десяти десять. Проверить или нет? А вот здесь скорее да, чем нет. И набрала номер его офиса.

Глава 3

На следующий день я пришла на работу хмурая. За окном накрапывал противный дождик, на столе меня ждала гора бумаг, которые следовало срочно разобрать. Мало того, я не выспалась. И все из-за Павла. Я трезвонила ему до часу ночи, а его нигде не было: ни в офисе, где он обещал трудиться, как проклятый, ни дома, куда вообще-то обычно отправляются люди после работы, ни даже на мобильном, который всегда у сердца. Павел исчез. Кто он такой, этот Павел? Мой бойфренд. Не уверена, правда, что уместно называть бойфрендом взрослого солидного мужчину, однако ни одно другое слово не кажется мне подходящим, чтобы определить место Павла в моей жизни, поэтому пусть будет бойфренд.

Шатен, спортсмен, предприниматель и страстный поклонник рок-н-ролла, через три месяца отмечающий свое сорокалетие. Мужчина, появившийся в моей жизни чуть более трех лет назад. Все знает, все умеет. Идеальный вариант. Где вот только пропадал вчера?

Утром ситуация тоже не прояснилась. Мобильный издавал космические сигналы и вежливые фразы о том, что абонент недоступен. Дома никто не отзывался. Я бросила взгляд на часы — десять с четвертью — и набрала номер его офиса.

— Фирма «Сонекс», добрый день! — солнечно прощепетало в трубку юное создание по имени Саша.

— Сашенька, здравствуйте, это Александрова. Подскажите, пожалуйста, Павел Сергеевич на месте?

— Ой, здравствуйте, Екатерина Михайловна! — ответила Саша. — А Павел Сергеевич еще не появлялся в офисе. У него с утра какая-то встреча, будет к обеду. Ему передать что-нибудь?

— Нет, спасибо, — задумчиво ответила я. — Попробую поймать его на мобильном. До свидания, Саша.

— Да свидания, Екатерина Михайловна.

Ну что ж, встреча так встреча. Однако где же он был вчера? Черт возьми, что за шуточки? Такого у нас еще не бывало. Я напрягла память. Точно, не бывало.

Я перебирала маркетинговые бумаги, но мыслями была далеко-далеко. Неужели началось? Рутинка, привычка, трясины... И ведь даже не женаты. Честно сказать, я всегда думала, что рутинка, привычка, трясины — это удел женатиков. А если не связать себя с мужчиной узами брака, то счастливо избежишь этого кошмара. Неужели я заблуждалась?

Павел возник из небытия к обеду. Я в очередной раз (в девятый или десятый) набрала номер его мобильного, и вдруг — о, радость!

— Да! — энергично рявкнул в трубку Павел.

— Привет, — проговорила я. — Как дела? Я тебя потеряла.

— А-а-а... — завис он, — да, вчера не удалось доехать до тебя, извини.

— А что с твоими телефонами? — спросила я, стараясь не звучать сварливо.

— Э-э-э... да все нормально, — ответил он, — давай поговорим позже, я сейчас занят.

— Ты приедешь сегодня?

— Не думаю, — с некоторой заминкой отозвался Павел.

— О! — вырвалось у меня.

— Работа. — Похоже, он смутился. — Сама знаешь. Послушай, давай я перезвоню тебе чуть позже.

— Ладно.

А что еще скажешь на это?

— Все, пока. — И в трубке послышались короткие гудки.

— Пока, — пробормотала я и отключила телефон.

От двери донесся шорох. Я подняла глаза.

— Тебе пришло приглашение. — Шеф протянул мне лист бумаги и исчез.

Приглашение, пришедшее от Пат, гласило: «Компания... приглашает Александрову Екатерину Михайловну на семинар... Год рождения... Место рождения... Данные паспорта... Место проживания... Период пребывания в Дании — с 28 мая по 4 июня 2006 года. Место пребывания: с 28 по 31 мая 2006 года. — Грестед, отель «Грестед», с 31 мая по 4 июня 2006 года — Копенгаген, отель «Центрум». Компания обязуется оплатить...» В общем, все как положено.

Я пошла искать шефа. Шеф обнаружился в комнате, где сидели менеджеры по продажам и Полина.

— Не знаете, где это? — спросила я у него, ткнув в ту строчку приглашения, где значилось название моего первого места пребывания.

Он взглянул в текст и покачал головой:

— Не имею ни малейшего представления.

— Разве вас не в Копенгагене собирают? — удивился Вадик.

— Да может, это и Копенгаген, — заметил шеф, — только пригород.

— Нужна карта, — объявила я. — У кого есть карта Дании?

— Откуда? — хором сказали сейлса^[5], а Вадик добавил:

— Вот шведских карт у нас как грязи.

— Сходи к соседям, — посоветовала Полина, — на пятом этаже сидит какая-то датская контора. У них наверняка найдется карта.

Я понеслась на пятый этаж. Соседи мгновенно прониклись моей проблемой и вытащили две карты. Не очень подробные, но пригороды Копенгагена на них присутствовали.

— Спасибо, — расшаркалась я и радостно уволокла добычу в свой офис.

Спустя полчаса я была уже не так весела. Грестеда на карте не обнаружилось.

— Странно, — протянул шеф, — может, твоя дамочка ошиблась?

«Где это?» — написала я Пат. «Высылаю *фрагмент* карты, — молниеносно отреагировала она. — Мы решили разместить вас за городом, поближе к природе». Я распечатала *фрагмент* и принялась изучать его. Через пять минут оторвала взгляд от *фрагмента* и мрачно посмотрела на шефа, переминавшегося с ноги на ногу рядом с моим столом.

— Что? — нервно вздрогнул он и потянул к себе *фрагмент*.

Секундное молчание и потом...

— Плачу всю сумму по гостинице, — произнес шеф и взглянул на меня.

— Дайте, дайте посмотреть. — Вадик вцепился в карту.

Полина, секретарша и две девушки, менеджеры по работе с клиентами, столпились вокруг него.

— О-о-о... — в унисон запели все и одарили меня жалостливыми взглядами.

— Поближе к природе, — задумчиво протянула Полина, — это они что имели в виду? Надеюсь, вы не в палатках будете жить?

— Плачу всю сумму по гостинице, — повторил шеф, сверля меня взглядом.

— Ладно, — нехотя ответила я и вздохнула.

— Деревня, — подытожила секретарша.

— Но ведь датская деревня, — робко вклинилась Ольга Аркадьевна, наш главбух. —

Там, наверное, все очень цивильно.

— А может, у них только один приличный город на всю страну — Копенгаген, — возразил Вадик, — а остальное — фермы и поля?

— Да ну вас! — в сердцах откликнулась я и схватилась за мобильный. — Дарья, — заскулила я, как только она появилась в эфире, — сейшен в такой заднице, что ее даже на карте нет.

— Какой сейшен, какая карта? — не сразу включилась в проблему Дарья.

— Датский сейшен, датская карта, — грустно пояснила я.

— Ой, — посочувствовала подруга.

— Угу, — засопела я.

— Но, Кэт, — подумав, напомнила Дарья, — у тебя же будут три дня в Копенгагене.

— Будут.

— Тогда что ты так паникуешь?

— Знаешь, где это? — вопросом на вопрос ответила я.

— Ну?

— На севере, в захолустье.

— По-моему, там где-то недалеко замок Гамлета, — подсказал всезнающий Вадик.

— Там рядом замок Гамлета, — повторила я в трубку.

— Кэт, — сурово проговорила Дарья, — тебя надо треснуть по голове. Все будет о'кей, слышишь?

— Слышу, — послушно согласилась я.

— Вот. Так-то лучше. Ну, все, пока!

Деревня... Я представила себе поля, сады, коттеджи и туман до пяток. Стога, колодцы, лошади... В общем, все атрибуты сельского быта. «Поближе к природе»! Это же какую нужно иметь цивилизацию, чтобы рваться на природу! Меня вот на эту природу сроду не загнать. Хотя... за бесплатное пребывание в течение трех дней в Копенгагене, как выяснилось, и я готова терпеть прелести деревенской жизни. Любопытно, а мобильный там будет работать?

— Ёпрст! Вот это очередь!

Я оглянулась. Позади меня стояла элегантная дама неопределенного возраста. И больше никого. Но кто в таком случае произнес «Ёпрст»? Не эта же холеная штучка.

— Ёпрст! — опять повисло в воздухе, и теперь оно уж точно вылетело из ярко накрашенного рта этого изящного создания. — Мне сказали, — продолжила она, — что в датском консульстве нет никаких очередей, а здесь, смотри-ка. — И она повела рукой.

— Да, — согласилась я, — мне тоже так сказали, но, видно, нам не повезло.

Я отправилась сдавать документы на визу на следующий же день после того, как получила приглашение от Пат Лин. Времени до семинара было еще достаточно, но я люблю все делать заранее.

— Знала бы, — потрянула головой дама, — ни за что не стала бы с этим связываться.

— Ездите только туда, где нет очередей в консульствах? — заинтересовалась я.

— Да нет, не в этом дело, — поморщилась она. — Просто обычно я прошу мою знакомую из турфирмы заняться визой. А тут она уехала, и приходится все делать самой. Ужас!

— Сочувствую, — пробормотала я.

— Может, плюнуть? — задумчиво проговорила дама. — И прийти в другой день?

— Плюньте, — кивнула я, — если вам все равно. Мне вот плюнуть не удастся.

— Что так?

— Командировка, — пояснила я.

— Да-а. — Дама осмотрела меня с головы до ног. — С иностранцами работаешь?

Почему все, абсолютно все, даже самые незнакомые люди, сразу переходят со мной на «ты»? Наверное, что-то такое в лице...

— Со шведами, — уточнила я.

— Шведы — тормоза, — безапелляционно заявила дама. — Финны — еще хуже, немцы — зануды, французы — суетливы, американцы — достанут со своим тупым оптимизмом. — Она наморщила лоб. — Вот англичане ничего. Да и канадцы мне понравились.

Я завороченно смотрела на нее.

— Австралийцы — снобы, — продолжала она. — Главное, кто бы мог подумать, да? Итальянцы — трепливы, испанцы — ленивы. Но вот кто действительно странный, так это голландцы... — И она умолкла, задумавшись.

— Может, вам просто попался один очень странный голландец? — предположила я. — А остальные очень даже ничего.

— Может, — не стала спорить дама, — но мне-то от этого не легче.

— Так вы что, — рискнула спросить я, — всех повидали?

— Ну да. — Она вытащила из сумки зеркальце и принялась изучать в нем свои безупречно накрашенные глаза.

— А где? — нерешительно спросила я. — Где-то по работе?

Дама бросила на меня иронический взгляд:

— Что ты, милая! Работа тут ни при чем. Это все личные знакомые. Кто по Интернету возник, — объяснила дама, — кто через друзей. — Она спрятала зеркальце, вновь бросила недовольный взгляд на очередь и процедила: — Нет, ну это что-то...

— Может, все-таки это не надолго?

— Дай-то бог.

Мы помолчали.

— А кстати, — дама легонько притронулась к рукаву моей куртки, — не знаешь, где эта Дания-то находится?

— В смысле? — Я ошарашенно уставилась на нее.

— Ну, она хоть в Европе? — растолковала свой вопрос дама.

— То есть вы едете туда и не знаете, где это находится? — Я продолжала изумленно смотреть на нее.

— Ну, в общем, да. — Она пожала плечами.

— А как это?

— Да просто. — Дама взмахнула рукой. — Нашла мужика в Интернете. Пишет: я — датчанин. Отлично. Мне-то какая разница. Прислал фото. Очень пристойно выглядит. Даже, — она хихикнула, — в моем вкусе. Вот. Теперь еду к нему в гости.

— За свой счет? — вырвалось у меня. — Ой, простите.

— Да что ты! — Дама пренебрежительно повела плечом. — Он платит, конечно. Всегда они платят. Если бы не так, то я на них разорилась бы. Ну, скажи, стоят эти ослы того, чтобы на них разоряться? — И сама же ответила: — Не стоят, ясное дело.

— А зачем вы ездите? — осмелела я. — Просто путешествуете?

— Затем, милая моя, — голос дамы приобрел назидательные интонации, — что из этой страны, — она повела вокруг себя рукой, — надо валить. Я и работаю над этим. Вот тебе хорошо, ты в иностранной фирме сидишь. Найдешь себе шведа и свалишь.

— Да у меня как-то... — я замялась, — уже есть... В смысле не швед...

— Соотечественник? — спросила дама.

Я кивнула.

— Зеленая-презеленая юность. — Дама скептически сузила глаза. — Еще не созрела для великих дел.

Ну вот, опять! А мне, между прочим, уже тридцать шесть. И у меня взрослая дочь и взрослая собака. Но все вокруг почему-то считают, что я еще из ясельного возраста не выросла. Советы дают, критикуют, покровительственно улыбаются. Вот как эта особа. Отчего так?

Дама немного помолчала, потом вновь ожила.

— Датчане... — Она устремила задумчивый взор на верхушки деревьев. — Датчан у меня еще не было. Не знаешь, какие они?

Я покачала головой. Увы! Мне самой еще только предстояло это узнать.

— Ладно, — дама тряхнула идеальной прической, — тогда скажи мне, ирландцы и исландцы — это одно и то же или нет?

А чем плох соотечественник? Тем более такой, как Павел. Позвонил вчера, как и обещал. Рассказывал что-то о переговорах, которые ведет с... убей, не помню название. Но может, и к лучшему — не смогу выдать тайну конкурентам, если таковые будут от меня ее домогаться. Жаловался, что зашивается. Пообещал появиться сегодня.

Что-то в этом было странное. Вроде историю он выдал правдоподобную, но что-то меня в ней все-таки смутило. Хотя не исключено, что просто примерещилось. Другая женщина? Смешно, право. Хотя Дарья высказалась за эту версию. Так и сказала, презрительно кривя губы: «Баба! Как пить дать, баба!» Но она всегда недолюбливала Павла. Сквозь призму своей нелюбви и трактовала все его поступки.

А я думаю, это полная чушь — в смысле, другая женщина. Нет, я не настолько самоуверенна, чтобы считать себя прямой из прим, такой, что заставит любого мужчину позабыть о всех остальных представительницах прекрасной половины человечества. Отнюдь. Я вполне нормальная — комплексов у меня хоть отбавляй. Просто, вспоминая, как развивались наши отношения с Павлом, не вижу, с чего бы в них могла возникнуть другая женщина.

В любви, как известно, один всегда убегает, второй — догоняет. В нашем альянсе с Павлом убегала я. Поначалу очень стремительно. Нас познакомили мои давние приятели Солоницины, Алька и Нина. Альку я знала с детства. Потом жизнь развела нас, но лет пять назад мы с ним неожиданно встретились на Невском. Обомлели, обнялись. И начался второй этап моей дружбы с Алькой, вернее, с Алькой и Ниной, потому что он уже был женат и растил дочку. Чудесная милая семья, в которую всегда приятно приходить. Нина, сидевшая дома с малышкой, радовалась мне чуть ли не больше Альки и очень переживала по поводу моей личной жизненной неустроенности. Так появился Павел.

Он был не в моем вкусе. Но одинокий интересный мужчина — крайняя редкость в моем окружении, в котором преобладали отчаянно флиртующие женатики. Только поэтому я решила уделить ему некоторую долю моего внимания. Приглядевшись же к нему, подумала: может быть, может быть. В нем все было неплохо: внешность, манеры, положение. И все это никому не принадлежало. Было бы пустым расточительством и далее оставить бесхозным. Тем более что все вокруг твердили: «Давай, давай!» Тем более что оно просто-таки само плыло мне в руки. Павел, что называется, на меня запал. Ухаживал он потрясающе. Именно его упорство меня и сломило. Когда тебя так самозабвенно добиваются, это подкупает. Особенно в наше время, когда отношения рождаются молниеносно, так же молниеносно переходят в фазу интимных, а спустя уже пару-тройку месяцев исчезают в никуда. Нет, здесь почти три месяца шла демонстрация классического, давно утраченного искусства обольщения моего сердца исключительно платоническими средствами. А что я? Я — слабая женщина, мне это было приятно. Вот и сдалась.

Но жили мы раздельно. Все же, когда переваливаешь через рубеж в тридцать лет, трудно ломать устоявшиеся привычки. У каждого должна быть своя территория, куда можно было бы отползти и отдохнуть от отношений, какими бы замечательными они ни были. Родители мои нас не понимали. Им подавай свадьбу и прочие причиндалы. А родители Павла... Они приняли меня настороженно, но Павла это мало беспокоило. Он обладал замечательной способностью уметь строить свою жизнь вне зависимости от чужого мнения, не оглядываясь

на многочисленных зрителей и советчиков. Ему нужна была я — значит, он меня добивался, а что там при этом думали все окружающие, даже родители, нисколько его не волновало.

— Если тебе там неприятно, — говорил он мне, — не ходи к ним. Я могу прекрасно сходить один.

— Ну как же? — пыталась возражать я. — А долг вежливости?

— Послушай, — улыбался он, — я хочу, чтоб ты понимала: что бы ты ни сделала, как бы ни старалась, они все равно будут недовольны. Поэтому нужно делать так, как удобно тебе.

Не правда ли, идеальный мужчина? Так вот, не правда. Он был так же далек от идеала, как и любой из нас. Неуравновешен, маниакально аккуратен и, что больше всего меня раздражало, чрезвычайно ревнив.

— Мама, ну а мы-то сами? — отреагировала Иринка, когда я однажды, не выдержав, проболталась ей о моих страданиях. — Ты посмотри внимательно на нас и подумай своей головой, каково ему с нами. Наверное, он очень влюблен в тебя, если терпит все наши прибабасы.

Возразить было нечего. Мы с Ириной далеко не подарки. Плюс Бренда. Тот еще комплект. Павел же при всем при этом вел себя почти безупречно. Меня обволакивал вниманием, с Иринкой наладил прочные дружеские отношения, Бренда — та его просто-напросто любила без памяти. В конце концов я привыкла к нему. Убила на это целых три года. И полагала, что теперь-то все пойдет как по маслу. А тут на тебе! Какие-то странности. Впрочем, всему этому может найтись вполне логическое объяснение. Что, если все дело действительно в работе? Мужиков же на бизнесе заклинивает.

— Чем это ты занимаешься?

Павел возвышался надо мной, как Гималаи над прочей азиатской территорией.

— Сумочку собираю, — пропыхтела я.

— Вижу. Куда?

— Я же говорила тебе. Еду в Данию.

— Но в Данию ты едешь двадцать восьмого, — возразил Павел. — Чего ты сегодня-то вцепилась в чемодан?

— Двадцать восьмого, — не стала спорить я. — Ну и что? Я люблю все делать заранее. Не мешай. Пойди посмотри телевизор.

— Там ничего нет, — отмахнулся Павел и наклонился, чтобы взять в руки листок, лежавший рядом со мной.

— Эй-эй! — завершала я. — Не трогай! Верни на родину!

— Что это? — наморщив лоб, Павел изучал листок.

— Список вещей, которые надо взять с собой, — пробурчала я.

— Детка, — изумленно выдохнул Павел, — ты пакуешься так, как будто уезжаешь на год.

Неужели? А по-моему, все очень простенько.

Утюжок, кружка для заваривания чая, фен, зарядка для телефона — это электроприборы. Мокасины, тапочки, замшевые туфли — обувь. Джинсы, костюм, две блузки, два джемпера, ветровка и толстый свитер на случай холодов, шорты и майка на случай невиданной для Дании жары, халат, пижама, ага, белье... Белья много, но с бельем всегда так — лучше больше, чем никакого. С одеждой вроде все, хотя не факт. Но еще есть время подумать.

— Шампунь, ватные диски... — читал Павел. — Думаешь, этого нет в Дании?

Знаю, что есть, но не тратить же мне драгоценное время на беготню по Дании в поисках ватных дисков. Или кремов нужной консистенции. Смешные они все-таки, эти мужики. Итак, дальше. Косметика. Крем один, крем второй, крем третий. Пенка, лак для волос, гель. Лак для ногтей плюс снималка. Шампунь, бальзам, зубная паста, мыло, ой-ой-ой, чуть не забыла гель для кожи под глазами. Любопытно, как бы я там выдержала без него целую неделю?! Тени, тушь, пудра, помада номер восемь, двадцать два, триста семнадцать... Взять одиннадцатую или нет? Взять. Таблетки. От головы, от живота, еще от живота, пластырь, бинт, вата, ватные палочки, прокладки. Чулки, гольфы, носочки. Кстати, а перчатки? Вдруг и в самом деле морозы? Так, а что это он там бормочет?

Но Павел не бормотал — он, похоже, начинал закипать.

— А это, — он потряс чем-то оранжевым, — тебе зачем?!

Купальник. Станный какой — а вдруг там есть бассейн?

— Купальник, — миролюбиво пояснила я. — Что, если в гостинице есть бассейн? Я бы утречком плавала в нем.

— Бассейн. — Павел недоверчиво посмотрел на меня. — О'кей. Значит, это ты для гипотетического бассейна стала качать пресс?

Вот черт! Не нужно было качать при нем. Я действительно взялась за свой пресс, как только узнала о поездке. Естественная реакция любой нормальной женщины, когда она узнает, что едет за границу. Хочется быть красивой и подтянутой. И что в этом такого?

— Кому ты там собираешься его демонстрировать? — Павел угрожающе навис надо мной.

О-о, не-ет! Опять! Я мысленно застонала.

Ревность — это ужасно. Я не даю ему никаких поводов для ревности. Я чиста перед своей совестью и перед Павлом. Никаких сторонних увлечений и приключений у меня за время знакомства с Павлом не было. Даже флиртвала я всего пару-тройку раз — и то только для того, чтобы поддержать разговор. Но он все равно ревнует. Несет всякий бред, как сейчас при виде моего несчастного купальника.

— Кому ты там собираешься его демонстрировать? — повторил Павел.

Я отобрала у него купальник и спокойно ответила:

— Никому.

— Тогда зачем ты его качаешь?

— Затем, — невозмутимо объяснила я, — что хочу влезть в светлый брючный костюм.

— Брючный костюм? — переспросил Павел.

— Ну да.

Он сжал руки в кулаки, повернулся и вышел из комнаты. Не поверил. На то он и Павел.

— Зачем он тебе нужен? — фыркнула Дарья, когда на следующий день я рассказала ей о реакции Павла на купальник.

— Станный вопрос, — протянула я. — Зачем вообще нужны мужики?

— Для комфорта. — Дарья поковырялась в своем салате.

Это она затащила меня в бистро. Сказала, что хочет есть, и нам пришлось искать место, где нас быстро и вкусно покормят.

— Для комфорта, — повторила Дарья. — Чтоб деньги приносил, за хозяйством следил, тебя на руках носил.

— Он и носит, — напомнила я.

— И при этом рычит, как цепной пес, — поморщилась Дашка.

— Имеет право на недостатки.

— Нет, — вздохнула Дарья, — все-таки я не понимаю, чего ты в него вцепилась? — И добавила противным голоском: — «Павел то... Павел се...»

Неужели действительно так?

— Может, прошлое на психику давит? — предположила Дашка.

Прошкое? Как знать... Когда к тебе приходит настоящая любовь, ты думаешь, что это навсегда. Во всяком случае, тебе даже в голову не приходит, что все это может закончиться буквально через год. В моем случае вселенская любовь длилась год и два месяца. Время, когда мы были только вдвоем, ничего больше вокруг нас не существовало. Потом что-то где-то перемкнуло, и в один прекрасный день я, встретившись с моим любимым, не ощутила привычного тепла, которым он обычно меня окутывал. Мало того, заметила искру досады в его взгляде, когда я что-то брякнула невпопад (это было тогда моим любимым занятием, однако прежде он никогда на подобную ерунду внимания не обращал). И еще — он стал все время куда-то торопиться. То на футбол, то на тусовку с друзьями, то на... Уже не помню. И что же я тогда? Я заволновалась. Что такое? Что случилось? И что теперь с нами будет?

«Подумаешь! — сказала мне тогда Дарья. — Это просто наступила следующая фаза». И вправду, успокаивала я себя. Конечно, любой девушке хочется фейерверков продолжительностью в целую жизнь, однако все девушки во всем мире отлично знают, что так не бывает. Рано или поздно любовная лихорадка превращается в хронический вялый насморк. Кто-то успевает жениться до этого момента, и тогда насморку находится подходящее название — «брак». Кто-то не успевает обменяться кольцами, и тогда, скорее всего, пара разбегается в разные стороны. Есть еще и третьи — эти пытаются простимулировать насморк и вернуть былое. Смешные люди.

Я была смешной. Изобретала, суежилась. Никак не могла смириться с тем, что ОНО ушло. У-ш-л-о.

А потом обнаружила, что я беременна.

И буквально на следующий же день — что это никому не нужно. И не просто не нужно. Категорически не нужно.

Он быстро собрал свои вещи и исчез, хлопнув дверью. Он был возмущен. Как же так? Я клялась ему в вечной любви, а на деле предпочла ему кого-то другого. Ребенка. Он обиделся. Или демонстрировал обиду, чтобы благополучно покинуть меня? Дымка влюбленности, которая до этого застилала мне глаза, рассеялась, и теперь я начала понимать, что происходило между нами на самом деле. Он был влюблен не в меня, а в мою любовь к нему. Безграничную. Вечную. Стоило ему только усомниться в безграничности и вечности, как вся привлекательность взаимоотношений со мной исчезла. Он просто был не способен любить никого, кроме себя.

Пережить такое еще раз — увольте. Тем более что вскоре в моей жизни появилась Иринка. И стало не до влюбленностей, потому что все мое существо захватила любовь совсем другого рода. Любовь, постоянно перемешанная с беспокойством: а вдруг моя сладкая дочура подхватила от своего папаши генетическую заразу под названием «неспособность любить кого-нибудь, кроме себя»? Не дай бог! Потому что, как бы я ни проклинала свой печальный опыт, я точно помнила, что нет ничего более восхитительного, чем тот кайф, когда ты влюблен. У Дарьи был период в жизни, когда она вопила на каждом повороте: мол, самое приятное, когда не ты сам любишь, а когда любят тебя. Чепуха! Любовь — это как табачный дым. Когда любят тебя, ты только чувствуешь аромат чужого

табачка и все. Кстати, не всегда это тебе приятно. Но вот если ты сама покуливаешь... Совсем другое дело.

Насильно этот любовный химизм создать внутри себя нельзя. Он либо есть, либо его нет. Наверное, каждой из нас отпущена своя доза этого химизма. Можно использовать ее по чуть-чуть, как, например, Дарья, которая почти всегда в состоянии легкой влюбленности, но никогда не погружается в объект своего внимания до самозабвения. А можно как я — на полную катушку. И исчерпать весь лимит в двадцать лет. И жить дальше, не зная тревог, связанных с этими страстями.

А как же Иринка? О, это совсем иное чувство. Это — духовное. К химизму, возникающему при виде мужчины, никакого отношения не имеет.

Павел? Тоже никакой химии. Просто он очень рьяно меня домогался. И еще я иногда думаю о старости. Смешно, да? В тридцать шесть-то. Но годы стали бежать так быстро, что только успеваешь мотать головой из стороны в сторону, провожая их взглядом. Так что старость не за горами. Иринка вырастет. Начнет жить своей жизнью (она уже и сейчас пытается). С кем я тогда останусь? С кем буду разговаривать вечерами? Не с холодильником же. А тут Павел... Очень кстати, вы не находите?

Дарье об этом говорить не буду. Дарья стареть не собирается. Я тоже не хочу, но куда денешься?

Не знаю, как мне виделось приземление в столице Дании: под фанфары и крики «Гип-гип-ура!» или просто бурю приветственных объятий, — уже и не помню, о чем мечталось в Питере, но одно знаю точно: то, что я буду стоять столбом посреди аэропорта Каструп одинокая и неприкаянная, никак не входило в мои планы.

Пат Лин в зале прилета не было. Я пристально всматривалась в лицо каждой маломальски рыжей женщины в тщетной надежде совпадения ее внешности с изображением Пат Лин на фотографии, которую я предусмотрительно распечатала на принтере и теперь таскала с собой в сумочке. Однако напрасно. Никто не был на нее похож. Вообще, в зале прилета находилось катастрофически мало встречающих. Две бабульки, одна девушка и три юноши, как потом оказалось, представители туристических компаний. Я медленно обошла их всех, внимательно разглядывая лица. Лица приветливо улыбались мне, я тоже улыбалась в ответ, а сама лихорадочно думала: «Что же мне делать? Что делать?»

Есть у меня школьная подруга Мариша, которую такой ситуацией из колеи не выбить. Потому что, куда бы она ни ехала, что бы ни собиралась предпринимать, она всегда продумывала запасные варианты. «На всякий случай», — туманно говорила Мариша, когда я любопытствовала, для чего она это делает. Какой такой «всякий случай» она имела в виду, оставалось для меня загадкой — с Маришкой никогда ничего не случалось. В смысле неожиданного и смертельного. Все ее поездки проходили на удивление гладко, все замыслы так же гладко воплощались в жизнь. Может быть, именно потому, что и на «всякий случай» у нее был готов ответ? Короче, Маришу я как раз сейчас и вспомнила. Если бы она вляпалась в такую ситуацию, как я, она бы просто спокойненько достала из сумочки список того, что следует сделать в случае возможной неудачи, и принялась бы методично шагать от пункта к пункту.

У меня списка — увы! — не было, поэтому я шагала от одного ряда кресел к другому, волоча за собой сумку и напряженно размышляя над своими дальнейшими действиями. Был бы сегодня понедельник, можно было бы позвонить в датский офис нашей компании и затребовать объяснений. Но за окном стояло солнечное датское воскресенье. И значит, офис отпадал. Странно, подумала я, что Пат Лин не дала мне номер своего мобильного. Или у них не принято беспокоить работников во время законного уик-энда? Правильная позиция, мысленно одобрила я, но тогда какого черта они намечают заезд на семинар в выходной день? А?

Так, ладно. Главное — держать себя в руках. Я сделала глубокий вдох, потом выдохнула, но беспокойство меня не покидало. В который раз я в смятении обвела взглядом зал. Вокруг суетились незнакомые люди, которых — вдруг заметила я — стало больше. Но никто по-прежнему не напоминал мне жизнерадостную дамочку с фотографии. В основном это были семьи с детьми. Одна — даже с собакой, палевым лабрадором. Я вытащила из сумочки мобильный, пару секунд поизучала дисплей, потом уверенно нажала две кнопки и приложила телефон к уху.

Для чего нам в нашей жизни друзья? Для того, чтобы поддержать в пиковой ситуации, верно?

— Ал-ло, — прозвучал в трубке Дарьин голос.

— Привет, — грустно сказала я.

— Это все-таки ты? — обрадовалась Дарья. — А я глазам своим не поверила, когда высветился твой телефон.

— Ты рада? — уныло спросила я.

— Тому, что ты позвонила? Конечно!

— Это хорошо. Потому что больше никто мне не рад.

— Э-э-э... — озадачилась Дарья, — ты уже на месте?

— Что ты подразумеваешь под словом «место»?

— Копенгаген, конечно.

— На месте.

— И?..

— И меня никто не встретил.

— Ох, вот это да! — воскликнула Дарья. — Почему?

— Откуда я знаю. — Я присела в ближайшее ко мне кресло.

— Прости за дурацкий вопрос, — произнесла Дарья, подумала и спросила: — Что будешь делать?

— А как ты думаешь, что лучше?

— Есть выбор?

— В общем, вялый, — я изложила ей соображения насчет офиса.

— Да-а, — протянула она, — ситуация. Послушай, но наверняка в эту деревню можно добраться на поезде.

— Наверняка, — согласилась я. — Я об этом уже думала. Только, знаешь, я боюсь, что притащусь туда, а это, если помнишь, за тридевять земель от Копенгагена, а там мне скажут: «Что вы, девушка, у нас никто никаких семинаров не заказывал. Это какая-то ошибка». И что тогда? Оказаться где-то посреди датских степей?

— У них разве есть степи? — В Дарьином голосе прозвучало сомнение.

— Ну лугов, какая разница? Перспективка все равно та еще.

— Тогда у тебя нет выбора, — подытожила Дарья. — Езжай в любую копенгагенскую гостиницу и селись в нее до завтра. А там позвонишь в офис, и все встанет на свои места.

Видимо, так и придется поступить.

— Дарья, — вздохнула я, — что бы я без тебя делала?

— Кэт, — ласково отозвалась Дарья, — ты бы и сама до этого додумалась.

— Ну, ясное дело, додумалась бы, — согласилась я, — просто приятно ощущать, что друзья где-то рядом.

— Тогда давай, — напутствовала меня Дарья, — иди в справочную и узнавай насчет гостиниц. И подогревай себя мыслью, что приключения уже начались.

Не знаю, почему Дарья не пошла в психологи. У нее получилось бы. Меня лично она реанимирует буквально на пятой минуте разговора. Я положила мобильник в сумочку и встала. Повертела головой в поисках справочной. Увидела. И направилась к заветной стойке.

Но не успела я сделать и нескольких шагов, как вдруг левая нога поскользнулась на чем-то, и я, не удержав равновесия, рухнула на пол.

— А-ах! — выдохнула я.

Сделала движение, чтобы подняться, но тут кто-то больно наступил мне на живот, и в то же мгновение я увидела прямо перед собой оскаленную пасть. Сердце ушло в пятки.

Я лежала на прохладном каменном полу и чувствовала, как когтистая собачья лапа давит мне на живот. Килограмм тридцать, не меньше, подумала я. Двадцать в нашей Бренде.

А эта псина определенно тяжелее. Тридцать, причем не просто стоящие на моем лежащем навзничь теле, а приплясывающие на нем. Хотелось бы надеяться, что не от предвкушения кровавой расправы.

«Лабрадоры, — подсказывал внутренний голос, — очень миролюбивые собаки». И очень тяжелые, добавила бы я. И очень — ой-ой-ой! — лизучие!!!

— А-а-а!!! — заверещала я, почувствовав, как шершавый язык прошелся по моему лицу сначала вверх, потом вниз.

Моя французская косметика! Моя шикарная новая помада, номер триста семнадцать! Да и вообще — что за дела?! Кроме того, говядина в кисло-сладком соусе и маленький стаканчик красного вина, потребленные мною в самолете и до этого момента считавшие, что они могут спокойно жить своей жизнью, похоже, теперь изменили свои намерения и собирались покинуть мой организм, причем в очень скором времени.

— А-а!!! — опять заверещала я, вскинув руки и пытаюсь защититься от вездесущего собачьего языка.

Собака, похоже, безумно обрадовалась такому развитию событий, потому что теперь топталась по мне уже двумя лапами, тихонько при этом повизгивая.

Кто-то, крича что-то непонятное тоненьким голоском, тащил пса прочь от меня, однако лабрадор стоял намертво, видимо задавшись целью окончательно лишиться меня макияжа.

«Может, перевернуться на бок?» — мелькнула мысль. Я сделала движение влево, собака чуть-чуть покачнулась, но тут же с удвоенным энтузиазмом продолжила работать языком. Я закрыла лицо руками. «Подумаешь! — видно, решила собака. — Зачем нам глаза, когда есть уши?» Бренда подумала бы именно так. Мокрый язык коснулся мочки правого уха. Я дрыгнула ногой.

— Щекотно, чтоб тебя! — заорала я, не отнимая рук от лица, и, вспомнив вдруг, что в таких случаях нужно говорить собакам, крикнула: — Фу! Фу!

Собака замерла, оставив в покое мои уши. Я осторожно открыла глаза и выглянула из-под руки. На меня смотрели два темно-вишневых глаза. Я раздвинула руки. Собака наклонила голову сначала вправо, потом влево. Кто-то дернул ее за поводок, но безрезультатно. Боковым зрением я видела, как вокруг суетились какие-то люди, но близко никто не подходил. Боятся собаки, сообразила я. Смешные, ей-богу. Я невольно улыбнулась. Собака опять склонила голову вправо и... тоже улыбнулась мне.

Я раскинула руки в стороны и захохотала.

— Ой, не могу! — смеялась я, а собака скакала по мне и взвизгивала.

Я больше не кричала «Фу!», от этого не было бы никакой пользы, потому что собака — и как я об этом забыла? — была датской, а значит, «Фу!» нужно было кричать по-датски, но я не знала как. Я лежала на прохладном каменном полу посреди великолепного международного аэропорта Каструп и радовалась тому, что огромный палевый лабрадор топчется по мне не в родном Пулкове, потому что тогда моему светлому брючному костюму пришел бы конец в одну секунду.

— Простите, простите, — услышала я мелодичный женский голос и почувствовала, как собака нехотя слезает с меня.

Я, все еще посмеиваясь, села. Передо мной стояли мужчина и женщина. Мужчина держал пса на коротком поводке и с тревогой смотрел на меня. Женщина, невысокая пухлая блондинка, нервно улыбалась и безостановочно повторяла по-английски:

— Простите, простите, пожалуйста. Мальчики сами не могли справиться.

— Все нормально, — слегка хрипло сказала я и помахала рукой собаке: — Все нормально.

Собака заулыбалась, принялась скакать и повизгивать. Я не выдержала и рассмеялась. Мужчина тоже рассмеялся, потрепал собаку по холке и сказал что-то по-датски жене.

— Она очень молодая, — извиняющимся тоном сообщила мне блондинка. — Хочет со всеми дружить. С вами действительно все в порядке? — И она протянула руку, чтобы помочь мне встать.

— Все отлично, — подтвердила я, принимая предложенную помощь.

— Биргитте, — представилась женщина, когда я уже утвердилась на ногах.

— Катерина, — улыбнулась я и вопросительно взглянула на ее мужа.

— Маркус, — кивнул он и, подергав поводок, добавил: — Линда.

Собака вывалила язык и уставилась на хозяина влюбленными глазами. Мы с Биргитте рассмеялись.

— Смешная, — сказала я.

— Да, — согласилась Биргитте, — мы сами не ожидали, что она будет такой смешной.

— Хорошая компания детям. — Я посмотрела на мальчишек.

Те застенчиво прятались за отцом.

— Хотите, мы вам подарим щеночка, когда они будут? — предложила Биргитте.

Я расхохоталась:

— Даже если бы я и хотела, думаю, это будет сложновато.

— Почему? — внезапно подал голос Маркус.

А я думала, он не говорит по-английски.

— Во-первых, у меня уже есть собака, — пояснила я. — Во-вторых, щенка пришлось бы вывозить в другую страну.

— А куда именно? — Супруги с любопытством смотрели на меня.

— В Россию.

— О! — Они переглянулись.

— Как интересно! — воскликнула Биргитте. — Я никогда не разговаривала с русскими.

— А я никогда не разговаривала с датчанами, — откликнулась я.

Маркус засмеялся:

— Сегодня удачный день, не правда ли?

— Простите... — раздался чей-то голос.

Я обернулась. Передо мной стояла высокая молодая женщина... Нет, не высокая — высоченная! Метр восемьдесят, не меньше. Копна взбесившихся кудрей цвета перезрелого баклажана, черные глаза формы идеального круга, улыбка от уха до уха и попа, очертаниями и размерами напоминающая корму небольшого катера.

Я выжидательно уставилась на нее. Не сомневаюсь, вопрос «А это еще кто?» был написан на моем лице крупными буквами и на всех европейских языках.

— Я Пат Лин! — радостно объявила великанша и помахала в воздухе пакетом с символикой нашей компании. — А ты Кэт, верно?

— Ох, ну ни фиги себе! — вырвалось у меня.

Глава 6

— Ох, ню ни фиха сибье! — повторила Пат Лин, лучезарно улыбаясь. — А что это значит?

— Извини, — я ошалело помотала головой, — что ты имеешь в виду?

— Что это значит по-английски: «Ох, ню ни фиха сибье»? — И Пат Лин склонила голову набок.

— Ммм... — замычала я.

Что-то это, безусловно, по-английски означает. Я даже примерно догадываюсь, что именно, но не скажешь же это вслух человеку, которого видишь первый раз в жизни и который призван быть твоим гидом в ближайшие четыре дня.

— Ну-у... — мялась я, лихорадочно подыскивая какой-нибудь удобоваримый аналог.

Пат Лин доброжелательно взирала на меня. Маркус и Биргитте тоже не отрывали пристальных взоров от моих губ.

— В общем, это выражает крайнюю степень удивления, — наконец нашлась я.

— Удивления? — Пат Лин широко распахнула свои идеально круглые глаза. — Но почему удивления? Я тебя удивила?

— Очень, — ответила я и улыбнулась так же лучезарно, как и она.

Я уже поняла, что в ближайшие несколько дней ходьба с прилепленной на лицо несмываемой улыбкой станет моим основным занятием.

— Ты должна быть рыжей, — продолжала я и коснулась волос на своей голове, чтобы всем вокруг стало ясно, о чем это я.

— О! — Пат Лин подпрыгнула и захлопала в ладоши. — Я не подумала об этом! На фото, которое я тебе отправила, я действительно рыжая. Но так захотелось поэкспериментировать... — Она доверительно подмигнула Маркусу и Биргитте.

Те понимающе закивали.

— ...чтобы жизнь не была скучной, — закончила Пат Лин и переливчато засмеялась.

Маркус и Биргитте вторили ей. Дети за спиной Маркуса смущенно ухмылялись. Я тоже растянула мою улыбку чуть шире, чем прежде, однако желания захохотать в голос не ощутила.

— Но... — Я непроизвольно взглянула на настенные часы.

Она ведь опоздала на целый час. И стоит хохочет как ни в чем не бывало. Или я чего-то не понимаю, или одно из двух...

— Я опоздала, — жизнерадостно сообщила Пат Лин, проследив за моим взглядом. — Давно никого не встречала в аэропорту. Отвыкла. — И она вновь подмигнула Маркусу и Биргитте. Непробиваемая тетка!

— Не будем вас задерживать, — вмешался в беседу Маркус. — Еще раз приносим свои извинения за Линду. — Он подергал поводок, Линда подняла на меня бархатные глаза и улыбнулась. — Вот вам моя визитка, — он полез во внутренний карман куртки и вытащил визитку, — вдруг у вас будет свободное время, и мы сможем посидеть за чашечкой кофе.

Биргитте восторженно подхватила:

— И вы нам расскажете все-все о России!

Я положила визитку в сумочку.

— Спасибо.

Подняла глаза и увидела две протянутые руки. Ага, Дарья предупреждала меня, что руки мне придется пожимать на каждом шагу. Господи, как хоть это делают? Растеряешься с непривычки. Я осторожно потрясла руку Биргитте, потом Маркуса. Наклонилась к Линде, протянула руку и ей. Супруги рассмеялись. Линда с интересом посмотрела на мою ладонь и ласково лизнула ее.

— Вот и попрощались, — сказала я, выпрямляясь.

— Было приятно познакомиться! — хором пропели Маркус и Биргитте.

— Мне тоже.

Я подхватила мою дорожную сумку и взглянула на Пат Лин:

— Идем?

— Не торопись, — сказала она и завертела головой: — Где тут у них табло? А, вижу.

— Зачем нам табло? — удивилась я.

Но Пат Лин меня уже не слышала. Она стартовала так стремительно, как будто намеревалась бежать стометровку на Олимпийских играх. Я устремилась за ней.

— Зачем нам табло? — повторила я.

— Нам надо встретить еще одну девушку, — пояснила она на бегу. — Из Москвы. Вот, видишь, — она потыкала пальцем в сторону висящего под потолком табло, — рейс приземлится через пять минут.

— Вижу, — вздохнула я.

В отличие от меня девушке из Москвы повезло. Она вышла из зоны прилета и сразу же наткнулась на «обаклажанненую» Пат Лин.

— Добро пожаловать в Копенгаген! — Тысячеваттное сияние Пат Лин озаряло половину Каструпа.

— Спасибо! — с энтузиазмом откликнулась девушка из Москвы, поставила свой чемоданчик и принялась обниматься с Пат.

Наверное, подружки, подумала я, с любопытством наблюдая за ними.

— Я Пат Лин, — сообщила Пат.

— А я — Ольга Симонова, — не осталась в долгу девушка.

О! Так они не знакомы? Кто б мог подумать.

— А это Катрин из офиса в Санкт-Петербурге. — Пат повела рукой в мою сторону.

— О! — Ольга смерила меня взглядом. — Очень приятно, — и протянула руку.

— Взаимно, — пришлось обменяться рукопожатием.

Пат Лин по-матерински смотрела на нас. А ведь мы наверняка плюс-минус ровесницы, мелькнула неожиданная мысль. Но только по хронологическому возрасту. По натуре же Пат Лин явная курица-хлопотунья. Рядом с такими я всегда чувствую себя пятилетней девочкой.

— Мы должны еще кого-то встречать? — деловито осведомилась Ольга и одернула свой пиджачок.

А вот эта — полная противоположность датчанке. Молодая, не старше двадцати пяти — двадцати семи, среднего роста, тоненькая, с прямыми плечами, яркими зелеными глазами и естественно-пепельными (ну кто бы ей поверил!) волосами. Элегантная, официальная и изрядно самоуверенная. Типичная жительница мегаполиса.

Питер тоже мегаполис, скажете вы? Да боже мой, какой там мегаполис! По сравнению с Москвой-то. Нет, речь не о численности проживающего в городе населения. Речь о привычках тех самых проживающих. Согласитесь, московского жителя от питерского отличишь на раз. Я лично отличаю. Московские — они все неврастеники.

Помню, когда нам только начали демонстрировать по телику «Секс в большом городе», я все мучилась вопросом: кого мне эти четыре подружки так живо напоминают? И только где-то серии к двадцатой сообразила: ну как же — наш московский офис во всей его красе! Постоянно несутся куда-то, нервно хватаются за телефоны, сами не знают, что именно хотят, а через пять минут уже не хотят и этого — одним словом, неврастеники.

Вот и эта изящная девица слишком выразительно щелкает замками на своей моднющей сумке, слишком холодно поводит вокруг глазами, слишком снисходительным взглядом окидывает Каструп, меня и Пат Лин.

Правда, похоже, Пат Лин этим не проймешь.

— Не-ет, — безмятежно протянула она, — больше никого встречать не нужно. Сейчас идем к машине и едем в Грестед.

— Отлично, — отрывисто откликнулась Ольга и взялась за ручку своего чемодана.

— Далеко нам ехать? — спросила я.

— Километров восемьдесят, — прищурившись, ответила Пат Лин.

Тлела внутри меня все-таки надежда, что она ответит мне что-то другое... Тлела и угасла. Восемьдесят километров. Надо бы...

— Можно забежать в туалет? — пробормотала я.

— Конечно. — Пат Лин широко улыбнулась. — Может, и ты тоже? — повернулась она к Ольге.

— Нет, спасибо. — Та фыркнула так, будто отправление естественных потребностей — удел простых смертных, к которым она, разумеется, не принадлежит.

Жучка, подумала я, направляясь к туалету. Жучка, неврастеничка и истеричка. Впрочем, на сегодняшний день московский офис продает больше всех по России. Боюсь, как раз благодаря своему неврастенизму. Но вот про девушку Ольгу я почему-то до сих пор ничего не слышала. Давно ли она у нас работает?

— А ты давно работаешь в московском офисе? — поинтересовалась я, вернувшись из дамской комнаты.

— Два месяца, — коротко ответила она.

— А, — кивнула я.

Недавно. Я так и думала.

— А кем?

Она напрасно полагает, что своей холодностью отпугнет меня. Я, конечно, не Пат Лин с ее непробиваемостью, но, когда мне нужно что-то выяснить, остановить меня может только танк.

— Вторым ассистентом менеджера по маркетингу.

Лихо закручено! Я лично сказала бы: «Тридцать пятым колесом в телеге», а она — «второй ассистент»! Надо бы взять на вооружение. Я бросила мимолетный взгляд на Ольгу. Та шагала рядом со мной, высоко подняв голову и нацепив на лицо мину из серии «я-тут-умнее-всех-а-вы-что-то-сказали?». Да ну ее к черту! Я повернулась к Пат Лин:

— Сколько всего будет людей на семинаре?

— Всего? — Она наморщила лоб и закатила глаза, вспоминая. — По-моему, шестнадцать. Да, точно шестнадцать. Вместе со мной.

— Немало, — пробормотала я.

— Надеюсь, мужики-то там ожидают, — внезапно прошептала по-русски Ольга.

Я скользнула по ней изумленным взглядом.

— Стойте здесь, — скомандовала Пат Лин, как только мы вышли из здания, — я подгоню машину, — и унеслась в направлении автостоянки.

— Зачем тебе мужики? — Я установила мою сумку в вертикальное положение и подняла глаза на москвичку.

— Ну как же... — туманно ответила она.

С ума сойти! И эта туда же. Я полагала, что гоняться за мужем-иностранцем по старушке Европе с паспортом наготове в руках — примета первых лет после взлома железного занавеса. Оказывается, нет, ничего подобного.

— Почему бы им там и не быть... — проговорила я без всякого энтузиазма.

«Мужская тема» меня абсолютно не волновала.

Вжик! Рядом с нами резко затормозил темно-синий «пежо». Баклажановая курица-хлопотунья, похоже, еще и автолихачка.

Я открыла глаза и увидела белую стену. Ох! Где это я? Поморгала, пытаюсь увеличить резкость, — не помогло. Прищурилась и уставилась в окружающие меня сумерки. Где-то на их окраине узрела зеленые цифры электронных часов. 6.03. Что это? Я в ужасе взметнулась из постели и подскочила к окну. Отдернула занавеску и... Прямо передо мной простирались бесконечные луга, а по ним бродили коровы. Деревня, сообразила я. «Дания», — услужливо подсказал внутренний голос.

Я с облегчением вздохнула и вернулась в кровать. Можно спать еще целых два часа. Боже, какое счастье! Я свернулась калачиком и задремала. В неровном утреннем сне мне являлись лошади, коровы, ветряки и прочие датские прелести в огромных количествах. Я чувствовала, что мне здесь уже нравится, что бы ни приготовила нам непредсказуемая Пат Лин.

А она, хитрюга, не оглашала всю программу пребывания сразу.

— Чем мы будем заниматься эти три дня? — спросила я ее после того, как мы с Ольгой были представлены всем остальным приглашенным.

Раньше задать ей этот вопрос было попросту невозможно — Пат Лин трепалась всю дорогу до Грестеда, практически не позволяя себе никаких передышек. «Энерджайзер», — шепнула мне в машине Ольга. Я еле удержалась, чтоб не расхохотаться. Так вот, Пат Лин трепалась, но совсем не о том, о чем нужно. Никаких подробностей о месте, где нам предстояло прожить три дня, о людях, с которыми нам предстояло встретиться, о событиях, которые нас ожидали. Нет, она громко и сочно рассказывала нам об истории своей страны, о ее сегодняшнем дне, о королевской семейке и о тех деревеньках, которые мелькали за окнами автомобиля. Под конец поездки мы были уже основательно напичканы разнообразными сведениями, ни одно из которых нельзя было применить в ближайшем обозримом будущем, а именно в период с понедельника по среду.

— Итак, — торжествующе провозгласила Пат Лин, лихо заворачивая в очередную узкую улочку, — мы на месте! — резко тормознула и стремительно выпрыгнула из машины.

— Парализует, — после секундной паузы заметила Ольга.

— Напрочь, — согласилась я и принялась выбираться из машины.

Потом был процесс заселения, потом — знакомства с остальными «семинаристами», и наконец-то мы получили возможность что-то спросить.

— Чем мы будем заниматься эти три дня? — любопытствовала я.

— Да, — подхватила Ольга, — какова программа?

Кольцо остальных участников семинара сомкнулось вокруг нас.

— Да... Да... — дружно закивали они.

Ну надо же! А я думала, что все, кроме нас, уже в курсе.

— Я разве не сказала? — Пат Лин озадаченно щурилась.

— Нет. — Мы с Ольгой покачали головой.

— Нет... Нет... — прошелестели остальные.

— Как странно... — Пат Лин нахмурилась, роясь в своей необъятной сумке. — Мне казалось, я уже... Угу, так. — Она зашуршала извлеченными из недр сумки листочками бумаги. — О'кей, программа...

— Рассеянный энерджайзер, — пробормотала Ольга, — это сильно.

Я вновь еле поймала напалзающую на губы улыбку. Ольга начинала мне нравиться.

— Понедельник, — огласила тем временем Пат Лин, — первый день работы...

При слове «работа» я приуныла. Хотя умом я понимала, что семинар — это не повод для отдыха, однако втайне очень надеялась на то, что ошибаюсь. Видимо, зря надеялась.

— ...завтрак в девять часов. В десять — лекция о стратегии позиционирования продуктов компании. Будут рассказывать...

Мы с Ольгой переглянулись. В ее глазах стоял дикий ужас. Я ее понимала. Мы с ней оказались в одинаковом положении. Московский менеджер по маркетингу тоже отказался ехать в Копенгаген. Он бракосочетался как раз в эти выходные, поэтому «датскую дыру» заткнули Ольгой, которая, так же как и я, не имела ни малейшего представления не только о стратегии позиционирования, но и о любых других стратегиях вообще. Впрочем, лекция — это не страшно, там ведь только нужно сидеть и записывать.

— Подумаешь! — прошептала успокоительно я. — Будем слушать и записывать. Ничего сложного.

— ...Кофе-брейк где-то в полдень, — продолжала Пат Лин, — ленч — в два часа. После ленча — занятия в группах...

Я вздрогнула. Что такое? Какие еще занятия? Я открыла было рот, чтоб спросить, но тут субличная чернявая дамочка средних лет, представленная нам как директор по маркетингу гамбургского офиса, выступила вперед:

— Что будут включать в себя эти занятия?

Пат Лин доброжелательно взглянула на нее и промурлыкала:

— Обмен мнениями после лекции и практические задания по теме лекции.

Ольга сделала кислое лицо. Я тоже не выпрыгивала из штанов от восторга. А вот германская дамочка, похоже, была абсолютно удовлетворена.

— Гут, — кивнула она и отступила на свои прежние позиции.

— Вечером, — вернулась к своим бумажкам Пат Лин, — ужин и кофе. Второй день, вторник: завтрак тоже в девять, в десять — представление программного обеспечения, разработанного специально для маркетинговых департаментов... Так... кофе-брейк, конечно... Ленч в два. А потом, — она лукаво улыбнулась и обвела взглядом внимающую ей публику, — social event!!!^[6]

Вот так и сказала — прямо с тремя восклицательными знаками. Хотя тем, кто ее не видел, представить это сложно. Поверьте на слово — Пат Лин сияла и искрилась, как небо в фейерверках на Новый год. Мы с Ольгой, как под гипнозом, тоже заулыбались.

— Обалдеть, — шепнула мне мимоходом Ольга, — она действует на меня как шампанское.

— Что есть social event? — спросил худошавый норвежец.

На него, видно, обаяние Пат Лин действовало умеренно и размягчения мозгов не вызывало.

— Секрет! — пропела Пат Лин. — Узнаете позже, — и вновь зашуршала своими бумажками.

— Может, нас на яхте повезут кататься? — влез Алекс.

— Сначала до моря добраться нужно, — возразил Брайан. — Или ты знаешь яхты, которые и по лугам могут? — и подмигнул мне.

Алекс и Брайан были самыми симпатичными мужиками на семинаре. Всего же их было...

— Раз, два, три... — принялась подсчитывать мужиков Ольга, не успев выгрузиться из машины Пат Лин. — Девять, — подытожила она.

— Нормально? — спросила я.

— Вполне. Больше половины. Как думаешь? — Она уставилась на меня.

— Хочешь замуж за иностранца? — прямо спросила я.

— Не знаю, — смутилась Ольга. И, помолчав, призналась: — Вообще-то я специально пошла работать в эту компанию, чтоб продраться в Европу.

— Что, на родине так плохо? — поинтересовалась я.

— Да нет, — она как будто не заметила моего сарказма, — не то чтобы плохо, но ведь в Европе лучше, верно?

— В Европе лучше, — согласилась я, — вот только уверенности в том, что и мужики там лучше наших, у меня нет. С ними, как и с нашими, сначала изучить персонаж нужно, а потом уже делать выводы.

— Ага, — кивнула Ольга, — внимательно рассматривая присутствующих, — сейчас главное — быстро зацепить кого-нибудь. Все определяется в первый вечер.

А девица, оказывается, подготовлена на все сто — во всяком случае, по части теории.

— Хай! — Плотноватый брюнет в красном джемпере ринулся к нам. — Вы откуда?

— Из России, — ответила я.

— Класс! — воскликнул мужик. — Как там господин Путин?

Шутник.

— К сожалению, — я изобразила легкую улыбочку, — мы с ним не знакомы.

— Класс! — опять восхитился мужик. — Но он тебе нравится?

— В каком смысле? — озадачилась я.

— Как лидер. — И Красный Джемпер с надеждой впился в меня взглядом.

Вот черт! Похоже, про «господина Путина» — это не просто для затравки разговора.

— Как лидер, — осторожно начала я, — да, он мне нравится...

— Но что там за история с господином Ходорковским? — перебил меня Красный Джемпер, произнеся фамилию опального бизнесмена как «Хоторковски».

— Э-э-э... — Я впала в транс.

То, что история имела место быть, я знала, но в чем вот она состояла... А мужик продолжал ажиотировать:

— И что господин Путин собирается делать с терроризмом? А что там у вас с теми, кто живет ниже уровня бедности? А как обстоят дела с бюджетом? Как ты думаешь, почему все едут из России? Выгодно ли создавать свой бизнес у вас? А еще...

Я стояла открыв рот. Неужели он всерьез думает, что на все эти вопросы можно ответить? Ольга притихла по левую руку от меня и, наверное, уже принялась пересматривать свои взгляды насчет «продраться в Европу».

— Ну? — Красный Джемпер наконец иссяк и приготовился внимать ответам.

— Э-э-э... — выдохнула я.

— Ты не представился, — раздался чей-то ленивый голос, и, чуть повернув голову вправо, я увидела высокого стройного блондина в очках.

Он похлопал мужика по плечу и сказал:

— Это — Алекс, а я — Брайан.

«Вальяжный» — окрестила я его мысленно. Ольга зашевелилась и, протянув руку, томно промолвила:

— Ольга, офис в Москве.

Ага, положила глаз на Брайана. Я одобрительно хмыкнула.

«Сладкая парочка», как выяснилось, работала в голландском офисе. Кроме них на семинар приехали: трое немцев, двое шведов, один норвежец, трое датчан, одна финка и одна полька.

— Собрали все северные территории, — шепнула мне Пат Лин.

Social event... Интересно... А в том, что касается бескрайности датских лугов, Брайан был прав. Часовое путешествие с Пат Лин в автомобиле — и когда я прикрывала на мгновение глаза, перед моим мысленным взором мельтешили луга, луга, луга. Кое-где, конечно, встречались и небольшие рощицы, но общей «луговой» гармонии они не нарушали. Травка везде была такой свежей и ровной, как будто ее каждое утро тщательно промывали в трех водах и расчесывали гребенкой. Деревеньки, попадавшиеся на нашем пути, навевали ассоциации с архитектурными макетами — симпатичные домики, море цветов вокруг и уникальная чистота, не имеющая ничего общего с реальной жизнью. То тут, то там торчали ветряки, лениво машущие металлическими лопастями. Везде покой и красота.

— Хочу тут жить, — всю дорогу вздыхала Ольга.

— Валяй, — отвечала я ей, — ты ж за этим сюда и приехала.

Она, конечно, несколько приуныла вчера, когда поняла, что Брайан ею совсем не интересуется, но пребывала в печали ровно до того момента, когда мы уселись за стол ужинать и она обнаружила себя в окружении веселых ребят из датского офиса.

Странно, но никто больше из женского контингента не выказывал интереса к мужчинам. Виной ли тому сдержанный северный темперамент, или у них не принято кокетничать с коллегами на корпоративных мероприятиях, осталось для меня загадкой, однако, когда Ольга развернула боевые действия, никто ей не препятствовал. Мало того, похоже, никто даже не обратил на это никакого внимания. Или тетки все уже замужем?

А Ольга нравилась мне все больше и больше. Язычок у нее работал как бритва, да и с головой все было в норме, а гонор слез с нее довольно быстро, не успели мы отъехать от аэропорта. «Значит, это так, напускное, — сказала бы Дарья, — как одежда: надел, когда надо, снял, когда ни к чему». Со мной гонор Ольге был ни к чему. Кстати, о Дарье... надо бы позвонить ей. Со своими-то я пообщалась вчера вечером, перед ужином. А на Дашку сил уже не хватило.

Я положила на тумбочку зеркальце и взглянула на часы. 8.24. А у нас в Питере — 10.24. Дарья должна уже быть на ногах, хотя с ее фрилансерским режимом никогда нельзя быть в этом уверенной. Я взяла телефон и набрала ее номер.

— Дарья, привет!

— Ой, Кэт, — обрадовалась Дарья, — привет-привет!

— Я не разбудила тебя?

— Да нет. Я, можно сказать, уже как пчела тружусь. Ну что, как дела? Ты где? Я тебе, между прочим, звонила вчера.

— Да видела. Только я вчера оставила телефон в номере, а когда вернулась, уже не стала перезванивать тебе, потому что у вас уже была глубокая ночь.

— Так ты где? — поинтересовалась Дарья. — В Копенгагене?

— Нет, в деревне, — ответила я.

— Появилась все-таки твоя дамочка, да?

— Ага, появилась. Спустя час.

— Нормально! — фыркнула Дарья.

— Если б ты ее видела, то поняла бы, что час — это так, легкая разминка. Но вообще она ничего, прикольная.

— А остальной народ как? Слушай, я даже не спросила, вас там сколько всего?

— Шестнадцать.

— Неслабо! — восхитилась Дарья. — Мужиков много?

— И ты туда же? — удивилась я.

— Да ладно, — усмехнулась она, — я это к тому, что без мужиков на тусовках скучно.

Или ты не согласна?

— Да согласна, согласна, — засмеялась я. — Мужиков девять штук.

— Очень даже, — заметила Дарья. — Что делать будете?

— Позиционировать, — мрачно ответила я.

— Это что такое? — озадачилась Дарья.

— Пока не знаю. Нам будут читать лекцию, а потом демонстрировать какую-то программу.

— Прикольно! — неуверенно проговорила Дарья, подумала и спросила: — Я правильное слово подобрала?

— Трудно сказать, — задумчиво ответила я. — Все как бы ничего, но вот занятия в группах и какой-то social event меня сильно смущают.

— Social event — это что за зверь? — заинтересовалась Дашка.

Понятно, занятиями в группах ее не испугать. В своем увлечении психологией Дарья не останавливалась ни перед чем, поэтому была частым гостем на групповых тренингах и прочих подобных действиях. Сочувствия у нее в этом вопросе не дождешься. «Брось! — скажет она. — Это же так здорово!»

— Может быть, нас повезут на какую-нибудь экскурсию, — предположила я. — Эта красотка ничего не сказала. Состроила таинственные глаза и все. Сюрприз, мол.

— Класс! Расскажешь потом.

— Непременно! Может, даже если не дотерплю, то напишу по имейлу. А ты-то как?

— А что мне сделается за один день? — удивилась Дарья. — Все нормально.

Не скажите. Иногда и пары минут достаточно для того, чтобы жизнь «после» уже больше никогда не напоминала жизнь «до». При общении с Дашкой об этом нелишне помнить.

— Хотя...

Ну вот, а что я вам говорила?

— Ты разбираешься в цифровых фотиках? — спросила Дарья.

— Не-а. А что?

— Хочу купить.

— С чего бы это?

Наверняка куда-нибудь собралась.

— Вот думаю... — И Дарья умолкла.

— Колись давай, — предложила я.

— Есть такая поездка — на джипе по Гималаям...

— Круто! — только и смогла вымолвить я.

— Вот и я подумала, — сказала Дарья, — как это Гималаи и без нас?

— Я пас, — быстро проговорила я.

— Не сомневалась! — фыркнула Дарья. — Тебе бы отели, кондиционеры, горячую воду...

— Капучино, — подхватила я, — круассаны, музеи и выставки.

— Да, Кэт, — заключила Дарья, — ты безнадежна.

— Увы! — поддакнула я, разглядывая свои ногти.

— Но я тебя и такой люблю, — вздохнула Дарья.

— Спасибо, друг, — рассмеялась я. — Прощаемся? А то мне уже на завтрак надо бежать.

— Беги. Звони. Записывай впечатления. Целую. — Дарья издала звучный чмок, и из трубки побежали короткие гудки.

Я положила телефон на столик. Посмотрела на себя в зеркало. Подкрасила губы. Неярко. Все же мы на деловой встрече. Или нет?

Первый день семинара прошел как в угаре. С утра и до самого вечера мы заседали, обсуждая вопросы стратегии позиционирования. Наши были правы: заграникомандировка — это не манна небесная, отнюдь. Если еще учесть, что с позиционированием, в каком бы виде оно ни выражалось, мне довелось столкнуться впервые в жизни, то — уверяю вас — напряжение не оставляло меня в течение целого дня. Особенно во второй его половине, когда нас принудили к групповым играм. Что-то мы там рисовали на огромных демонстрационных досках, стирали и опять рисовали. Моделировали какие-то ситуации, которые якобы ожидают нас в будущем, и разрешали их. Я тоже все это делала. Вместе со всеми. Но чувствовала себя первоклашкой, случайно забредшей к выпускникам. Впрочем, Ольга, похоже, ощущала себя так же паршиво.

К вечеру я исчерпалась. Была близка к обмороку. Мне хотелось лечь где-нибудь в уголке и тихонько подремать, так ведь нет — после ужина Пат Лин сгребла нас всех в кучу и повела в холл, где были накрыты столы для кофе.

— Общаемся! — скомандовала она.

И народ... принялся общаться. Где взяли силы? И Ольга вдруг оживилась, нырнула в это общение, как будто и не выглядела только что бледной немочью. Ну да, конечно, а когда еще ей реализовывать свою «европейскую мечту»?

Хорошо у нее получается, думала я, забившись в самое дальнее от центра холла кресло и попивая свой латте. Петер из шведского офиса уже, считай, полностью под колпаком. Да и вон тот датчанин — забыла, как зовут, — тоже подплывает к крючку. Неужели оба не женаты? Если так, то Ольге повезло.

— Хай!

Я вздрогнула от неожиданности. Не заметила, как ко мне подобрался Брайан. Со мной всегда так. Сажу себе тихонько в уголке, никого не трогаю, тут-то кто-нибудь обязательно и нарисует. И начинает активно виться вокруг меня. Дарья говорит, это оттого, что у меня вид человека, которого хочется опекать. Вот они и слетаются, как мотыльки на пламя свечи. Потом, правда, многие исчезают, поняв, что внешность обманчива, но до этого успевают изрядно мне надоест. Ведь если бы просто желали поболтать со мной о жизни или еще о каких любопытных вещах, так ведь нет, они желают флиртовать. Порой это утомляет до чертиков. А Брайан — так это вообще отдельная тема. Он что, не понимает, что его раскусили? Женатик на выезде. А туда же. Тем не менее я изобразила на лице улыбку и позволила втянуть себя в длинный разговор о превратностях работы в голландском офисе.

Утром во вторник половина участников семинара демонстрировала зеленоватую бледность и помятый вид. Ольга была краше обычного, но даже боевой раскрас не скрывал последствий почти бессонной ночи. А Брайан выглядел бодряком. Просто как огурец. Надо же, а ведь он еще оставался, когда я ушла спать. И пил. Точно помню. Я кивнула ему в знак приветствия, он расцвел, снял очки, протер их замшевой тряпочкой и устремился ко мне:

— С добрым утром!

— С добрым, — откликнулась я.

— Хотя по другим этого не скажешь. — Он подмигнул мне и кивнул в сторону Алекса, бледного и отекавшего.

— Это точно, — рассмеялась я. — Удивительно, что ты выглядишь совершенно иначе.

Ты вроде бы тоже был с ними.

— Был, — подтвердил Брайан. — Но я — совсем другое дело.

— В каком смысле? — поинтересовалась я.

— Они — слабаки, — пренебрежительно усмехнулся Брайан.

— О! — только и смогла вымолвить я.

— Ну да. — Он самодовольно потер руки. — А мне от таких увеселений ничего не делается.

— Счастливая особенность, — равнодушно заметила я.

Сказать по правде, нюансы жизнедеятельности организма Брайана, позволяющие ему безболезненно переносить ночные попойки, меня не особенно интересовали.

— А ты нас проигнорировала, — с некоторой претензией в голосе констатировал Брайан.

— Устала, — уклончиво пояснила я.

— Ты думаешь, тебе кто-нибудь поверит? — Брайан таращил на меня светлые глаза и ехидно ухмылялся.

Поверят ли? В общем-то меня это не волновало. Но правила вежливости вынуждали дать какие-то объяснения моему поведению. Но поскольку первое из них не подошло, то я снизила до второго и сказала:

— Я замужем.

Небольшая натяжка, но кто будет меня проверять?

Как выяснилось спустя секунду, и это объяснение не было принято.

— Я тоже женат, — пожал плечами Брайан. — При чем тут это?

Надо же, признался. Я думала, он будет изображать из себя бравого холостяка до самого конца семинара.

— Ну-у... — протянула я.

— Это же семинар. — Лицо Брайана выражало полное недоумение.

Нет, он мне надоел, захотелось от него отделаться.

— Я не для того выходила замуж, чтобы потом флиртовать направо и налево.

— Никто для этого не выходит замуж, — опять пожал плечами Брайан. — И не женится. Но так получается. — Он опять ухмыльнулся. — Само собой выходит. А потом, когда ты возвращаешься домой, это, поверь, помогает тебе и дальше терпеть семейную жизнь.

— Терпеть? — фыркнула я.

Брайан с любопытством уставился на меня.

— Ты сколько времени замужем? — спросил он.

— Год, — буркнула я.

— Тогда понятно, — кивнул он.

— Что понятно? — усмехнулась я.

— Тебе еще не приелось, — объяснил Брайан.

— Вот и хорошо, — отреагировала я.

— Одно не понятно, — Брайан осторожно взял мою правую руку и легонько потряс ею, — почему в таком случае ты не носишь кольцо?

Прокол. Но в конце концов... Я открыла было рот, чтобы достойно ответить Брайану: мол, не лезь не в свое дело, как вдруг по холлу пронесся вихрь и раздалось ликующее:

— С добрым утром, коллеги! С добрым утром!

Пат Лин собственной персоной. Прошу любить и жаловать.

— На завтрак, на завтрак, — как в детском саду, захлопала в ладоши Пат Лин. — У нас сегодня очень плотная программа. Скорее, скорее!

И все, как будто под гипнозом, быстро затрусили в ресторан.

Я вырвала мою руку из цепких пальцев Брайана и молча побежала вслед за остальными. Нет кольца — и он на этом строит свои гипотезы. Странные они все-таки, эти мужчины. Хотя, надо отдать ему должное, наблюдателен. Интересно, он всегда такой или лишь по отношению ко мне?

— Ну, как ты? — тихо спросила я у Ольги, когда мы вместе подошли к шведскому столу. — Жива?

— Жива, но с трудом, — призналась она, глядя с отвращением на сыры и ветчины. — Ничего не хочу, только лечь бы где-нибудь в углу и лежать в тишине.

— Не выйдет, — я бросила мимолетный взгляд на Пат Лин, — Энерджайзер не даст.

— Вижу, — отозвалась Ольга. — Придется на презентации спать с открытыми глазами.

И не поверите — так она и поступила. Села позади меня, откинулась на спинку кресла и замерла. Я осторожно, чтобы никто не видел, пощелкала пальцами у ее уха, на что она прошептала:

— Я сплю-ю...

— Понятно, — ответила я.

— Ткни меня в бок, если вдруг что, — попросила Ольга. — Только тихонько, а то я заору.

— Будет сделано, — пообещала я, и презентация началась.

С программным обеспечением все обещало быть волшебным. Мы и оглянуться не успеем, уверял нас костлявый бодрячок лет сорока пяти, как вся наша маркетинговая жизнь переменится к лучшему, причем кардинально. Просто с ума сойти. Я слушала, восхищаясь энтузиазмом, который источал мужик на сцене, и качеством его английского — просто шекспировский слог, ей-богу! Однако ничегошеньки не понимала из того, что он говорил. Программное обеспечение всегда нужно щупать руками, а не вкушать в виде инструкций. А потом, у меня визуальное восприятие мира, никак не слуховое.

— Вопросы, — бодрячок лучезарно улыбнулся, — какие будут вопросы? — и обвел взглядом аудиторию.

Аудитория безмолвствовала. Все потупили глаза и зашуршали своими бумажками. О боже, сообразила я, они же, как и я, ни черта не поняли из сказанного. Лектор продолжал лучиться радостью и призывно улыбаться. Аудитория продолжала прятать глаза. Я повертела головой в поисках неутомимой Пат Лин. Неужели у нее нет вопросов? Такого просто не может быть. На проверку оказалось, что нет самой Пат Лин. Выскользнула незаметно, видимо по каким-то своим организационным делам. Пауза затягивалась. Мне стало смертельно жаль мужика, так старавшегося в течение последних двух часов. Нужно было что-то срочно делать.

— Э-э-э... — Я подняла руку.

— Да? — оживился бодрячок.

— Вы знаете... — начала я.

Лектор вежливо поклонился:

— Простите, но не могли бы вы представиться?

— Да, конечно. — Я встала. — Катерина Александрова, петербургский офис, Россия.

Лицо бодрячка выразило крайнюю степень восторга.

— Петербург! Это замечательно.

Аудитория поддержала его одобрителем гулом. Я почувствовала себя дебютанткой на конкурсе Евровидения и чуть было не принялась раскланиваться, но вовремя спохватилась.

— Спасибо, — скромно улыбнулась я.

— Итак, — лектор сложил руки в молитвенном жесте, — у вас есть какой-то вопрос.

— Да, — решительно сказала я.

Я собиралась сейчас сморозить глупость. И зарекомендовать себя полной идиоткой. Во имя поддержания деловой атмосферы в аудитории. Раз уж никто не был способен сказать ничего умного. Надеюсь, народ оценит мою жертву.

Я сделала глубокий вдох и выпалила:

— У меня есть некоторые сомнения насчет того, как будут учитываться в вашем программном обеспечении особенности каждой конкретной страны. В России, в частности, различные условия ведения бизнеса в больших городах и в провинции. — Подумала и добавила: — Вот, — и села.

Бодрячок широко развел руками и воскликнул:

— Прекрасный вопрос! — и, не поверите, захлопал в ладоши, кивками и улыбками приглашая присутствующих последовать его примеру.

Аудитория оживилась. «Действительно», «Я тоже об этом думал», «Не представляю себе, как они все это учтут», — слышалось то тут, то там. Брайан, сидевший в передних рядах, обернулся и одобрителем потряс головой.

— Что случилось? — зашевелилась за моей спиной Ольга.

— Не знаю, — честно призналась я. — Задала вопрос, совершенно дурацкий, а все так воодушевились, что даже странно.

— Иностранцы, — выдохнула Ольга, — что с них взять.

Вот уж и вправду — что с них взять. Однако обсуждение вопроса, рожденного мною спонтанно, затянулось надолго. По пути выяснилось столько всего интересного, что мою скуку как рукой сняло. Мы спорили, смеялись, чертили что-то на доске, лектор чертил, спорил и смеялся вместе с нами, и так бы продолжалось до бесконечности, если бы без четверти два в зал не влетела Пат Лин и не закричала: «Ленч, ленч! Все на ленч!»

— Много не ешьте, — предупредила она, когда все ввалились в ресторан и принялись разглядывать кушанья, расставленные на шведском столе.

— Почему это? — осведомилась дама из Германии.

— Social event, — сделав загадочные глаза, пояснила Пат Лин.

— Боулинг, — высказал предположение Алекс, накладывая себе салат, — не иначе как боулинг.

— Банально, — заметил Брайан.

— Тогда гольф, — продолжал гадать Алекс.

— Уже лучше, — влез симпатичный мальчик-датчанин по имени Мортон. — Погода как раз для гольфа.

Пат Лин слушала наш разговор и похихикивала. Я взглянула на нее, она состроила умильное лицо и отошла.

— Не гольф, — убежденно произнесла я.

— И не яхта, — заметил Алекс. — Вряд ли она потащит нас к морю.

- Гонки на велосипеде по пересеченной местности, — пробурчала Ольга где-то слева от меня.
- О нет! — воздела кверху руки немецкая дамочка. — Я не умею.
- Правда? — удивилась я. — А я почему-то всегда думала, что здесь все умеют на велосипеде.
- Ненавижу. — Дамочка с остервенением накладывала себе мясо. — И не буду, если это действительно велосипеды.
- Сквош, — продолжал гадать Брайан, усаживаясь за стол.
- Волейбол, — в тон ему высказался Мортон.
- Хоккей на траве, — внесла свою лепту я.
- Теннис, — встрял норвежец, проходивший в этот момент мимо нас.
- Бадминтон. — Ольга со стуком поставила свою тарелку на стол.
- Кросс, — резвился Мортон.
- Ужас! — хором воскликнули мы с Ольгой.
- Ужас — не вид спорта, — заржал Тони, второй мальчик-датчанин.
- Тогда... коньки! — выпалила я.
- Лето, — заметил Брайан.
- Ну и что? А крытые катки на что?
- Коньки это исключено, — мрачно заметила Ольга, отправляя в рот кусочек копченого лосося. — Что угодно, только не коньки.

— Лошади! — возвестила Пат Лин и, плавно взмахнув рукой, указала на приземистые строения чуть поодаль от стоянки автомашин.

— Твою мать! — по-русски выдохнула Ольга и закатила глаза.

Ленч в моем желудке встрепенулся и высказал пожелание покинуть насиженное место. А ведь мы еще даже не подошли к конюшням. Что же будет дальше?

— Но... — начала германская дамочка.

— Это так здорово! — заверещала Пат Лин, увлекая нас по песчаной дорожке в сторону конюшен. — Вы просто не представляете себе!

Мы с Ольгой переглянулись. В ее глазах светилось: «Очень хочется жить», в моих: «А куда деться? Надо соответствовать». Отказаться не было никакой возможности. Корпоративный social event — это тебе не кот начихал, придется участвовать. Я оглянулась на прочий народ. Было очевидно, что все изрядно приуныли. Все, кроме норвежца. Он бодро вышагивал рядом с Пат Лин и даже излучал некоторое удовольствие.

— Он умеет, — ответил на мой невысказанный вопрос Алекс. — У него отец — фермер. Он с лошадьми с детства.

Везунчик. А я вот с детства с автобусами и с метро. Из всех домашних животных признаю только собак, все, что крупнее, приводит меня в трепет, а если на этом «крупном» еще и скакать надо, то — извините.

В животе становилось все холоднее. Одно хорошо — ленч уже помалкивал. Впрочем, думаю, до поры до времени.

— Смотрите, какие красавцы! — Тем временем мы добрались до загона, в котором бегали лошадки, и Пат Лин опять принялась размахивать руками. — Ну, где бы вы еще покатались на лошадках?

Ответ — нигде. Плюс еще — никогда. И вопрос — а на фиг нам это надо? Жили же без этого столько лет и еще бы столько прожили.

— Ну что, девушки? — Брайан шел к нам вразвалочку, имитируя походку ковбоя-удальца. — Что невеселы?

— А ты? — неприязненно уставилась на него Ольга. — Ты прямо ждешь не дождешься, когда начнут раздавать лошадей?

— Да что ты? — Брайан криво усмехнулся. — На самом деле я боюсь до смерти.

— Что, правда? — Я удивленно посмотрела на него.

— Конечно. — Он продолжал криво улыбаться. — Я никогда не ездил на лошадях. Страшно.

И тут мы с Ольгой захохотали. Не в издевку, а от облегчения, что не только у нас с ней поджилки трясутся. Брайан пару секунд молча смотрел на нас, потом не выдержал и тоже захохотал.

— Ты понял, да? — сквозь смех проговорила я. — Мы не над тобой...

— Да понял, конечно. — Брайан хлопнул меня по плечу. — Держись! Может, все еще не так ужасно.

— Да наверняка еще ужаснее, — ответила я, и нас подкосил очередной приступ смеха.

— Все в порядке? — Около нас материализовалась Пат Лин.

— Все отлично! — просмеялась ей в ответ Ольга. — Вот только страшно до ужаса.

— Ха-ха-ха! — Раскаты Пат линовского смеха пронесли над поляной, на которой был загон, отразились от верхушек деревьев в рощице неподалеку и вернулись к нам в удвоенном размере. — Мне тоже.

— Что, правда?! — в унисон с Брайаном спросили мы.

— Ну конечно.

И тут выяснилось, что абсолютно всем, кроме счастливого фермера-норвежца, до колик страшно. И что это нормально.

— Разумеется, это нормально, — заявил старший тренер клуба. — Люди в первый раз видят лошадей, конечно, они будут бояться. Но с каждым из вас поедет тренер, так что все предусмотрено.

— С каждым из нас поедет тренер, поедет тренер, — бубнила Ольга, подходя к своей лошади.

— Ну да, ну да, — вторила я ей.

Моя кобылка смиренно ждала, когда я займусь ею. Гладенькая, черненькая (или говорят «вороная?»), с бархатными глазами.

— Она любит сухарики, — подсказал мне тренер, высокий лысоватый парень, и насыпал мне в карман горсть ржаных сухариков.

Кобылка скосила глаза и внимательно посмотрела на мой карман.

— Хочешь? — Я сунула ей под нос пару сухариков.

Она немного подумала и аккуратно зацепила губами сухарики с моей ладони. Переступила с ноги на ногу, потом опять скосила глаза на мой карман.

— Сразу много не давайте, — предупредил тренер. — На вид она скромная, но на самом деле это не так.

— Хорошо, — кивнула я.

— Теперь давайте садиться в седло, — предложил тренер.

Я с тоской оглянулась. Все еще мялись и раскачивались. Ольга завязывала шнурки на кроссовках, Алекс курил, Пат Лин о чем-то болтала с хозяином клуба, Мортон трепался по мобильному, остальные бродили по поляне, — словом, все оттягивали радостный момент общения с живой природой кто насколько мог. Один лишь норвежец уже гарцевал на своем коне.

— Смотрите, как я буду это делать, — сказал тренер и взметнулся в седло.

— Ой! — округлила глаза я.

— Круто, — прошептала Ольга.

— Слишком быстро, — высказалась я, когда тренер спешил. — Я не успела заметить, как вы все это проделали. Давайте еще раз.

Он рассмеялся:

— Лучше самой пробовать, чем наблюдать за другими.

— Ммм... — замычала я, понимая, что возразить на это нечего.

— Ставьте ногу сюда... — скомандовал тренер.

Я поставила. Кобылка фыркнула. Я ее понимаю. Ходят тут всякие дилетанты, мучайся с ними.

— Теперь руки вот так... — продолжал тренер.

Хорошо, руки вот так.

— И — рывок. А я вас подстрахую.

И — рывок. Рывок. Черт! Какой рывок, если у меня все мышцы как кисель? Хорошо, что

он страшует, а точнее, пихает меня под зад. Зад почему-то весит больше, чем все остальное тело. Так, пихает, пихает, нога в стремени болтается туда-сюда... надо было с табуретки влезать на лошадь... Так, теперь рывок... Как, черт возьми, этот рывок делается-то? О-о-о!!! СИЖУ!!!

И, черт возьми, скажу я вам — это здорово! Лошадка подо мной замерла, не шевелится. Я СИДЕЛА!!! И горделиво посматривала на остальных. Трусые несчастные! Тренер был абсолютно прав — это совершенно не сложно. Я повернула к нему голову и благодарно улыбнулась. Какой чудесный человек. Просто ангел. Ангел улыбнулся мне в ответ и хлопнул мою лошадку по задку. Но лучше бы он этого не делал!

Кобылка вздрогнула всем телом, переступила с ноги на ногу и зашагала по поляне.

— А-а-а! — вскрикнула я от неожиданности и вцепилась покрепче в поводья.

— Сдохнуть можно! — услышала я где-то далеко за спиной Ольгин голос.

— Вот так, молодец, — похвалил кого-то тренер — то ли меня, то ли лошадку.

Он уже оседлал своего коня и плыл на нем по левую руку от меня.

Меня качало из стороны в сторону, казалось, что земля уходит из-под ног (чьих? моих или лошадки?).

— А-а-а... — На этот раз я уже стонала, тихонько так, безысходно.

— Хорошо держитесь в седле! — крикнул мне тренер и поощрительно улыбнулся. — Как будто не в первый раз.

Наверняка врет. Я ощущала себя кулем с мукой или еще каким сыпучим содержимым, который просто насильно привязан к спине этой дивной лошадки и не способен на самостоятельные действия. Скосила глаза влево и увидела Алекса, стоящего с открытым ртом. Ага! Вот так вот! Знай наших! Я невольно выпрямилась.

— Поскакали? — спросил вдруг тренер.

— А что, — у меня внутри все похолодело, — мы разве еще не скачем?

Тренер усмехнулся и... поскакал. Что? Что такое? Куда он делся? Как же я без него? Я заерзала в седле. Как же сподвигнуть мою лошадку последовать его примеру? Натянуть поводья? Я натянула. Лошадка замедлила шаг. Так, понятно, поводья для того, чтобы снижать скорость. Тормоза, одним словом. А где педаль газа? Может, похлопать ее? Я похлопала. Ноль реакции. Кобылка лишь скосила на меня свои изумительные глаза, но скорости не прибавила. Может, ей нужно что-то сказать? К примеру, по-датски. То есть так, как я точно не умею.

Тренер доскакал до дальнего края поляны и теперь уже возвращался. Спрошу у него, решила я.

— Ноги! — прокричал мне тренер, подъезжая поближе.

— Что? — завопила я в ответ.

— Ноги, — повторил он и... пришпорил своего коня.

Ага, сообразила я и сделала то же самое. И пусть на моих кроссовках шпор не наблюдалось, лошадка поняла меня правильно и перешла на рысь. Я так думаю, что это была рысь. На самом деле это был жуткий ужас!

Я тряслась и стонала и думала только о том, чтобы не свалиться. Моментально заболела задница. И руки. И ноги. И голова. Хотя с головой не понятно — с чего бы это? И еще напомнил о себе ленч. Пат Лин была права: не надо было есть так много. Не надо было есть вообще. И не надо было ехать на этот семинар! Если я что-нибудь себе сломаю, то припомню это шефу.

— Хей! — вдруг услышала я справа от себя.

Осторожно повернула голову и увидела Мортонa, лихо скачущего бок о бок со мной.

— Супер, правда! — проорал он и унесся вперед.

Супер, супер, и главный супер состоял в том, что скакали мы по совершенно ровной и лысой местности. Ни тебе кочек, ни деревьев. Если бы это было не так, меня бы уже давно вытаскивали из какой-нибудь канавы. Но видимо, в лошадином клубе работали люди не без головы, и они понимали, что, севши впервые на коня, у тебя абсолютно нет времени рассматривать дорогу.

Хорошо, вдруг подумалось мне, но что будет, когда я доскачу до края поля? Ведь рано или поздно этот край обнаружится, и мне придется разворачиваться. И? Что вертеть-то? Руля же у лошадки нет.

Однако умное животное решило это проблему самостоятельно. Добежав да края поля, обозначенного небольшой рощицей, кобылка спокойно развернулась и поскакала обратно. Я облегченно вздохнула и погладила ее по гриве. Вот только одно мне было непонятно: а где обещанный тренер? Он как сгинул на десятой минуте нашего знакомства, так больше и не появлялся. Халтура, одним словом. Даже в Дании. Что странно.

— А где вы были? — напустилась я на него, когда, сделав по поляне три полных круга, спешила у загона.

Да, да, тренер был тут как тут.

— Я вас видел, — невозмутимо ответил он.

— Видел — недостаточно. Ведь нам обещали, что у каждого будет тренер, — продолжала бурлить я.

Тренер покачал головой:

— Немножко не так. Один тренер на трех человек. Я вас видел. У вас все было хорошо. Поэтому я занимался теми, у кого не получалось.

— А если бы что-нибудь случилось? — не унималась я.

— Но ведь не случилось. — Тренер ласково и даже как-то слегка снисходительно смотрел на меня.

— А... — открыла я было рот, но в этот момент чей-то прохладный и мокрый нос ткнулся мне в ладонь.

— Вам не понравилось? — поинтересовался тренер.

Вместо ответа, я повернулась к кобылке. Она смотрела на меня хитрыми глазищами. Сухарик, вспомнила я. И сунула руку в карман.

— Держи, — протянула я ей на ладони сухарики.

Лошадка аккуратно приняла угощение. Я потрепала ее по шее.

— Вам не понравилось? — повторил тренер.

Ноги мои подгибались, в голове до сих пор шумел ветер, мышцы рук болели как никогда, а задница зудела, но я вдруг поняла, что ответить ему отрицательно у меня язык не повернется. Потому что это было бы неправдой. Мне понравилось до жути! Не знаю, что именно, но в голове вертелось: «Я скакала на лошади! О-го-го!»

Я неуверенно пожала плечами. Тренер просиял и дружески хлопнул меня по плечу:

— У вас получалось. Вам надо брать уроки.

— Спасибо, — выдавила я. — За комплимент.

— Это не комплимент, — ответил он. — Это правда, — и отошел.

Потом мы долго фотографировались группой — на фоне конюшен и каждый — с

лошадью, на которой дебютировал. Пат Лин — кстати, сама так и не севшая на коня, — ха-ха! — трепетно следила за тем, чтобы все попали в кадр.

— Иначе не останется ничего на память, — восклицала она.

— Ты как? — подошла ко мне бледная как смерть Ольга.

— Нормально, — ответила я. — А ты? Что-то ты не в цвете.

— Похмелье. Ленч. Лошадь, — отрапортовала она.

— Хочешь алка-зельтцер?

— Думаешь, поможет?

— Не знаю, но попробовать стоит.

— Давай. — Ольга протянула руку.

— В номере, — вздохнула я. — Потерпи.

— Все равно выбора у меня нет, — простонала она. — Лучше бы это был боулинг.

Мы вернулись в отель и разошлись по своим номерам.

— Через два часа ужин! — заверещала Пат Лин и опять захлопала в ладоши.

Ей бы в ясельную группу детсада — цены бы ей не было.

Я вошла в свою комнату, закрыла дверь и начала стаскивать с себя кроссовки. Горячая ванна — вот что мне сейчас нужно.

На полочке в ванной комнате обнаружилась целая батарея масел для водных процедур. Я выбрала себе кедровое, накапала его в воду и нырнула в это блаженство. И тут зазвонил мобильный.

— Алло, — сказала я.

— Привет.

Павел.

— Привет, — беззаботно ответила я. — Как дела?

— Нормально. А как ты?

— Ты знаешь, я сейчас принимаю ванну, — сказала я. — Давай я тебе перезвоню после.

— Давай, — после некоторой паузы согласился Павел.

Перезвонила я ему спустя полтора часа. Известно же, что водные процедуры могут затянуться надолго. Какой смысл ограничиваться только отмоканием и мытьем головы, когда можно еще и отскрабить себя от пяток до макушки, плюс сделать педикюр, плюс пощипать брови, плюс... Впрочем, перечисление того, что любая уважающая себя девушка может сотворить во время водных процедур, может занять те же самые полтора часа, что я на эти процедуры и затратила.

Итак, я позвонила Павлу.

— Привет, — оживленно защебетала я, — я освободилась.

— От чего это, хотелось бы знать? — мрачно ответил Павел.

— От ванны, — засмеялась я.

— Правда? — с ехидцей спросил он.

— Конечно, — продолжала смеяться я, — а у тебя есть иные версии?

— Разумеется, — фыркнул Павел.

— Любопытно было бы знать, какие именно. — Я села на диван, вытянула ноги и полюбовалась на свой педикюр.

— Во-первых, у тебя не журчала вода... — начал Павел.

Не журчала, ясное дело. Ванна была уже полная. Зачем воде журчать?

— Во-вторых, — продолжил он, — ты не назвала меня по имени...

Не назвала. Я никогда не называю. А зачем? Обычно называешь своего телефонного собеседника по имени, когда хочешь, чтобы те, кто в данный момент находится рядом с тобой, знали, кто тебе звонит. А я была одна...

— И вообще, — голос Павла поднялся на октаву выше обычного, — что можно так долго делать в ванной?!

— Купаться, — пробормотала я.

Что это с ним? Ванна ему не угодила.

— Купа-аться? — передразнил меня Павел. — Девяносто семь минут?

Считал. Обалдеть. Впрочем, он все считает.

— Голову мыла, — робко подала я голос.

Ответом мне было недоверчивое фырканье.

— Педикюр... — сделала я еще одну попытку.

Педикюр лишь усугубил положение.

— Педикюр! — возопил Павел. — А массаж ты там не делала?!

Я уже собиралась сообщить ему, что для массажа все-таки у меня не хватало участников, но прикусила язычок — прицепится еще к моим в шутку сказанным словам и устроит сцену. Впрочем, похоже, сцена и так уже в разгаре.

— И вообще, — голос Павла дополз до самого верхнего регистра, — ты тяжело дышала, когда подошла к телефону!

А? Что?

— А? Что? — озвучила я.

Из трубки полетели короткие гудки.

Я упала на диван, бессмысленно таращась на мой идеальный педикюр, а в голове не было ни одной толковой мысли. Кроме...

Опять. Опять эта идиотская ревность. И опять без всякого повода с моей стороны.

Для ЭТОГО совсем не надо тащиться на край света, в другую страну, выдумывать предлог в виде семинара и так далее и тому подобное. Под ЭТИМ я конечно же подразумевала секс, причем секс тайный. ЭТО можно совершить и в обычных условиях. В обеденный перерыв, например. Что все и делают. Но не я. Не я!

За этой мыслью прискакала следом еще одна. И почему, почему в ЭТОМ всегда подозревают людей, к ЭТОМУ абсолютно не способных? А остальные, которые делают ЭТО чуть ли каждый день и чуть ли не на глазах у изумленной публики, остаются вне подозрений и совершенно безнаказанными. Несправедливость? Однозначно.

А я... я ведь хотела рассказать ему о лошадках. И о том, как я держалась в седле. И о том, как ветер свистел в ушах, и о том, как это здорово... А ему... ему это не надо. Потому что он и без моих рассказов уже знает, как я здесь провожу время. Вернее, думает, что знает. И как теперь ему объяснить, что он не прав? И почему я должна что-то объяснять? Да и вообще, на кой черт мне все это нужно?

— Ты что такая квелая? — спросила у меня Ольга после ужина.

Мы сидели все в том же «кофейном холле». Горели свечи, которые притащила неугомонная Пат Лин, тихонько играла музыка, что-то из классики, народ возлежал на диванах и креслах и приходил в себя после бурно проведенного дня.

— Я? — пробормотала я. — Тебе показалось.

— Ну да, — не поверила она, — только что скакала на лошади с сияющим лицом, а спустя каких-то три часа уже мрачна как предгрозовое небо. Ладно тебе, рассказывай.

— Да, собственно, и рассказывать нечего, — ответила я. — Глупость такая...

И рассказала. Я не умею ничего держать в себе. Вечно выбалтываю все мои секреты. Чужие, кстати, могу хранить годами, но со своими обращаюсь куда как бесцеремоннее. Мое имущество — что хочу, то и делаю с ним. Конечно, не ко всем лезу со своими проблемами — в конфидентах у меня лишь Дарья, Иринка, мама и еще одна приятельница, которая живет в Самаре. Да и не всеми проблемами я делюсь. Табу на физиологическую тему. Все, что касается моего здоровья, обсуждаю только с профессионалами. Почему-то мне кажется, что пустись я в откровения по поводу функционирования моей поджелудочной или почек, к примеру, с Дашкой, и всей нашей многолетней дружбе придет конец. Есть у меня такая фобия. Хотя многие вокруг, я смотрю, делают это совершенно безбоязненно.

А еще у меня проблема насчет Павла. В том смысле, что не могу ни с кем о нем поговорить. Дарья его недолюбливает, поэтому объективного обсуждения от нее не дождешься. Иринка слишком мала для таких разговоров. Мама начнет сразу же волноваться: как же так, неужели у вас не складывается и т. д. и т. п. Обычно я развивала тему «и это все о нем» с той самой приятельницей, что живет в Самаре. Зовут ее Натальей, познакомились мы с ней на курсах по организации пиар-кампаний три года назад и вот с тех пор регулярно переписываемся. Павла она, разумеется, ни разу не видела, судит о нем сквозь призму моего восприятия, но тут уж ничего не поделаешь, а все же собеседник есть.

Но не буду же я сейчас кидаться к компьютеру и строчить Наталье мои жалобы на Павла прямо отсюда, из датской деревни. Смешно, ей-богу. Попахивает истерией. А излиться хотелось. Поэтому Ольгино «ладно тебе, рассказывай» пришлось как нельзя кстати.

— Что будешь делать? — поинтересовалась Ольга, выслушав мой рассказ.

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Может, ничего.

Ольга с удивлением взглянула на меня.

— Разве нужно обязательно что-то делать? — спросила я.

— Я думаю, да, — ответила она. — Такое нельзя спускать на тормозах. Тем более что вы еще не женаты. Надо договариваться о правилах игры сейчас, а то потом будет поздно.

— Легко сказать «договариваться», — задумчиво проговорила я.

— Боишься, уйдет? — прищурилась Ольга.

— Не то чтобы боюсь... — замялась я, — но уйдет, это как пить дать.

— И что? — Ольга продолжала с усмешкой смотреть на меня.

— Э-э-э...

— Ты же жила без него. Причем большую часть своей жизни.

— Жила.

— Мало того, он насильно втиснулся в твою жизнь, не ты за ним бегала, верно?

Да, так и было.

— А теперь ты начинаешь прогибаться под его дурь, вроде как обязана ему чем-то. Странные мы, бабы, да? — задумчиво произнесла Ольга. — Лезем в клетку и еще попискиваем от удовольствия.

— Ты же сама туда лезешь, — не удержалась я.

Хорошо рассуждать о других. Ты вот о себе попробуй.

Ольга, однако, не стала спорить.

— И я такая же, — призналась она. — Но все-таки хочу сделать все по уму.

— То есть договориться на берегу? — уточнила я.

— Да.

— А если не договоришься?

— Тогда и не полезу, — ответила она.

Я недооценила ее. Думала, девушка рвется «в заграницу» любой ценой. Оказывается, нет. Она еще и самоуважение желает сохранить. Ну, Бог ей в помощь. А от разговора мне полегчало. Хотя о чем поговорили-то?

— Брайан на тебя запал. — Ольга мотнула головой в сторону означенного субъекта.

— Брайан женат, — улыбнулась я.

— О! — выдохнула Ольга.

— Ага.

— Жаль.

— Угу, жаль.

Я не имела никаких намерений в отношении Брайана, но болтать с ним было приятно. Ну и болтай, скажете вы, кто тебе мешает? При чем тут его матримониальный статус? При том, что, если женатый мужчина вьется вокруг меня со сладким блеском в глазах, я уже не могу расслабиться и просто общаться с ним. Меня подклинивает. Отсюда и «угу, жаль». Хороший парень. И был бы в сто крат лучше, если бы не стал демонстрировать свой интерес ко мне. Но уж как получилось.

— Держи, — сказал он в среду утром, когда вся наша команда собралась во дворе для погрузки в автобус. — И протянул свою визитку. — Вдруг... — Он развел руками.

— Окажусь в Амстердаме? — спросила я, убирая визитку в сумочку.

— Да. Свою дашь?

— А почему нет? — ответила я. — Вот.

— Мерси. — Он склонился в полупоклоне.

Все прощались так бурно, как будто стали за эти три дня друг другу ближайшими родственниками. Обменивались адресами и телефонами, фотографировались малыми и большими группами — словом, братались.

— Везет тебе, — позавидовала Ольга, усаживаясь в автобус, — остаешься. У нас в офисе такой номер не прошел бы. Нам бы вашего шефа.

— Не такой уж он и замечательный, — ответила я. — Иногда просто невыносим.

— Но к тебе явно неровно дышит. Иначе не разрешил бы остаться.

Я задумалась. Неровно дышит? Я бы не сказала. У нас с ним взаимопонимание. Не на сто, конечно, процентов, но восемьдесят, пожалуй, можно натянуть.

— Кэтрин!

Я подняла глаза. Пат Лин.

— Попрощаемся! — предложила она.

- А ты разве не едешь с нами в Копенгаген? — удивилась я.
- Остаюсь до вечера, — хихикнула она. — Нужно принять других гостей.
- Ты вся в заботах, — рассмеялась я.
- Не говори! — Она выразительно закатила глаза.
- Обниматься будем? — спросила я, вставая со своего места.
- Непременно! — И Пат Лин исполнила то, что обещала.

Я чуть не задохнулась. Мощная тетка.

— Если когда-нибудь приеду в Петербург, позвоню тебе? — спросил наш Энерджайзер.

— Конечно, звони. — Я достала из сумочки визитку, дописала на ней свой домашний номер и протянула ее датчанке.

Она мне понравилась. Люблю энергичных. Пусть даже и с некоторой долей придури. Все лучше, чем вялые, вечно всем недовольные и ничего не желающие от этой жизни персонажи. Брр! Избави бог от таких!

Пат Лин еще раз махнула нам всем на прощание рукой и вышла из автобуса. Двери закрылись. Финита!

Павел не брал трубку. Я звонила ему на мобильный уже несколько раз. Точнее, уже несколько десятков раз. Но он не отвечал. Я понимаю — он мог быть занят. Совещания там всякие или встречи с клиентами, но ведь он же видел, что это я его добиваюсь, — мог бы и перезвонить, когда освободится. Но он не перезвонил. А значит, до сих пор дуется. Отелло, черт возьми, подумала я, заходя в кафе. Отелло, если мне память не изменяет, прикончил Дездемону тоже из-за того, чего не было на самом деле. Неужели все мужики такие собственники и ревнивцы? А я-то сама? Ревнива ли? Что-то я никогда раньше об этом не задумывалась. Я устроилась за столиком в глубине зала и сняла пиджачок.

— Добрый день, — по-датски приветствовала меня официантка.

За три дня пребывания в этой стране я уже научилась различать пять слов: «добрый день», «спасибо», «пожалуйста», «до свидания» и «извините». Так что не пропаду.

— Добрый день, — ответила я ей по-английски.

Она кивнула, показывая, что намек поняла, и спросила по-английски:

— Что будете заказывать?

— А что есть? — поинтересовалась я.

Официантка еще раз кивнула и метнулась к стойке. Порылась в стопке меню, отыскивая, видимо, английскую версию, и спустя мгновение вновь возникла у моего стола.

— Спасибо. — Я улыбнулась ей и углубилась в изучение меню.

Впрочем, с выбором я управилась быстро. Прощальный завтрак в датской глубинке еще давал о себе знать, поэтому я заказала всего лишь овощной салатик и капустино с круассаном и, когда официантка удалилась с моим заказом, вновь углубилась в свои думы.

Ревнива? Я? Не знаю. Никогда не замечала. Павла точно ни к кому не ревновала. Потому что дышу к нему ровнее, чем он ко мне? Может быть. Какая свежая и глубокая мысль. Я хмыкнула, чем насторожила официантку, как раз принесшую мне мой салатик. Она вопросительно взглянула на меня:

— Все в порядке?

— Да, спасибо.

— Вам принести круассан к кофе или раньше?

— К кофе. Спасибо.

— Приятного аппетита, — пожелала мне официантка и побежала к другому посетителю.

Я проводила ее взглядом и принялась за салат. Что же теперь делать с Павлом? Когда он начнет отвечать на мои звонки, чтобы у меня была возможность объясниться с ним? Или лучше написать ему имейл? Бред какой-то, вдруг подумала я. Детский сад. Солидный взрослый мужик, а ведет себя как Иринка, когда была в яслях. Хотя во всех нас много из нашего детства. Только выражается это у всех по-разному. Я люблю похихотать в голос. Дарья, когда не получает своего, истерит как двухлетнее дитя. А Павел в обидки играет...

— Извините, — сказал кто-то над моим ухом по-датски.

И далее последовала длинная фраза, из которой я, естественно, не поняла ни слова. Одно только не оставляло сомнений — фраза звучала вопросительно. Мужчина явно что-то у меня спрашивал.

Я подняла глаза. Передо мной стоял высокий блондин в кожаной куртке и улыбался.

— Я не понимаю, — развела руками я.

— О! — воскликнул блондин и сказал по-английски: — Простите, нельзя ли присесть за ваш столик?

Я медленно обвела взглядом зал и начала тихо закипать. Ну почему, почему всегда это со мной случается?! Почему именно ко мне подходят в метро всякие страждущие и просят денег? Почему именно у меня на всех улицах Питера все приезжие спрашивают дорогу? Почему меня любят все дети и все собаки? И бабушки. Любые, даже не имеющие со мной никаких родственных связей. И почему сейчас этот мэн желает усесться за один столик со мной, в то время как в кафе полно свободных мест? Им всем что, около меня медом намазано?

— Да, конечно, — обреченно кивнула я.

А что я должна была сделать? Упасть на пол, бить ногами и кричать: «Нет, ни за что, никогда!»?

— Спасибо. — Мэн улыбнулся и сел напротив меня.

— Не стоит, — буркнула я и уткнулась в свой салат.

Он сбил меня с мысли. О чем это я думала?

Блондин сделал заказ. По-датски. Я жевала свои овощи и старалась не смотреть на него. Но все равно разглядела в деталях. Темно-серые глаза, квадратная челюсть, симпатичная улыбка. Красавчик. Качок. Крутышка. Не люблю таких. Одна извилина в голове и гипертрофированно развитый гормон самомнения. Это у русских с подобной внешностью. Не знаю, конечно, как обстоят дела у датчан, но почему-то мне казалось, что более или менее похоже на нас. Короче, мэн вызвал во мне раздражение. Но не пересядешь же. Хотя Дарья наверняка демонстративно пересела бы. «И плевать на него!» — сказала бы она и проглотила бы свой завтрак с большим аппетитом. Но я так не могла. Вот и мучилась сейчас, доедая салат и чувствуя, как блондин изучает меня серыми глазами.

— А я вас знаю, — вдруг сказал он.

Я чуть не подпрыгнула. И издала нервный смешок:

— Невозможно.

— И все-таки, — настаивал блондин, — я вас знаю.

Я покачала головой, мол, отстань, и придвинула к себе кофе, который только что принесла официантка.

— Вы мне не верите? — спросил блондин.

Ясное дело, не верю. И вообще, я рассчитывала, что за границей как-то по-другому клеят девушек. Оказывается, ошибалась.

— Нет, — коротко ответила я и отпила капучино.

— Я вас видел в аэропорту, — неожиданно сказал блондин, взглянул на часы и добавил: — В воскресенье. Верно?

— Э-э-э... — Я растерянно уставилась на него.

— Я прав? — Блондин смотрел на меня с усмешкой.

— Да, — выдохнула я.

— Удивлены?

Издевается, поняла я. Значит, я правильно угадала его тип. Красавчик. Качок. Крутышка. Думает, что весь мир принадлежит ему. Что можно смотреть на всех свысока и посмеиваться над всеми подряд. Вот только что-то подсказывало мне, что с количеством извилин в его голове я немножко ошиблась. Но не суть. Следовало поставить его на место. Я

посчитала про себя до трех, сделала еще один глоток капучино и спокойно ответила:

— Немного.

Вот так. Получите. Брови блондина поползли вверх. Он весело рассмеялся и сказал:

— Дэвид.

— Простите? — удивилась я.

— Меня зовут Дэвид. А вас?

— Меня — Кэтрин, — нехотя ответила я.

— Я вам не испортил ленч? — вдруг спросил он.

Я вздрогнула. Это у меня на лице все написано. Я в этом не сомневалась. У меня всегда все мои эмоции можно прочитать по лицу. Для того чтобы что-то скрыть, мне нужно изрядно напрячься. Напрячься я не успела — блондин Дэвид застал меня врасплох.

— Ну что вы! — тем не менее проговорила я.

— Как-то я об этом не подумал, — сообщил мне Дэвид, отрезая от поданного ему сэндвича маленький кусочек, — увидел вас, удивился, надо же, думаю, какое совпадение, и вот решил подсесть к вам.

— Э-э-э... — Мне очень хотелось схамить, но я все-таки удержалась. — У вас что, такая фотографическая память, что вы запоминаете всех и каждого, кого видите мельком?

— Да! — радостно ответил Дэвид, отправляя в рот следующий кусочек сэндвича. — Я — фотограф.

— Фотограф?

— Да.

— То есть это ваша профессия?

— Да.

— Потрясающе!

— Что? — удивился он.

Ну, как же! Это была моя давняя мечта — познакомиться с профессиональным фотографом. Расспросить его о том о сем. Вот только у меня не было уверенности, что этот красавчик-качок-крутышка согласится отвечать на все мои бредовые вопросы.

Лето в Питер, наверное, не придет в этом году никогда. Хочу, конечно, невозможного — чтобы оно у нас начиналось как положено, 1 июня. Но в этом городе так не бывает. Лето раскачивается долго. Приближается к нам нехотя. Иногда, бывает, подразнит слегка в конце апреля или в начале мая, покажет свое личико на мгновение... А потом опять отступит на дальние позиции, и когда его теперь ждать — неизвестно. Я каждый год об этом благополучно забываю. И 1 июня начинаю пыхтеть от досады — где, где тепло, солнце и цветы? Идеалистка, что сказать...

Да, я уже в Питере. Вернулась из Дании и даже думать про нее забыла.

Рассказать? О чем? О трех свободных днях в Копенгагене? Об этом мэне из кафе? Так нечего рассказывать. Правда, правда. Вполне можно обойтись тремя словами. Нет, не о Копенгагене — Копенгаген хорош, просто чудо-город, — а о мэне, об этом Дэвиде-фотографе.

Новозеландец, юморист, любитель истории и путешественник. Живет сейчас в Лондоне. «Но, думаю, скоро буду оттуда двигаться, — сообщил он. — Не люблю долго сидеть на одном месте». В Копенгагене уже не впервые. Водил меня по разным местам: и по проторенным туристским тропам, и по потайным закоулкам. Да, он навязался мне в сопровождающие. У него, видите ли, никогда не было знакомых из России. Любопытно, мол. У меня тоже никогда не было знакомых из Новой Зеландии. Мне тоже, честно сказать, было любопытно. Так что мы с ним совпали. Я имею в виду в этом интересе к представителям других стран. Не более того.

Но насчет его высокомерия — готова взять свои слова обратно. Он оказался вполне терпим. И чрезвычайно галантен. В общем, я провела время в его обществе не без удовольствия. В какой-то момент даже порадовалась за себя — еще когда уезжала из Питера, все мучилась: как я буду коротать в Копенгагене вечера? Это самая большая проблема для путешествующих в одиночку. А тут все так удачно сложилось. «Тур по достопримечательностям местной кухни» — назвал наши три вечерние вылазки в местные ресторанчики Дэвид.

Вот и все. О чем болтали? Обо всем понемногу. В основном говорил он. Рассказывал о своих поездках. Хорошо быть фотографом. А маркетологу — какие ж путешествия? Так только, вылазки на корпоративные мероприятия, ничего особенного. Хотя лошадки, конечно, были очень даже...

— На лошади ездил? — воскликнула Дарья с завистью, когда я отчиталась ей о поездке. — Ого!

— Поедешь в Гималаи, тоже покатаешься на лошадке, — пообещала ей я.

— Там же написано «на джипе», — возразила она.

— Думаю, в Гималаях немало мест, куда и джип не пройдет, — усмехнулась я.

— Дай-то Бог!

Кто о чем мечтает, а Дашка — о трудностях. Правда, таких, как она, пока на группу не набралось. Придется ей ждать. Причем неизвестно, как долго. Может, это и к лучшему. Потому что мечта хороша только в виде полуфабриката — пока о ней мечтаешь. Стоит ее только опустить в горячую воду и отварить, то есть реализовать, как сразу весь аромат исчезает, не говоря уже о вкусе.

Кофточка, что я купила Иринке, пришлось ей впору и по сердцу. В первую ночь после моего возвращения она даже спала в ней. А Бренда — в новом ошейнике. Маме привезла фарфоровую кофейную пару, а папе — ножик. Павлу... Павлу — бумажник. Купила в дьюти-фри. И вовсе не потому, что хотела сэкономить, — просто не хотела выбирать мужской подарок при этом новозеландце. Он же везде со мной таскался. Семья — это интимное дело, незачем посвящать в него посторонних. Да, я ничего не сказала Дэвиду ни про Павла, ни про Иринку, ни даже про Бренду. Зачем ему это?

И им не сказала ничего об этом мэне. Им тоже ни к чему. Еще начнут задавать вопросы. Это я даже не о Павле. А об Иринке с Дашкой. Павел просто опять начал бы напрягаться. Мы ведь с ним еле помирились. Пришлось извиняться. Да-да. Ну и что такого? Известно ведь, что когда два человека строят близкие отношения, то нужно идти на уступки. Не обязательно при этом изменять самому себе. Достаточно внешне признать право твоего партнера на претензию — и все. Он доволен, и ты... тоже. Не на сто процентов, конечно, но мысль о том, что именно твоими усилиями удалось сохранить мир, здорово подогревает тебя и почти без остатка растворяет твои сомнения.

Почти... Сколько-то грамм осадка у меня осталось. Не могу даже точно сказать, что именно меня беспокоит сильнее всего... И чем больше об этом думаю, тем меньше понимаю. Наверное, нужно расслабиться и дать интуиции сделать свое дело.

На работе всех здорово развеселил мой отчет о поездке. Вадик даже позавидовал. Сказал, что так классно никогда не ездил. А мне кажется, это мы сами придаем тому, что с нами происходит, привкус того или иного ощущения. Я же ждала чего-нибудь необычного — вот оно меня и отыскало.

Как все-таки странно — всего неделя прошла, а Дания — это уже скорее воспоминание, нежели впечатление. И опять потекла обычная жизнь. Впрочем, сегодняшний день обычным можно было назвать лишь с некоторой натяжкой. Просто потому, что он не задался.

Не задался с самого утра. День из серии «наперекосяк». Ты и так стараешься, и эдак, однако абсолютно ничего не получается, и он так и заканчивается — из рук вон, прямо хоть вычеркивай его из своей жизни навсегда, его и память о нем. Так я думала раньше. Но однажды вдруг поняла: делать вид, что этого дня просто не было, — верх расточительства. Случилось это в период, когда «наперекосяк» в моей жизни вел счет на целые недели. И что? Вот так все их и выкинуть вон? А что мне тогда останется? Может, и в этих смутных временах есть своя прелесть?

Однажды задумавшись над этим, я уже по-иному стала смотреть на незадачливые дни. И прелесть, как ни странно, нашлась. С ними можно сравнивать. Особенно помогает в случае встречи с днями, не окрашенными ничем: ни радостями, ни горестями. Вот течет такой денек мимо тебя, а ты сидишь и стонешь, как от зубной боли: «О, бож-же мой!..» Тоска. И тут — как черт из табакерки, но только черт веселый, скорее такой симпатичный чертик — воспоминание: зато-позавчера-вообще-дело-было-дрянь. И оказывается, сегодня жизнь еще искрится и играет радужными красками. И вот уже улыбка на лице и даже какой-то веселый мотивчик в голове вырисовывается. Словом, что бы мне ни насыпало в этой жизни, все, как выясняется, из разряда необходимого.

«Взрослеешь», — диагностировала Дарья, когда я как-то поделилась с ней этими соображениями. Наверное, да. Вот только когда наступает смутное утро, я реагирую на него не столь философически. Сначала киплю и подпрыгиваю от злости.

Все началось с собрания, которое затеял шеф. Ничего особенного, обычные потуги

руководства сплотить коллектив. Коллектив сплывался без особого удовольствия, как правило, на непродолжительное время, недели на две-три после очередного собрания, а потом все опять шло по-старому. Каждый считал, что он сам себе сценарист, режиссер и оператор, отчего порой рабочий процесс напоминал беготню в сумасшедшем доме. Шеф ломал себе голову, размышляя над тем, как бы все это изменить в лучшую сторону. Иногда жаловался мне. Не понятно, с какой радости. Маркетолог я, маркетолог. Между прочим, я постоянно ему об этом напоминаю. Он кивает, вроде как соглашаясь, но потом опять забывает об этом и опять начинает грузить меня своими управленческими проблемами.

Я размышляла о странностях поведения шефа, а собрание шло своим чередом. Сотрудники в количестве четырнадцати человек, присутствовавшие в кабинете, внимали шефу с серьезными лицами. Все было как обычно. Но вот после собрания...

Скандал родился внезапно. Как смерч в океане. На этот раз не поделили отпуск. Два ведущих менеджера из отдела продаж сцепились не на шутку. Вадик ушел на обед, поэтому в роли миротворцев пришлось выступать нам с шефом. Но ничего у нас не получалось.

— Да пошли вы все! — заорал в сердцах Леня. — Уволюсь на фиг! — и вышел, хлопнув дверью.

— Ур-р-род, — простонала Светка. — Ну, что ему стоит?! — и помчалась пить настойку пиона.

Мы с шефом переглянулись и тоже рванули из кабинета: он — за Леной, я — на кухню, утешать Светку. На менеджерах по продажам весь мир держится, ведь так? А если, не дай бог, уволятся оба? Страшно даже подумать об этом, не говоря о том, чтобы пережить такое в действительности.

На кухне при попытке достать из нижнего шкафчика бутылочку с пионом для Светки из моего нагрудного кармана вывалился новехонький мобильник. Я вздрогнула всем телом и сделала движение, чтобы поймать его, но опоздала буквально на полсекунды, и серебристый телефончик со стуком грохнулся о деревянный пол.

— А! — вырвался задушенный крик из моего горла.

— Ой! — вздрогнула Светка, на миг позабыв о своих проблемах.

— Не бойсь, — на пороге возник Славка из техотдела, — дерево — это не страшно. — Он поднял телефон. — Вот бетонный пол — это похуже будет. — И протянул мне мой бедный мобильничек.

Я быстро пощелкала кнопками — вроде все нормально. И то хорошо, благодарно подумала я и вновь взялась за пион.

Удивительно, но на работе не случилось больше ничего особо смертельного, если, конечно, не считать, что где-то вскоре после обеда у меня оторвалась пуговица на блузке. Скажете: «Ой, боже мой, что ж тут страшного?» И напрасно. В офисе не оказалось ни единой иголки с ниткой.

— Вы же шьете документы! — возопила я, стоя посреди бухгалтерии и вздымая к небу руки. — У вас все должно быть!

— Должно, — пропыхтела главбух Ольга Аркадьевна, стоя чуть ли не на коленях и перебирая какие-то коробочки на нижнем ярусе стеллажа. — Но почему-то нет. Вот тут всегда лежали...

Огромная английская булавки образца шестидесятых годов прошлого века была найдена в сейфе, извлечена оттуда на свет божий и выдана мне. Потратив целых пять минут на борьбу с ней, я вышла из дамского туалета почти в хорошем настроении. Блузка была

намертво пришилиена к моему бюстгальтеру, двигаться стало страшно неудобно, зато приличия были соблюдены и можно было продолжать работать.

Да, если бы в 15.23 не отключили электричество. Не понятно, зачем нужны такие технически сложные и дорогостоящие «пугалки», как оружие массового уничтожения? Для того чтобы разнести в пух и прах какую-либо страну, достаточно всего лишь отключить на всей ее территории электричество. И все. Жизнь парализуется на корню. Мы сидели и ждали, окруженные своим многочисленным супермодным и совершенно никчемным в сложившихся условиях оборудованием... Сидели и ждали. И тихо зверели, потому что у всех были срочные дела.

В четверть шестого свет наконец-то включили и жизнь закипела с новой силой.

— Идешь домой? — заглянула ко мне через некоторое время Полина.

Я бросила взгляд на часы. 18.02. Покачала головой:

— Нет. Дел полно.

— Да брось ты, — подмигнула Полина.

— Нет, — повторила я и уткнулась в бумаги.

Однако вволю потрудиться мне не дали. На этот раз мои домашние. Звонок мобильного раздался в полседьмого.

— Мама! — радостно завопила Иринка, когда я поднесла трубку к уху. — Бренда подралась с собакой из соседнего двора!

— Жива? — выдохнула я, почувствовав, как в груди ухнуло сердце.

— Собака? — уточнила Иринка. — Собака жива.

— Зачем мне твоя собака? — закричала я. — Бренда, Бренда жива?

— Ну конечно, — захихикала Иринка. — Мы только что от ветеринара. Царапины и все.

Ты когда приедешь?

— Скоро, — пообещала я.

Я отключила телефон, распласталась на столе и немножко побилась об него головой. С работой на сегодня можно уже завязывать. И я стала собираться.

Маршрутка, подхватив меня на Большой Пушкинской, рванула с места так рьяно, что я, не успев сесть, рухнула на чьи-то ноги, больно ударившись лбом о спинку кресла.

— А-а-а!!! — завопили по меньшей мере три человека, включая и меня.

— Звините, — буркнул водитель.

Синяк. Я потеряла лоб. Будет синяк, может, даже синячище. Любопытно, на Западе за такое можно подать в суд? У нас — точно нет, можно даже и не пытаться.

Зато доехала почти мгновенно.

Супермаркет, овощной отдел. Пусто. Ни души. После пяти минут моих истеричных криков появилась дебелая тетка и, вся трясясь от отвращения, взвесила-таки мне помидоры.

Потом в кассе не было сдачи с моей тысячи. «Мы сдали всю выручку!» — заорала кассирша. А мне-то что? «Идите разменивайте!» — велела она. Я швырнула ей помидоры и гордо удалилась.

19.37 — родной дом, входная дверь в подъезд. И тут вдруг почувствовала, что чего-то в моих руках не хватает. Пакета с бумагами и зонтиком! Оставила в супермаркете! В камере хранения! Я развернулась и помчалась обратно.

19.58 — родной дом, входная дверь в подъезд. Попытка номер два. На этот раз удачная.

Спустя две минуты я позвонила в дверь квартиры. Надеюсь, это все? Конец моим сегодняшним несчастьям?

— Мусик! — Иринка распахнула дверь и кинулась мне на шею. — Ура!

— Ура! — вымученно откликнулась я и опустила глаза.

Бренда вертелась у моих ног, вся в зеленке.

— Как ты, дорогая? — Я нагнулась и потрепала ее по холке.

— Она — классно! — сообщила Иринка, отступая в коридор. — А тебе, мама, посылка.

— Посылка? — Я выпрямилась. — От кого?

— От DHL.

Что?!

— А что там? — Я вошла в прихожую и захлопнула за собой дверь.

— Откуда я знаю, — пожалала плечами дочь. — Это же твоя посылка. Я не распечатывала. Но что-то большое.

Большое? Ого.

Я скинула мокасины, повесила куртку на вешалку и прошла в гостиную. Посылка «от DHL» лежала на журнальном столике. Пузатый пакет, бесформенный и... огромный!

— Что-то мягкое. — Иринка подошла к столику и потыкала пальцем в посылку.

— Может, тетя Марина? — Я вопросительно посмотрела на дочь.

Тетя Марина — это моя школьная подруга, вышедшая замуж в Германию.

— Или тетя Оля? — продолжала я.

А эта — тоже школьная подруга — эмигрировала в Канаду.

— Нет, — качнула головой Иринка. — Это от какого-то Д. Кертиса из Лондона.

— Что? — Я вздрогнула и кинулась к посылке.

— Знаешь, кто это? — спросила Иринка.

— Знаю, — буркнула я, рассматривая надписи на пакете.

Точно. Лондон. И точно Д. Кертис. Какой-то бред. Что это он мне прислал? С какой это стати?

— И кто это? — продолжала расспрашивать Иринка.

— Да так, — уклончиво ответила я.

— Это «он» или «она»?

— Он.

— Что прислал? — Дочь присела на журнальный столик. Бренда устроилась у ее ног.

— А я откуда знаю? — проворчала я, беря пакет в руки.

— Сюрприз? — Иринка широко распахнула глаза и захлопала в ладоши. — Люблю сюрпризы!

Я тоже. Только не в пакетах от DHL. И не от Дэвидов из Лондона, у которых на лице написано, что ничего хорошего от них ждать не приходится.

Я осторожно вскрыла пакет. Еще пакет. И его долой. А в пакете...

— Вау!!! — восхищенно завопила Иринка. — Вот это да!!!

Свитер. Исландский. Темно-синий с узорной кокеткой. Мечта всей моей жизни. Вот уж действительно вау!

— Надень, надень, надень! — пропела Иринка, вскакивая со своего места.

Я надела. Как раз.

— Пошли посмотреть! — Иринка схватила меня за руку и потащила в прихожую, к зеркалу.

Я выглядела так, как будто родилась в этом свитере. Вот только лицо... Эти

вытаращенные глаза... Иринка тоже заметила.

— Мусик, у тебя вид полного обалдевания, — сообщила она, поглаживая меня по рукам.

Меня или свитер?

— Хочу такой, хочу такой, хочу такой! — застонала дочь.

Значит, все-таки свитер.

А я не хочу. Вернее, нет. Я хотела. Но перехотела. Когда получила. От Дэвида... из Лондона. Потому что этот Дэвид... И никак нельзя вернуть. Хотя у меня ведь есть его адрес, да и на конверте он написан.

Я вернулась в гостиную и взяла в руки конверт.

— Я сварю нам кофе? — крикнула из прихожей Иринка. — Отметить прибытие свитера?

— Хорошо, — откликнулась я.

Да, так и есть. Вот адрес. Замечательно. Надо бы узнать, сколько стоит отправка в Лондон...

Какая-то бумажка выскользнула из конверта и упала на пол. Я наклонилась и подняла ее.

«Дорогая Кэтрин, — писал Дэвид Кертис из Лондона, — прими подарок из Исландии. Свитер к твоим глазам». И неразборчивый росчерк. «Романтично», — сказала бы моя мама. Идиотизм какой-то, сказала бы я. То, что у меня голубые глаза, еще не повод слать мне исландские свитера. Я провела рукой по животу. Ммм... Какая прелесть! Вернуть... Вернуть — это все равно что плюнуть в лицо. Представьте себе: вы шлете маленький (хорошо, хорошо, не очень маленький — какая, в сущности, разница?) подарочек с незатейливой припиской: «К твоим глазам», а вам в ответ — получите-ка обратно все, что вы прислали. Нет, нет, это даже хуже плевка.

— Мама, — в проеме двери, ведущей в прихожую, появилась Иринка с подносом в руках, — а мы можем уговорить этого Д. Кертиса прислать мне такой же свитер?

— Знаешь, — я сняла свитер и бросила его на кресло, — может, лучше закажем по Интернету?

— А можно разве? — Иринка со стуком поставила поднос на стол.

— Конечно. Кредитка у меня есть. Давай ищи и попробуем.

— Круто! — Иринка схватила Бренду за шею и подула ей в нос: — Бренда, представляешь, скоро и у меня будет исландский джемперито!

Надо бы написать ему, что я получила бандероль, подумала я, расставляя на столике чашки с кофе и сладости. Впрочем, наверняка DHL сами сообщат ему о том, что заказ доставлен в срок. А «спасибо»? Его-то уж точно надо написать.

Станный он все-таки, этот Дэвид Кертис из Лондона. Я еще в Дании заметила. Как будто в нем намешано всего понемногу. То он мачо до мозга костей, то интеллектурал рафинированный, а то совсем как не от мира сего. В каком из этих состояний ему пришла в голову мысль подарить мне джемпер под цвет глаз? Хотелось бы знать. Потому что от этого зависит, что именно символизирует этот джемпер. Ответа пока не было. А «спасибо» писать надо. Иначе не засну сегодня.

И я отправила Дэвиду имейл.

«От: Katya Aleksandrova.

Кому: David Kurtis.

Отправлено: 15 июня 2006 г. 22.50.

Тема: Спасибо.

Привет, Дэвид.

Спасибо за твой очаровательный подарок. Как вообще дела?

Кэтрин».

И все. А вы что хотели? На следующее утро я получила ответ.

«От: David Kurtis.

Кому: Katya Aleksandrova.

Отправлено: 16 июня 2006 г. 10.03.

Тема: RE: Спасибо.

Привет!

Не за что. Носи на здоровье.

Так ты Кэтрин или Катя? Как тебя называть?

Дела идут отлично. Вернулся из Исландии, собираюсь в Таиланд. Может, оттуда тоже что-нибудь привезти? Заказывай.

Дэвид».

А вот и ответ. Я в растерянности смотрела на экран компьютера. Втайне я все-таки надеялась, что свитер — это такой жест вежливости. По случаю знакомства. Широковатый, конечно, жест, но, может, у них, у жителей туманного Альбиона и его колоний, это в порядке вещей? А он, похоже, считает, что свитер — только начало, так сказать, заправка. Меж строк его коротенького письма явно читалось: «Давай дружить».

Дружить? С Дэвидом Кертисом? Не знаю, не знаю...

«От: Katya Aleksandrova.

Кому: David Kurtis.

Отправлено: 16 июня 2006 г. 20.12.

Тема: Без темы.

Привет, Дэвид. Счастливого пути в Таиланд.

Кэтрин.

P.S. Катя или Кэтрин — все равно».

Вот так вот.

— Ну? — страшным голосом спросила Дарья. — Кто такой «Д. Кертис из Лондона»?

А?

Иринка меня сдала. Что взять с ребенка? Спасибо еще, что продержалась целых четыре дня. Надо было попросить ее никому не болтать про посылку, скажете вы. Нет, у нас в семье так не принято. Я никогда не обременяла дочь подобными просьбами. Полагала, что не ее это забота — решать мои проблемы. Так что Иринка вольна была говорить что угодно и кому угодно. Дочь, правда, довольно быстро сообразила, «что» и «кому». Так что наверняка доложила про свитер только Дарье. Дарье ведь можно сказать почти все, не боясь последствий своей откровенности. Вот, например, с родителями этот номер не проходил.

— Они всегда так волнуются, — заметила однажды Иринка, — что им ни скажи.

— Это точно, — подтвердила я.

— Лучше, наверное, ничего и не говорить, — продолжала дочь.

— Ну, не то чтобы...

— Но про личную жизнь-то точно нельзя.

— Про личную — да, — согласилась я.

— И про болячки, — добавила дочь.

Я же говорю вам — она сообразительная.

— Можно, но без нагнетания, — посоветовала я.

На том и порешили. Мама, конечно, подозревала, что мы ей не рассказываем всего, но поделаться с нами ничего не могла. Сама, между прочим, точно такая же — уже лежит пластом, а нам по телефону щебечет, что у нее «всего лишь легкая головная боль». Что же она тогда хочет от нас с Иринкой?

Итак, Дарья в курсе. И шипит от злости: почему, мол, ей до сих пор ничего об этом не известно?

— О чем? — невинным голосом спросила я.

Я сидела на работе, лениво стучала по клавиатуре, удаляя с диска ненужные файлы, и слушала Дашкино шипение.

— О Д. Кертисе из Лондона. Кстати, что обозначает это загадочное «Д.»?

— Ничего загадочного, — ответила я. — Д. — это Дэвид.

— Дэ-вид, — враспяжку произнесла Дарья. — Мне нравится. А как он вообще?

— То есть?

Ужасно не хотелось рассказывать о знакомстве с Дэвидом. Я не могла понять почему. Но Дарья теперь с меня не слезет. Придется выдать ей кое-какую информацию.

— Внешне и так... — полюбопытствовала Дарья.

«Так» означало обаятелен мой новый знакомый или нет. Внешность ведь в мужчине не главное, верно? Красивый, как картинка, истукан, не способный развлечь даму непринужденной беседой, для Дашки был все равно что маньяк-убийца. Впрочем, и для меня тоже.

— Помесь Рассела Кроу с Робби Вильямсом.

— Как это? — озадачилась Дарья.

— Качок как Кроу, а в лице что-то от Робби.

— Значит, симпатичный? — с некоторым сомнением в голосе уточнила Дарья.

Дарья не считает Робби красавчиком. А по мне так в самый раз.

— Симпатичный, — подтвердила я.

— Где ты его подцепила? — поинтересовалась Дарья.

— Я не цепляла, — возразила я. — Случайное знакомство.

— Да? — ехидно проговорила подруга. — А свитер? Что-то мне мои случайные знакомые не шлют дорогих подарков Ди-Эйч-Элем.

— Не такой уж и дорогой... — пробормотала я. — Не бриллианты же...

— На что намекаешь? — недовольно проворчала подруга.

— На то самое.

Полгода назад Дарье подарили бриллианты. В уши и на палец. Один из ее поклонников, которого она знала без году неделю. Дарья бриллианты приняла, чем изрядно меня удивила. Она примеряла тогда на себя феминистские одежды. Бриллианты в это ее новое увлечение никак не вписывались.

— У меня это первые брюлики, — объяснила она свое странное решение.

— Ну и что? — спросила я. — При чем тут это?

— А при том... — туманно ответила она, и на этом разговор закончился.

Брюлики Дарья почти не носила, держала в отдельной коробочке и время от времени протирала специальной тряпочкой. А я тогда все поняла про Дарьин феминизм. И дала ему от силы месяц на все про все. Он сдох спустя пять недель.

— Хорошо, хорошо, — дала задний ход подруга. — Будем считать, что это сувенир. Так где вы все-таки познакомились?

Я рассказала ей о встрече с Дэвидом в кафе и о том, как он водил меня в Копенгагене по местным достопримечательностям.

— Прикольно, — заметила Дарья. — Но все равно — почему не рассказала?

— Не знаю, — пробормотала я. — Как-то к слову не пришлось...

— А-а-а... — протянула странным голосом Дарья. — Ладно. И что теперь?

— Теперь? — удивилась я. — Ничего. Написала ему, мол, спасибо за свитер. И все.

— А он?

— А он едет в Таиланд. Спросил, что мне привезти оттуда.

— А ты?

Я невольно рассмеялась.

— Дарья, тебе сколько лет?

— Столько, сколько и тебе, — напомнила она. — Забыла, что ли, мы с тобой в институте вместе учились.

— Да помню я, — продолжала посмеиваться я. — Просто если послушать наш с тобой разговор, то сидят две великовозрастные тетки и мусолят: «а он?..», «а ты?..». Дурдом, ей-богу!

— Ну, великовозрастные, — слышно было, что Дарья улыбается, — какая разница. У них те же самые проблемы, что и у подрастающего поколения.

— Думаешь?

— Знаю. Ладно, не уводи меня от главной темы — так что теперь?

Ни-че-го.

Не понимаю вообще, почему возникает такой вопрос. Мимолетное знакомство с мужчиной в заграничной поездке — еще не повод для каких-то продолжений и ожиданий. Даже если этот мужчина привлекательный, обаятельный фотограф с мировым именем. Даже

если этот мужчина свободен. А он свободен, в этом нет никаких сомнений. Такие, как Дэвид, никогда не дают сковать себя по рукам и ногам. Таким, как он, не знакомы слова «обязательства» и «долговременный».

А собственно говоря, при чем тут Дэвид? Давайте-ка начнем с того, что у меня семья. Да, да, семья. И поэтому пусть Дэвид едет в свой Таиланд и еще куда пожелает — мне нет до этого никакого дела. Любопытно, а что интересного можно привезти из Таиланда?

Пока я размышляла над этим, на мобильник пришло сообщение: «Заеду в шесть». От Павла. Значит, к шести нужно уже быть во всеоружии. Павел не любит торчать в машине и ждать, когда я завершу свои дела в офисе. «Хорошо, — ответила я и добавила: — Куда поедем?» — «Сюрприз», — сообщила очередная эсэмэска, с дисплея мне озорно подмигивал смайлик. Я усмехнулась. Павел освоил смайлики. Достижение. С чего бы это?

Он был в командировке в Москве, вернулся из нее позавчера в исключительно благодушном настроении. Смеялся, шутил. И я расслабилась. Похихикала над своими переживаниями. Все нормально. В конце концов, у каждой пары бывают свои сезоны. То жарче, то прохладнее. Наверное, без этого было бы пресно жить.

Вчера Павел водил меня на презентацию к своим друзьям. Те открыли небольшой ресторанчик на Петроградке, по-моему, не очень удачное место выбрали, но — не мое дело. Презентация же прошла на ура. Была какая-то пресса, хозяева остались довольны. Павлу, правда, очень некстати позвонили с работы, и ему пришлось почти час висеть на телефоне и утрясать какие-то проблемы. В девятом часу вечера. Нет, эти предприниматели — поголовно ненормальные. Никогда, никогда не буду иметь свой бизнес.

Я поскучала немного, бродя по залу, а потом очень неожиданно — и приятно неожиданно — наткнулась на одного моего старого знакомого. Когда-то мы вместе работали, лет семь назад, с тех пор не виделись. «Что ты, где ты?» — набросились мы друг на друга с расспросами и очень душевно провели за беседой минут сорок. А потом вернулся Павел. Мрачный. «Ой, — сказала я Андрею, — извини, но мне пора». — «Удачи!» — кивнул он и сунул мне свою визитку.

— Кто это? — спросил Павел, когда мы, попрощавшись с хозяевами вечеринки, пошли к выходу.

— Коллега с прежнего места работы, — ответила я и приготовилась к буре.

— У коллеги есть имя? — поинтересовался Павел, садясь в машину.

— Андрей. — Я бросила сумочку на заднее сиденье и тоже нырнула в салон.

— Спортивный парень, — заметил Павел. — Чем занимается? — И мы тронулись с места.

— Понятия не имею. — Я пожала плечами. — Не спросила.

— Да? — Павел коротко взглянул на меня. — А похоже, у вас близкие отношения.

— Чепуха, — ответила я.

Он промолчал.

Он про-мол-чал!

Командировка определенно сказалась на нем благотворно. Наверное, подписал с кем-нибудь контракт. И сразу забыл о своей ревности.

Сидя сейчас перед компьютером, я опять отчетливо вспомнила истерику, которую мне устроил Павел, когда я вернулась с прогулки на лошадях. Брр! Я передернула плечами. Противновато. Но — уже проехали. Я промолчала. Проглотила обиду и запила ее самоговорами, что, мол, а как же иначе в семейной жизни? Надо же идти на компромиссы.

Раз уж я сказала «А» три года назад, когда дала Павлу с его ухаживаниями зеленый свет, а потом «Б» — когда позволила ему войти в мою семью, то теперь мне осталось только произнести все остальные буквы алфавита, чтобы завершить начатое.

Но самоуговоры действовали лишь тогда, когда я насильно произносила в уме: «Так надо. Так будет правильно». Стоило отвлечься, как воспоминание о той обиде всплывало во мне и больно царапало сердце. Неужели будет так же, когда мы поженимся? Мы же все равно поженимся. Рано или поздно. Все к этому идет. Он к этому ведет меня. Иначе зачем ему был весь этот сыр-бор с обольщением, привыканием, обедами в родительском доме? Как же все это будет?

— Я скажу тебе, как это будет, — фыркнула Дарья, когда я поделилась с ней своими мыслями. — Благо есть кое-какой опыт.

Дарья обожает консультировать по вопросам семьи и брака. Считает, что если она там побывала, то теперь вправе давать советы всем страждущим. Мне же лично кажется, что, во-первых, слишком недолго она там была, во-вторых, история истории рознь, и тот опыт, которого поднабралась в семейной жизни Дарья, может быть совсем неприменим ко мне или кому-то другому. Казаться-то мне кажется, но вслух я это не высказываю, опасаясь вызвать Дашкин гнев. Обычно просто спокойно выслушиваю все ее комментарии и советы, а потом поступаю по-своему. И обычно бываю удовлетворена результатами своих поступков. Но — пусть выболтается.

— Он тебя достанет, — продолжала Дарья. — Будет перекраивать на свой лад.

— Так все обычно делают, — пожалала я плечами.

— Все, — согласилась Дарья. — И мой так делал. Оттого я и сбежала от него.

Дарья сбежала от своего спутника четыре года после свадьбы. Было это два с половиной года назад. Да, она выходила замуж не юной девушкой — Дарье стукнуло уже тридцать, когда она согласилась на эксперимент. И это, как она считает, было ошибкой. «Надо нырять в омут головой в двадцать с небольшим, — всегда повторяет она. — Позже — уже чревато». А я думаю, что «чревато» лишь для таких, как Дарья. Уйма людей женится после тридцати и после сорока и — ничего, живут и даже возносят хвалу Господу за такой счастливый поворот событий. Дарья же слишком экспансивна. Таким судьба бежать по жизни в одиночку. Потому что просто никто рядом не выдержит.

Она и сама это знала. И все равно решила проэкспериментнуть, как говорит Иринка. Закончился сей эксперимент плачевно. Для мужа. Потому что он любил ее. И уход Дарьи воспринял трагически. Даже уехал жить в другой город. В провинцию, к маме. Откуда еще пару лет писал грустные письма в надежде подвигнуть Дашку на примирение. Но та была непреклонна.

— Нельзя возвращаться туда, где тебе было хорошо, — философствовала она.

— Тебе там было хорошо? — удивлялась я. — Что ж неслась оттуда, как угорелая?

— Было хорошо, — отвечала подруга. — Первые несколько месяцев. А потом...

А потом он принялся перекраивать ее. Под фасончик своей мамы, то есть полной противоположности Дарьи.

— Я бы подстроилась, — объяснила Дарья, — если бы требовалась небольшая переделка. Но чтобы уж до последнего стежка...

И она сбежала. Счастлива? Скорее да, чем нет. Я же говорю, ей лучше в одиночку.

А мне? Не знаю, не знаю. Одной жить очень неплохо (Иринка и Бренда не в счет, мы же

о другом, ну, вы понимаете), но иногда я думаю, что нужно ведь все попробовать в своей жизни, верно? И «одиночку», и семейную жизнь. Чтобы тогда уже точно сказать: вот это мне подходит, а это — ни в коем случае, даже не предлагайте! А так получается, что я сижу в своей «одиночке» и оттуда рассуждаю, что, мол, да, конечно же одной-то оно совсем неплохо и даже в некоторых смыслах лучше, гораздо лучше, чем вам, окольцованным... А ведь не была окольцована ни разу. Знаю об этом понаслышке. Но сужу об этом с полным знанием дела. Смешно. Впрочем, окольцованные ведут себя точно так же.

От Дэвида Кертиса ничего нет. Наверное, в Таиланде неуверенная связь. Все-таки настоящий край света.

Павел поднял меня на смех, когда я озвучила ему свои соображения насчет Таиланда. Случайно это все вышло. Мы сидели у моих родителей и разговаривали обо всякой чепухе, начиная от предстоящих саммита и чемпионата мира по футболу (мужская тема) и заканчивая так некстати вошедшими в моду рюшами и воланами (это уже по нашей с мамой части). Тут по телевизору упомянули тайскую кухню, я оживилась и высказалась по поводу Таиланда и его удаленности от всех благ цивилизации.

— Ты серьезно? — выпучил на меня глаза Павел.

— Что? — ошетибилась я.

— Ты серьезно думаешь, что в Таиланде нет электричества?

— Я так не говорила, — возразила я. — Я сказала, что там наверняка плохо дело с Интернетом.

— В Бангкоке? — усмехнулся он.

— Речь не шла о Бангкоке. — Я изо всех сил сдерживала раздражение. — Это тебе не Монако, где Монте-Карло занимает всю территорию страны.

— Почти всю, — поправил он.

— Хорошо, — согласилась я, — почти всю. Так вот, Бангкок в смысле благ технического прогресса не вызывает у меня никаких сомнений, но вот что там делается на остальной территории...

— Все равно, — продолжал кривить губы Павел, — ваши, девушка, знания об окружающем мире оставляют желать лучшего.

Опять этот снисходительный тон. В последнее время он звучит все чаще и чаще. Как будто я неразумное дитя, за которым вечно нужен глаз да глаз. Согласна: я так выгляжу. Лицо а-ля Мэг Райан, рост метр шестьдесят пять и неистребимое пристрастие к джинсам и мокасинам. Но, на минуточку, разве по этому судят о том, что у Человека в голове? Пусть я веду себя подчас не лучше, чем моя родная дочь, но ведь это так, кураж. А окружающие, похоже, кроме этого куража, не способны замечать больше ничего.

Могу стать более серьезной? Конечно. Дайте мне пару секунд на то, чтобы вжиться в образ, и опля — перед вами солидная мать семейства, квалифицированный специалист и отличная хозяйка. Это не сложно, поверьте мне. Вот только нужно ли? Я часто задумываюсь об этом. Особенно после того, как встречу где-нибудь в городе старых знакомых, тех, с кем училась в школе или институте. Сначала начинаю им завидовать. Грешна, грешна, что поделать. Столького они добились, столькоими вещами обустроились. Так и должно быть, думаю я, все-таки нам-то уже... о-го-го! А потом вглядываюсь пристальнее в их лица, и зависть моя потихоньку испаряется. Они все такие уже... э-э-э... не знаю даже, как сказать... стационарные, что ли. Одинаковые в этой своей стационарности. И — скучные.

Не хочу быть такой.

И не буду. Иначе какой из меня пример для моей любимой дочери? А я хочу, чтобы она выросла человеком, которому до древней старости все будет интересно. Всякая чепуха вроде трех галок за окном, которые на днях дрались из-за червяка. Или кто первый придумал эту дурацкую фразу: «Привет от старых штиблет»? Или почему если щекочешь языком верхнее нёбо, то зарождающийся чих пропадает сам собой?

Но Павлу этого всего не объяснить. Не признаться, что это мой осознанный выбор. Потому что сразу последуют всякие вопросы, на которые нет ответов. Зачем это тебе? Да почему? Вот он и думает, что я просто такой уродилась. Иногда слегка подтрунивает надо мной, иногда смеется всерьез. Как сегодня. Вот только почему-то именно сегодня это меня раздражает. А раньше не раздражало. «К чему бы это?» — думала я, по возвращении домой включая компьютер.

О, смотри-ка, мистер Дэвид Кертис на связи. Никак из Таиланда шлет весточку? Наверное, у них там жарко. Я открыла письмо.

«Привет, — писал Дэвид, — как дела? Я вернулся из Таиланда. Ты когда-нибудь бывала там? Если нет — рекомендую». И все. Ну там обязательные: «пока» и подпись. А больше ничего. Я даже была как-то разочарована. Человек приехал из экзотических мест и не способен ни на что, кроме банального «рекомендую»? И ладно бы был простым бизнесменом — тогда чего уж от него ждать! Но ведь творческая личность...

«Не была, — написала я в ответ. — Спасибо за рекомендацию». И все. Прямо деловая переписка, ей-богу. Зачем я вообще ему отвечаю? Если пропустить пару имейлов, то он сам исчезнет. Обычное явление. Такова жизнь.

Спустя час пришел ответ.

«Отправляю тебе несколько фото, — писал мой лондонский корреспондент. — Надеюсь, они тебе понравятся».

Угу, смотрю фото про Таиланд и — никаких комментариев. Финита. Хватит с меня. Я щелкнула по первому файлу с картинкой. В Таиланде, наверное, дивные красоты. Тем более снятые профессиональным фотографом.

ACDSee грузилась медленно. Давно уже пора поменять компьютер. Этот мы покупали лет пять назад. Что-то обновляли в нем, добавляли какую-то память, но железо уже безнадежно устарело и дальнейшей модернизации не подлежало. Нужно было купить новое, но все не было времени. Так, начала открываться картинка. Я задумчиво смотрела на экран. Стоп, а это что такое?

На фото, загрузившемся наконец-то на экран, я увидела собственную персону. Светлый костюм, дорожная сумка у ног... Это же Каstrup. Копенгаген. Но я не помню, чтобы он фотографировал меня, когда провожал. Да и потом, я улетала не в светлом костюме. Я в нем прилетала. И что это значит? Я застыла, не отрывая взгляда от монитора, пытаюсь справиться с валом мыслей, вдруг нахлынувшим на меня.

Дальше, скомандовал внутренний голос. Что там дальше? Я нажала на иконку «Вперед», и программа любезно показала мне следующее фото. Опять я. В том же костюме и с той же сумкой. Чуть-чуть смазанное изображение. Значит, иду куда-то. Выгляжу на пять с плюсом. Так, дальше.

Экран моргнул и выдал мне новое фото. Я тоже моргнула, потом сглотнула и почувствовала, как вдруг заложило уши.

Я падаю. Правая нога уходит вперед, левая полусогнута, сумка брошена. Я падаю. На том целлофановом пакете.

Пальцы машинально давили на кнопочку мыши, открывая все новые и новые картинки. Лабрадор, стоящий у меня на груди. Дети, безуспешно пытающиеся оттащить собаку. А вот и Биргитте, пришедшая на помощь. Я откинулась на спинку кресла. Он фотографировал меня. Еще там, в Каструпе. Немудрено, что он запомнил меня в лицо. Думаю, ему и спины моей было бы достаточно, чтобы опознать меня.

Я вскочила со стула и закружила по комнате. Бренда лениво взглянула на меня со своего кресла. Вот он, оказывается, какой! Папарацци чертов. Узрел пикантный момент и давай тут же щелкать его в подробностях. И не важно, как себя чувствует объект, — главное, чтобы фото получились. Чтобы потом их продать куда-нибудь. А как же я?

А ему плевать. Они называют это профессионализмом. Лично я называю свинством. Высшей степени свинством. Внедриться в чужую жизнь. Без спросу, без оглядки на чужие чувства. Точно так же он уселся тогда за мой столик. Видел же, что я против. Но его это не волновало. Потому что, как только он узнал меня, он решил разузнать обо мне побольше. Зачем? Ну как же — тогда случайно сфотографированный объект станет живым. Может, он еще и статейки пописывает — я же не знаю. Вот и тиснет материальчик обо мне. А кто его знает, может, уже тиснул.

Прославишься, тихонько шепнул внутренний голос. И добавил: мол, а что такого страшного во всей этой истории? Даже прикольно. Прикольно что? Что тебя использовали для извлечения прибыли? И промолчали при этом? Я уселась опять перед компьютером, открыла почтовую программу и быстро-быстро застучала по клавишам.

«А ты парень не промах, — написала я. — Куда собираешься продать мои фото? Будь любезен, сообщи о результатах — мне хотелось бы получить свою долю». Вот так вот. Получите, господин Кертис. С такими, как он, по-другому нельзя. Я отправила письмо и побежала заваривать кофе. Я всегда пью кофе в стрессовых ситуациях.

Сигнал, возвещающий о прибытии очередного имейла, прозвучал, когда я уже допила мое «лекарство» и безуспешно пыталась подвигнуть Бренду на прогулку. На улице шел дождь, а наша собака в дождь отказывается гулять наотрез. Готова терпеть сутками, лишь бы не мочить шерстку.

Я метнулась к компьютеру и, к своему полному изумлению, прочитала: «Ты веришь в любовь с первого взгляда?»

Что такое?! Он что, издевается надо мной? Вот недаром я не люблю таких крутышек. Они никого за людей не считают. Особенно женщин.

«Уводишь разговор в сторону? — ответила я. — Не хочешь делиться со мной деньгами?»

«Ты не ответила на мой вопрос, — немедленно отреагировал Дэвид. — Ты веришь в любовь с первого взгляда?»

Нет, ну какой настырный. При чем тут любовь-то?

«Не верю, — с ожесточением застучала я по клавишам. — И тебе не советую».

«Поздно, — ответил он. — Встреча с тобой перевернула всю мою жизнь».

Нет, ну каков нахал! Продолжает издеваться. И думает, что я сейчас брошусь в бой, начну обсуждать с ним эту тему. А я не буду. Надо просто устраниться. Вроде меня это никак не задело. Ни фото его, ни бредни про любовь с первого вдоха, ой, пардон, взгляда.

Кстати, если честно, то я в нее верю. Для таких, как Иринка и чуть-чуть постарше. Но

только не для бабушек моей возрастной категории. Право, это смешно. Уморительно. Даже отдает дурным вкусом. И потом, у меня она уже была. Один раз в школе. Второй раз — с Иринкиным незадачливым папашей. Третий — была бы уже перебором, вы не находите?

«Не грусти, — написала я Дэвиду Кертису из Лондона, — расстояние, что нас разделяет, быстро тебя вылечит».

Нет, это действительно смешно.

— А я верю в любовь с первого взгляда, — сказала Дарья.

Я все ей рассказала. Не смогла утаить. Все равно с кем-то нужно было поделиться.

— Да, верю, — повторила она. — И не смотри не меня так.

— Как? — Я пожала плечами.

— Недоверчиво. Подозрительно. Осуждающе.

— Ну, уж точно не последнее, — запротестовала я. — Хотя, честно сказать, ты меня удивила. Не думала, что ты так сентиментальна.

— При чем тут сентиментальность? — вскинулась Дарья. — Разве верить в любовь с первого взгляда — это пошло?

— Я не говорила «пошло»...

— Ага, не говорила, — кивнула Дарья, — но видела бы ты свое лицо. На нем шестнадцатым кеглем было начертано: ну и пошлятина!

Конечно, не так резко, подумала я, но в целом довольно точно. Сопли, слезы и закатывания глаз — вот что ассоциируется у меня с любовью с первого взгляда. Никак не похоже на Дашку.

— Ты считаешь меня прагматиком, — продолжала она, — и в чем-то ты права...

В чем-то? Я усмехнулась.

— Вижу, вижу, — вздохнула Дарья. — Ладно, я прагматик. Согласна. Это разве плохо?

— Я и не сказала, что плохо. Твое дело. Просто когда ты начинаешь вилять вправо или влево, это нелогично. А я за логику.

— Верить в любовь с первого взгляда — это не значит вилять, — заметила Дарья, обведя задумчивым взглядом зал кофейни, в которой мы сидели. — Это просто свидетельство того, что я все же человек, а не машина. Масса людей верит в любовь с первого взгляда, разных людей, заметь. И прагматиков, и циников, и законченных эгоистов, вот только вслух они боятся в этом признаться...

— Тогда откуда тебе известно, что они верят? — перебила я ее. — Они ж боятся признаться.

— У них на лицах все написано, — поморщилась Дарья, — неужели ты не замечаешь?

— Нет, не замечаю.

— Потому что сама не веришь, — решила подруга. — Завидное упорство.

— Тому есть причины, — пробормотала я, побалтывая соломинкой в стакане с соком.

— Да знаю. — Дарья откинулась на спинку стула. — Иринкин папаша... Отбил всякое желание верить в светлое и доброе.

Отбил. Это точно.

— И все-таки, — после некоторой паузы произнесла Дарья, — она вертится.

— Что? — я удивленно уставилась на нее.

— В смысле существует, — пояснила она. — Любовь с первого взгляда. И что бы ты ни говорила по этому поводу, ты в меньшинстве.

Неужели это действительно так? Неужели большая часть человечества верит в эту лабуду? Я ехала домой и размышляла об этом. Смотрела на лица сидящих в маршрутке — не похоже, чтобы эти люди страдали недугом под названием «романтизм». Джинсы, футболки, наушники в ушах, мобильники в руках. Дарья перегибает. Но как ее проверить? Ведь не

ринешься к прохожим на улице с вопросом: «А что ты там думаешь насчет любви, ха-ха, с первого вздоха?» Впрочем, если взять в руки микрофон, то, глядишь, сойдешь за журналиста, а журналистам любят отвечать на всякие, пусть даже самые дурацкие вопросы. Вот только нет у меня уверенности, что все говорят при этом действительно то, что думают. Почему-то всегда кажется, что человек, оказавшись перед камерой или микрофоном, начинает изображать из себя невесть что. И нести невесть что. Лишь бы произвести впечатление. Да и духу у меня не хватит прикинуться журналисткой. Так, помечтала, пока было нечем заняться по дороге домой.

— А ты веришь в любовь с первого взгляда? — спросила я у Иринки, не успев даже захлопнуть за собой дверь.

— Мусик, ты чё? — изумилась дочь.

— Что за «чё»? — возмутилась я.

— Сори, — спохватилась Иринка. — Забыла.

Я борюсь за чистоту русского языка. Не за стерильную, конечно, — при нынешнем телевидении и радио это невозможно по определению, — но хоть за какое-то подобие чистоты. Иринка, надо отдать ей должное, старается, но иногда теряет бдительность и срывается на «чё» или «ихних».

— Так веришь или нет? — повторила я, проходя в комнату.

Бренда, виляя задом, подлетела ко мне.

— Привет, привет. — Я нагнулась и погладила ее по бархатистой морде.

— Тебе зачем это? — осведомилась дочь.

— У нас с тетей Дашей теоретический спор, — пояснила я. — Нам требуется мнение подрастающего поколения.

— А-а-а, — протянула Иринка, — понятно. Верю.

— Правда?

— Ну да.

— А девчонки?

— То есть?

— Твои подружки, — я плюхнулась в кресло и взяла в руки пульт телевизора, — они что думают по этому поводу?

— Девчонки? — Иринка на секунду задумалась. — Ну-у... — она присела на подлокотник кресла, рядом со мной, — мне кажется... да, они тоже.

— Верят? — уточнила я.

— Ага, — кивнула дочь.

— Что за «ага»? — Я легонько шлепнула ее по коленке.

— Сама так всегда говоришь, — надулась Иринка.

— Разве? — усмехнулась я.

— Да. — Она сползла с подлокотника и встала передо мной. — Я, кстати, хотела предложить тебе одно дело.

— Какое?

— Не только ты меня поправляешь, когда я леплю что ни попадя, но и я тебя. Как тебе это?

Демократично, подумала я. И логично, если учесть то, как складывались взаимоотношения в нашем семействе. Но педагогично ли? Этого я не знала. Однако не сомневалась, что если бы задалась целью прояснить этот вопрос, то по макушку увязла бы в

противоречивых советах. Брр. Я поежилась. Только не это.

— О'кей, — решила я. — Годится.

— Классно! — воскликнула Иринка, пару раз подпрыгнула, выражая свой восторг, и убежала в свою комнату.

«Классно» — это в рамках культурного языка или нет? Я задумалась. Культура же имеет тенденцию изменяться. Раньше без «соблаговолите» и «премного» и шагу ступить было нельзя, а сегодня — где они, ау?! Ладно, за «классно» рубить головы не будем.

— А между прочим, — прокричала из своей комнаты Иринка, — если хочешь узнать чужое мнение, то залезь в Интернет и поинтересуйся там насчет любви с первого взгляда.

А вот это мысль! Я вскочила. Бренда, уже примостившаяся в соседнем кресле, повела очами, мол, куда-то идем?

— Отдыхай, — бросила я ей. — Для тебя ничего интересного.

Ну и ладно, читалось на сонной Брендиной морде, не очень-то и хотелось.

Мировое сообщество высказывалось по поводу любви с первого взгляда или раза (тут народ несколько путался в терминах) многословно и противоречиво. Одни утверждали, что никуда от этого не деться, потому что всему причиной феромоны, власти над которыми мы не имеем, а значит, любовь с первого взгляда разрешения спрашивать у тебя не будет — проскользнет в дверь, ты и не заметишь как. Другие наотрез отказывались верить в ее существование, демонстрируя при этом твердокаменный эмпиризм — мол, я ее не видел, следовательно, в природе такого явления не существует. Третьи феномена как такового в целом не отрицали, однако грустно изливались на тему о том, что все это чревато... разочарование... плохо заканчивается и т. д. и т. п. Это обо мне, успела подумать я, как вдруг на одном из форумов выскочило сообщение: «It doesn't exist and people need to stop asking the same stupid question over and over»^[7]. Я расхохоталась. Кого-то все это крепко достало. Впрочем, он (или она?) был в одиночестве — большинство пиплов, бродящих по безбрежным пространствам Всемирной паутины, безоговорочно верили в любовь с первого взгляда. Правда, делая оговорку. «Смотря что считать любовью, — писал некто под ником FGD-23. — Симпатию? Желание? Взаимопонимание? Взаимопринятие? Или все вместе?»

Вот то-то и оно, мелькнула мысль. О чем, собственно, мы беседуем? О «хочу», торкнувшем тебя при виде какого-то объекта? Или о чем-то большем? И что имел в виду крутой мистер Дэвид Кертис? Скорее всего, тривиальное «хочу». Мужик, в конце концов. При чем такой, на котором крупными буквами написано, что он нарасхват, а значит, времени на «нечто большее» у него просто-напросто нет. Времени, а кто знает, может, и желания тоже. Так что надо выкинуть его шальную фразочку из головы и вернуться в свою прежнюю жизнь. Вот только казалось мне почему-то, что с фразочкой этой выйдет как с той пресловутой белой обезьяной, о которой велено не думать, и как только велено, нет никаких сил избавиться от мыслей о ней.

Телефонный звонок раздался так неожиданно, что я вздрогнула.

— Возьмешь? — крикнула Иринка.

— Возьму, — ответила я и на всякий случай поинтересовалась: — Ты дома?

— Если мальчишки, то нет, — сказала дочь.

Понятно. Временное осложнение отношений. Проходили, знаем. Два дня игнорирует телефон, потом опять звонкам зеленый свет, через месяц все повторяется. Смешные, право.

Телефон продолжал надрываться. Кого это несет в одиннадцать вечера? Я протянула руку, ухватила трубку и поднесла ее к уху.

— Алло, — пробормотала я.

— Привет! — ответила трубка жизнерадостным женским голосом.

— Привет, — осторожно отозвалась я.

Голос был мне незнаком.

— Знаешь, где я сейчас нахожусь? — игриво спросила трубка.

— Нет, — честно призналась я.

— Здесь! — восторженно сообщила трубка. — Представляешь?!

— Нет, не представляю, — опять-таки не покривила я душой.

— В кои-то веки выбралась в Питер... — продолжала радоваться дама в трубке, по ее голосу было слышно, что она предлагает мне радоваться вместе с ней.

Я прислушалась к себе. Радости как не было, так и нет. В голове бился один только вопрос: «Кто это, черт возьми?»

— А ты кто? — тут же озвучила его я.

— А? — растерялась дама. — Что?

Когда вас на полной скорости тормозят всякими там «ты кто?» в момент, когда вы вне себя от счастья, иной реакции как «а?» и «что?» вы и не сможете родить.

— Ты кто? — повторила я.

— Ну, как же... — часто задышала на другом конце провода дама, — я же Люся...

Люся?

— Не знаю никого по имени Люся, — решительно сообщила я.

— Кошкина... — прошептала дама.

О боже!

Я выпрямилась. Кошкина. Люсинда. Явление из прошлой жизни.

— О! — только и смогла вымолвить я.

— Вспомнила? — уже несколько более уверенным голосом спросила дама.

— Вспомнила, — с вздохом подтвердила я.

Белобрысый хвостик на затылке, круглые, вечно удивленные глаза, уши, сквозь которые просвечивало солнце... Мы учились вместе в институте. Маленькая, крепкая и юркая, Кошкина была одной из тех бесцветных особ, которых всегда полным-полно на любом женском факультете. Незаметные зубрилки, ценность которых только в том, что у них всегда можно раздобыть конспекты любых лекций просто потому, что они на них ходят. Незаметность Кошкиной для меня усугублялась еще и тем, что жила она в общежитии, поскольку приехала в Питер из далекого Хабаровска. У них там, в общежитии, была своя компания. У нас — питерских — своя.

После окончания института Кошкина вернулась в свой Хабаровск. Я осталась в Питере. И в общем-то жила прекрасно все эти четырнадцать лет, не вспоминая о Люсинде. А вот она, как выяснилось, не забыла меня. Не понятно, с чего бы это? Спустя пару секунд я уже знала ответ.

— Когда дали отпуск, сразу подумала: поеду в Питер, — трещала Кошкина, — а когда приеду в Питер, сразу позвоню тебе.

— А! — Мне больше нечего было сказать.

— Я сейчас приеду? — внезапно прозвучало из трубки.

— Сейчас? — Я ошеломленно взглянула на часы. — Так поздно? Давай, может быть, завтра? — Хотя я не представляла себе, зачем мне и завтра нужна будет Кошкина, но ведь человек приехал из Хабаровска, человеку хочется меня видеть, не могу же я отказать ей в

малом.

— Так мне же негде ночевать, — весело сообщила Кошкина.

Уппс!

Я растерянно обвела взглядом комнату. Нет, у нас, конечно, было полно места, но как-то я не была готова к таким переменам в нашей жизни.

— Ага? — не унималась Кошкина. — Значит, я еду.

— А... — Я продолжала пребывать в ошеломлении.

— Адрес знаю, — хохотнула она. — Жди! — И из трубки понеслись гудки.

Она знает адрес. Откуда?! Мы живем в этой квартире всего восемь лет. Откуда Кошкиной, обитающей практически на краю земли, известен мой адрес? И сколько она собирается пробыть на моей территории?

— Кто это? — спросила Иринка, появляясь в дверях своей комнаты.

— Гости, — замороженно сообщила я.

— Гости? — переспросила Иринка. — Ты пригласила гостей в полночь?

— Они сами пригласились, — буркнула я и пересказала ей мой разговор с Люсиндой.

— Ну и ладно, — пожала плечами дочь, — поживет несколько дней, подумаешь! — и опять нырнула к себе.

Счастливым возрастом! Когда кажется, что чем теснее в окружающем тебя пространстве от разных людей, тем прикольнее. Я же чувствовала себя препаршиво.

В 23.22 домофон издал пронзительный гудок. Я сняла трубку.

— Это я! — пропела сильным контральто Кошкина.

Я молча нажала на кнопку и открыла ей входную дверь. Спустя пару минут услышала шуршание дверей лифта, затем шаги и звук, как будто тащат что-то волоком по полу. «Вещи», — сообразила я. Вот только мне показалось, что звуков было больше, чем может издать один человек. Я распахнула дверь.

— Ку-ку! — Кошкина помахала мне рукой.

Я перевела взгляд вниз и позади кошкиных затрапезных сандалет увидела еще чьи-то ноги.

— Ммм... — промычала я и заглянула Кошкиной за спину.

Два пацана тинейджерского вида переминались с ноги на ногу. Пацаны были белобрысы, и уши у обоих торчали почти перпендикулярно голове, точь-в-точь как в стародавние времена у их мамаш. В том, что Кошкина доводится мамашей этим двум мальчишкам, не было никаких сомнений.

— Знакомься, — предложила Кошкина, — Гришаня и Николаша.

Бренда, просочившаяся на лестничную клетку, осторожно обнюхивала ноги пришельцев. Я стояла столбом, мозги отказывались переваривать поступающую извне информацию.

— Ой, — воскликнула возникшая за моей спиной Иринка, — мама, а они одинаковые!

— Близнецы, — хохотнула Кошкина.

Черт возьми, крутилось в голове, черт возьми!

— Эй, парни, — Кошкина повернулась к пацанам, — вещички затаскивайте.

Кошкины группой из трех человек воцарились в моей большой комнате, оккупировав телевизор и балкон.

— Боже, как я рада тебя видеть, Катрин! — возопила Кошкина, как только расставила по углам вещи. — Может, чаю треснем за встречу? Или у тебя есть что покрепче?

— Покрепче только кофе, — мрачно сообщила я.

— Шуточки у вас, девушка! — расхохоталась Кошкина. — Как и раньше.

И добавила, что я совсем не изменилась с институтской поры. Чего нельзя было сказать про нее. Росту в ней не прибавилось, но тела narosло, и немало. Кошкина носила нынче пятидесятый размер. Со своей белобрисостью она беспощадно расправилась, выкрасив волосы в ядерное «бордо», а уши уже не привлекали к себе ничего внимания, будучи надежно спрятаны за румяными щеками. Юношеская щенячья глупость переросла у нее во бескураживающую безапелляционность, с которой она изрекала нечто наподобие: «И не надо мне рассказывать про за границу! Я все про это знаю — телик-то, чай, посматриваю!»

Следующее утро у нас началось со звучной трели будильника в шесть двадцать. Я вздрогнула и потуже упаковала себя в одеяло. Однако все слышала. Да, собственно, Кошкину не услышал бы только мертвый, и то не свежеспочивший, а тот, кого уже закопали.

Кошкина встала и направилась в ванную, сотрясая своей тяжелой поступью всю квартиру. В ванной она долго плескалась и временами оглушительно кричала. Затем принялась за молодняк. Сначала просто увещевала их, потом с диким грохотом перевернула раскладушки, на которых спали мальчишки. Откуда у меня раскладушки? Родители все никак не вывезут этот пережиток старины на дачу. Наконец Гришаня и Николаша проснулись и понеслись наперегонки умываться. Я высунула нос из-под одеяла: семь, без двух минут. На полтора часа раньше времени, когда я обычно вставала. Ужас. Тихий ужас. Или громкий?

Умываться Гришаня и Николаша пытались одновременно, визжа, крича и мутузя друг друга. В разгар помывочной процедуры к ним ворвалась Кошкина и дурным голосом заорала: «А ну угомнитесь! Что вы вопите как резаные — тетю Катю разбудите!» А «тетя Катя», дождавшись, когда гости наконец-то позавтракают и отбудут по своим делам, выползла из постели и, заварив кофе, принялась подбадривать себя мыслью, что «Кошкин дом» у меня не навечно. И кстати, на сколько? Будучи в полном ошеломлении вчера, я даже не поинтересовалась у Кошкиной, как долго продлится их оккупация.

Из Иринкиной комнаты не доносилось ни звука. Каникулы. Ребенок спит. А вместе с ней и Бренда. Золото, а не собака, в том смысле, что никогда не будет будить хозяев раньше того срока, который они сами себе наметили для пробуждения. И военные действия, которые развернула в нашей квартире Люсинда, не смогли изменить привычного хода событий. Я тихонько заглянула к Иринке. Точно. Дрыхнут. Может быть, еще все обойдется, подумала я, отправляясь на работу.

Не тут-то было.

— Кто, кто эти люди?!!

Павел орал в трубку так, что Ольга Аркадьевна, стоявшая на противоположном конце комнаты, вздрогнула.

— Где? — испугалась я.

— У тебя в квартире! Я заехал забрать пиджак, а там...

— О господи. — Я перевела дух. — Что ты так кричишь? Это Кошкина.

— Кто?!

— Люська Кошкина. Мы с ней вместе учились в институте.

— И что? — Павел по-прежнему звучал весьма накаленно.

— Они приехали в Питер...

— А ты-то тут при чем?

Ни при чем. Все верно. Но дело уже сделано, ведь так?

— Э-э-э... — замялась я.

— Зачем ты поселила их у себя?

— Я не селила, — промямлила я, — они сами... Приехали и заселились...

— Послушай, — Павел наконец-то сбавил тон, — детка, ты говоришь чепуху. Нельзя заселиться к кому бы то ни было без его согласия. Верно?

— Верно, — пробормотала я.

— И?

— Так вышло. — Я почувствовала, как к горлу подступают слезы.

— Ла-адно, — протянул Павел. — Проехали. Вечером что делаешь? Гостей развлекаешь?

Нет, поняла я, не развлекаю. Наоборот, готова бежать из дома куда глаза глядят. О чем и сообщила Павлу.

— Хорошо, — отозвался он деловитым голосом. — Я понял. Что-нибудь придумаю. — И мы распрощались.

— Проблемы? — спросила Ольга Аркадьевна.

— Есть немного, — ответила я. — Когда вокруг тебя куча людей, почему-то всегда проблемы.

— Это точно, — согласилась главбух. — Одному проще, — затем подумала и добавила: — Иногда скучнее, иногда грустнее, но в целом проще.

Вечером Павел повез меня в ресторан. О Кошкиной не вспоминал. Был внимателен, заботлив, но больше говорил сам, нежели слушал меня. И это тоже было новеньким в наших отношениях. Раньше болтала в основном я. Ему нравилось то, о чем я говорила и как говорила. В последнее же время он частенько перебивал меня, переводил разговор на темы, интересные ему, — словом, взял на себя роль ведущего в беседе. До Копенгагена это началось или после? Я порылась в памяти. До. Хорошо, а то у меня уже началась паранойя на тему «не-изменил-ли-Копенгаген-всю-мою-жизнь?».

Говорил Павел сегодня в основном о бизнесе. Тоска. Но я взяла себя в руки и изобразила внимание. Надо бы проявлять больший интерес к его работе. Это же главное занятие в его жизни. И если мы собираемся быть вместе, то я должна знать обо всем, что имеет для него значение, иначе какая из меня жена? Но мне было скучно. Я с трудом выношу, когда у человека всего-навсего один интерес в жизни. Не важно, в чем он состоит. Могу общаться только с теми, кто готов разговаривать обо всем. Или хотя бы о многом. А тут только и слышу: «партнеры», «налоги», «клиенты», «проекты» — скулы ломит от сдерживаемой зевоты. А может, это просто недосып из-за Кошкиных сказывается?

Павел привез меня домой почти в одиннадцать. Я тихонько отворила дверь. Я знала, что Иринки дома нет. Они с Брендой на время оккупации съехали к родителям. Оккупация же была в полном разгоре. Я нашла квартиру полностью преобразившейся. Везде лежали

кошкинские сумки и пакетики, маечки и носочки, видеокассеты и туалетные принадлежности. Я сняла туфли, зашла в ванную и немножко помедитировала там, глядя на бегущую из-под крана воду.

Спасительное действие медитации закончилось сразу же, как только я вошла в свою спальню. Вошла и спустя секунду пулей вылетела в коридор.

— Кошкина!!! — заорала я.

— Что? — Кошкина материализовалась в дверях гостиной.

— Какого черта ты собрала в кучу все цветы?! — обрушилась я на нее.

— У тебя все было неправильно, — невозмутимо ответила Люсинда. — Я где-то читала, что цветы лучше держать все вместе — у них тогда сильнее энергетика, и они лучше растут.

— Плевать я хотела на твою энергетику! — Мой голос сорвался на фальцет. — Расставь все как было!!!

Кошкина надулась и ушла курить на балкон. В этот момент зазвонил телефон.

— Да!! — рявкнула я в трубку.

— Привет! Чего рычим? — мелодично пропела в ответ Дарья.

— Потом расскажу, — прошипела я. — Слушай, если у тебя не срочное дело, перезвони мне лучше завтра днем на работу.

— Хорошо, как скажешь. Целую. — И Дарья дала отбой.

— Ну, что у тебя случилось? — спросила на следующий день Дарья.

— Гости. У меня гости из Хабаровска, — простонала я.

— Кто это? — удивилась Дарья. — Не знала, что ты обзавелась приятелями в столь отдаленных уголках нашей необъятной родины.

— Какие приятели? — взвилась я. — Сказано же — гости!

— Ага, — миролюбиво промычала Дарья, — понятно: гости — не приятели. Ну? Так кто эти люди? Колись.

— А ты ее знаешь, — вдруг спохватилась я. — Ну как же! Конечно же знаешь. Черт, я совсем забыла! Это же Люська. Люсинда. Помнишь?

— Люсинда? — озадачилась Дарья. — Из какой жизни?

— Из института, — вздохнула я.

Дарья помолчала.

— Кошкина, — добавила я.

— О! — только и выдала Дарья.

— Ага, — подтвердила я.

— С каких это пор Кошкина стала твоей подружкой? — поинтересовалась Дарья. — Вы с ней даже «здрасте» друг другу не всегда говорили.

— Это не Кошкина стала моей подружкой, — возразила я, — а я — ее. На вопрос «когда?» у меня есть только один вариант ответа — тогда, когда ей стало известно, что ей дают отпуск.

— И она вспомнила, что ты обитаешь в Питере, — продолжила Дарья.

— Точно.

— Но ты ведь не единственная с нашего курса, кто живет здесь, — справедливо заметила она. — Что ж это твоя Кошкина не упала на грудь своей, между прочим, если мне память не изменяет, ближайшей подруге Лельке? Или, к примеру, Ритке? Они ж там вместе тусовались.

— Лелька отбыла в Штаты...

— Насовсем? — перебила меня Дарья.

— Насовсем. А у Ритки свекровь лежачая. Кошкина к ней сунулась, а там...

— Обломс, — закончила за меня Дарья. — И Ритка, не будь душой, быстро выскребла из своих тайничков номер твоего телефона, который ты ей зачем-то дала. Вот зачем ты ей давала его, Кэт?

— Работа, — ответила я. — Они у нас что-то покупали.

— Отправила бы ее в гостиницу, — подумав, посоветовала Дарья.

— Кого? — не поняла я. — Ритку?

— При чем тут Ритка! Кошкину.

— Не успела среагировать, — призналась я. — Они, можно сказать, уже топтались в дверях.

— «Они»?

— Она с детьми. Мальчики. Близнецы. Одиннадцать лет.

— Сколько же вас там на квадрат площади? — ужаснулась Дарья.

— Они и я. Иринка с Брендой у родителей.

— Слава богу! — вздохнула Дарья. — За собаку я волновалась больше всех. Все эти незнакомые люди. Такой стресс!

Вы думаете, она шутит? Ни в коем случае. Бренда — Дарьиная любимица. Она относится к нашему рыжему чучелу как к малому дитяти, которому ежесекундно требуется ласка, забота и кусочек чего-нибудь вкусенького. Если поселить Бренду на несколько дней к Дарье, то обратно мы получим толстенький бочонок на ножках, изнеженный и избалованный донельзя. Бренда это все отлично понимает, как понимает и то, что попасть в Дарьины объятия на несколько дней ей никогда не светит, так что старается использовать каждое мгновение Дарьиных визитов к нам, которое ей отпущено. Всегда сидят вместе обнявшись, с блаженными лицами, не замечая никого вокруг.

— Павел орал как резаный, — сообщила я.

— По поводу?

— На фиг, говорит, было давать слабину.

— Вот не люблю я его, ты знаешь... — напомнила Дарья.

— Знаю, — подтвердила я.

— Но тут я с ним абсолютно солидарна. Тебе, Кэт, давно пора немножко остервенеть. Слишком ты добра. Слишком отзывчива. Слишком безотказна. И поэтому вынуждена терпеть нашествие Кошкиных. Вот со мной этот номер не прошел бы.

С ней — не прошел бы. Это точно. Дарья никогда не позволяет сесть себе на шею. Но она была такой всегда, с самой ранней юности. Ей не нужно этому обучаться. А мне нужно. Во всяком случае, многие так говорят. И добавляют при этом, что, дескать, только для моего блага. Чтобы мне стало легче жить. Я киваю, соглашаясь, а потом, наедине с собой, подолгу размышляю об этом.

Научиться — не проблема, главное — захотеть. Но хочу ли я? Вот тут у меня сомнения. Ну, научусь. Стану стервой, пусть даже в легкой степени, и что? Это разве буду я? Нет. Кто угодно, но не я. Да, этому новому существу жить будет легче, чем прежней Кате Александровой, но будет ли с ней так же здорово, как с прежней Катей Александровой? Не уверена. Вернее, уверена, что не будет.

Поэтому все остается по-старому. И поэтому сейчас у меня «кошкин дом». Вроде бы

ненадолго. На неделю. Надеюсь.

А от Дэвида Кертиса ничего нет. Я смотрела. Последний раз (шестой за сегодняшний день) не далее как десять минут назад.

— Послушай, Катрин, — спросила у меня Кошкина вечером третьего дня своего пребывания в Питере, — что за мужик-то у тебя?

— В смысле? — удивилась я. — Мужик как мужик.

— Нет, в том плане, что откуда ты его взяла?

Мы суетились на кухне. Люсинда сноровисто нарезала салат, я загружала в кастрюлю сосиски.

— Тебе зачем? — поинтересовалась я.

— Да так... — Она положила на доску очередной огурец и быстро-быстро покромсала его ножом.

— Ты просто виртуоз! — восхищенно заметила я. — Я такое только в кино видела.

— У меня опыт, — польщенно улыбнулась Кошкина. — Поварихой работала.

— Ты? — Я с изумлением воззрилась на нее. — Поварихой? Когда это? И зачем? С твоим-то экономическим образованием.

— Было дело, — повела плечом Кошкина, нарезая зелень. — Ребятня пошла в детсад, я туда и устроилась, чтобы на глазах были. Думала, может, удастся бухгалтером, но там уже все было занято, пришлось поварихой. Ничё, кстати, мне понравилось. И к дому близко. Не то что тебе — мотаться через весь город.

Через весь город? Я усмехнулась. По местным меркам я работаю почти рядом с домом — всего полчаса на маршрутке. Но для хабаровчанки Кошкиной это, конечно, не понятно. А я, кстати, и не хотела бы работать где-нибудь за углом. Дом — работа, работа — дом. Скучно. Так хоть проедешься — на людей посмотришь, прогуляешься.

— Так, — деловито осведомилась Кошкина, — что там с сосисками? Салат готов.

Я заглянула в кастрюлю.

— Уже кипят.

— Так что мужик? — повторила свой вопрос Люська. — Ты так ничего и не рассказала.

Цепкая она, однако. Я втайне рассчитывала сбить ее с панталыку своим отвлекающим маневром насчет искусства нарезания овощей. Но не вышло. Люсинда вообще не переставала удивлять меня. Всегда казалась такой одноклеточной, а тут поди же ты — масса неожиданностей.

— Знакомые сосватали, — со вздохом поведала я.

— Понятно, — кивнула Кошкина, открывая шкафчик и доставая тарелки. — А чем он занимается?

— Бизнес. — Не хотела я углубляться в подробности, однако не тут-то было...

— Какой? — не отставала Кошкина.

— Вентиляционное оборудование.

— Нормально, — одобрительно кивнула она, расставляя тарелки. — Город большой, есть где развернуться.

Ну конечно, подумала я, вынимая батон из хлебницы, еще один крупный знаток реалий современного бизнеса. Люди все же порой так самоуверенны! Вот я понятия не имею о законах развития предпринимательства и не лезу в разговоры об этом. А все вокруг лезут. Хотя некоторые рядом с этим самым предпринимательством и не стояли. Даже запаха до них не доносилось, но тем не менее... Впрочем, это не совсем о Кошкиной. Кошкина-то как

раз предпринимательства нанюхалась выше крыши. Видимо, это было уже после ее поварских подвигов. Она возила шмотки из Кореи и Китая, торговала сначала на рынке, потом арендовала магазинчик. Нынче Люсинда переключилась на мебель и предметы домашнего обихода. «Вечная тема, — объяснила она. — Народ всегда будет покупать что-нибудь в дом. Опять же посолиднее, чем всякие там куртки и джинсы». Ей, конечно, виднее насчет того, «посолиднее» это или нет, но, на мой взгляд, куртки с джинсами — тоже вечная тематика. Короче, Кошкина у нас оказалась бизнесвумен и поэтому сейчас многозначительно морщила лоб при звуке знакомых слов.

— И чё? — Люсинда разложила вилки, села на стул и уставилась на меня. — Женитесь?

— Кто? — вздрогнула я.

— Как кто? — усмехнулась Люсинда. — Ты со своим мужиком. Как его зовут-то? А то он тогда так обалдел, когда наткнулся на нас, что забыл представиться. — И она трубно расхохоталась.

— Павел, — пробормотала я. — Пока не женимся.

— И правильно. — Кошкина хлопнула ладонью по столу. — Повремени.

— Почему это? — заинтересовалась я.

Кошкина вела себя нетипично. Обычно все принимались талдычить мне, что, дескать, одной нехорошо, так что давай, давай, форсируй, иначе мужик сорвется с крючка. А Люська отговаривает. С чего бы это?

— Я вот все время замужем, — поведала Кошкина, постукивая пальцами по столешнице, — засада, ей-богу. Все время кому-то что-то должна, ни минуты не можешь подумать только о себе...

— Это ты не о замужестве, — перебила ее я, — это ты о детях?

— Дети само собой, — согласилась Кошкина, — дети для меня все...

Это я успела заметить. Несмотря на весьма своеобразные методы воспитания в семействе Кошкиных, то, что дети — свет очей Люсинды, было понятно с самых первых минут их пребывания в моем доме.

— ...но с детьми никаких проблем, — продолжала Кошкина, — то, что это крест пожизненный, я очень даже спокойно воспринимаю. Мне даже нравится. — Она улыбнулась слегка смущенно.

Я и говорю: Кошкина не переставала удивлять меня. Иногда в хорошем смысле, вот как сейчас, например.

— Но вот мужики... — Лицо Люсинды помрачнело. — Это что-то... Я тут не согласна. Ведут себя хуже детей. Внимания требуют столько, что никаких нервов не хватит.

— Но ты же только о своем знаешь, — возразила я. — Остальные, может, совсем не такие.

— Да? — Она прищурилась. — Твой, что ли, другой? Не душит?

— Откуда я знаю, будет душить или нет? Мы еще не живем вместе, — пробормотала я.

— И что? — протянула Кошкина. — Неужели сейчас уже непонятно, что это будет?

Я пожалала плечами. Разговор приобретал неприятный оттенок. Надо бы сворачиваться. Я с Дашкой-то стараюсь на эту тему не заводить, а Кошкина уж совсем неподходящий собеседник для этого.

— Гниловатый он у тебя, — внезапно изрекла Люсинда.

— Что? — вздрогнула я.

— Гниловатый, говорю, он, — повторила Кошкина.

— Кто?

— Да Павел твой.

— С ч-чего т-ты взяла? — чуть заикаясь, спросила я.

Беда, мелькнула мысль. Заикание — это очень тревожный признак. Появляется у меня только как прелюдия к сильнейшему гневу. И тогда я начинаю делать вещи, о которых впоследствии страшно сожалею. Колочу посуду, ору нечто ужасное, ругаюсь как сапожник.

Какого черта она лезет не в свое дело?! Свалилась мне на голову со своими обормотами, оккупировала всю квартиру, за три дня установила в ней свои правила и теперь еще дает ценные указания, как мне строить мою личную жизнь! И видела-то Павла в общей сложности всего пять минут, а туда же — делает умозаключения. И мало того — сообщает мне о них. Какого черта?!

— Не знаю, — пожала плечами Кошкина, — вот увидела его и как будто откровение...

Психолог хренов! Откровение! Шла бы в экстрасенсы, раз на нее откровения валятся со всех сторон. Только не надо при этом вязаться ко мне! Я сама со всем разберусь.

Надо уйти отсюда, подумала я, иначе прибью ее. Я повернулась к окну, взяла с подоконника графин, налила из него воды в стакан, поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков.

— Знаешь, — произнесла я чуть хриплым голосом, — вы ужинайте без меня. Я потом, — и бочком двинулась из кухни.

— Катрин, — воскликнула Кошкина, — ты что, обиделась? Не дури, ей-богу! Это же все так, болтовня.

Я махнула рукой, мол, закончим на этом, и побрела в спальню. Люсинда что-то бубнила мне вслед, но я не слушала ее, вся во власти своих мыслей.

Иногда мне очень хочется жить на необитаемом острове. Но не там, где пальмы и песок — слишком празднично, а где-нибудь в районе Ньюфаундлендских или Фарерских островов. Ветер, океан и — никого. Ладно, пусть со мной будут Иринка и Бренда (не уверена только, что они согласились бы покинуть этот суетный город) и плюс еще пара сотен местных жителей, но не более того. И никто, никто тогда не будет лезть в мою жизнь, топтаться там, гостить и вносить в нее свои коррективы. Интересно, есть ли эмиграция в эти отдаленные места?

Я закрыла за собой дверь и включила компьютер. Сейчас как раз и посмотрю. И просто поползаю по Сети, развеюсь. Заодно мейл проверю. С этими Кошкиными вся жизнь пошла наперекосяк — второй день уже не заглядывала в свою почту.

Почтовая программа грузилась медленно. Железо ни к черту, в который раз подумала я. Все, со следующей зарплаты купим новый компьютер. Может быть, даже ноутбук. О! Письмо. Даже два.

«Здравствуйте, Екатерина Александрова, — писал мне интернет-магазин «Озон». — Что-то вы давно у нас ничего не заказывали...». И далее мне предлагался целый список того, что мне нужно срочно купить. Я купила. А что? Мне требовалось лечение. После кошкинской эскапады. Надеюсь, что фундаментальный русско-английский словарь фразеологических оборотов кому-нибудь в нашей семье рано или поздно пригодится. Стоит, правда, зараза... Но словари — моя слабость. Иногда я их даже почитываю.

Я щелкнула мышкой по второму письму. Кто-то неопознанный под ником dk_kd. Знаю, знаю, что нельзя так запросто открывать незнакомые письма — а вдруг вирус? Но ничего не могу с собой поделать — страшно любопытно, а что там за этими загадочными никами?

Обычно «там» не оказывается ничего особенного. Реклама и только. Порой предложения о переписке, носящие откровенно эротический характер. А вообще-то у меня в почтовом ящике такого хлама бывает очень мало. Поэтому, видно, я и открываю все подряд. Вот Дарья, которая активно «живет» в Интернете, удаляет всех незнакомцев без колебаний. «По тридцать — сорок за день!» — стонет она. Если б мне столько накидывали в постбокс, я бы тоже перестала читать все послания.

«Привет, — писал неопознанный dk_kd, — я в Норвегии». Хорошо ему, подумала я. Там тоже, наверное, много пустынных пространств. Без Кошкиных и иже с ними. «А вообще я хотел извиниться...» Стоп. Я перевела взгляд на последние строки письма. Упс! Это же Дэвид! Ну, разумеется, dk — это Дэвид Кертис. Kd — зеркальное отображение. Юморист. И как это я сразу не догадалась? Правда, до этого он писал с другого адреса, но кто сказал, что у человека может быть только один имейл? У меня самой их целых четыре. Хочет извиниться? Ну-ну.

«Это профессиональная привычка, — писал Дэвид. — Ничего уже не могу с собой поделать. Фотографирую всегда и везде. И далеко не всегда отправляю в публикацию. Поверь, твои снимки не окажутся в журналах...»

«Что, — подумала я, — неужели я так нефотогенична?»

«Были бы они были на пленке, я уничтожил бы негативы на твоих глазах, но они в цифре, ты вряд ли поверишь, что я удалил все файлы с копиями этих фото...»

Ясное дело, не поверю.

«...да и, честно сказать, жаль было бы удалять. Согласись, здорово получилось...»

Он вроде собирался извиняться, или я что-то не поняла?

«...так что прости...»

Ага, вот оно.

«...прости за столь бесцеремонное вмешательство в твою жизнь. Но есть в этом нечто от судьбы, ты не находишь? Этот случай в аэропорту, потом наша встреча в кафе — неспроста. Я не беру назад те мои слова, что написал тебе в прошлый раз. А твой ответ насчет расстояния — извини, но это такая чепуха по нынешним временам. Дело не в расстоянии, ведь так? Ладно, пока. Мне пора бежать. Береги себя. Дэвид».

Конечно, дело не в расстоянии. А в том, что у меня уже есть своя жизнь. И я не собираюсь менять ее из-за случайной встречи с мистером Дэвидом Кертисом. Который только и знает, что насмехаться надо мной.

Не скажу, что я вернулась на кухню умиротворенной, но и прежнего гнева в душе уже не испытывала. По правде сказать, я почти забыла о нахальстве, с которым Люсьена комментировала мои отношения с Павлом. Спасибо Дэвиду Кертису — переключил мое внимание на собственную персону. А вот Кошкина чувствовала себя виноватой.

— Катрин, ты все еще дуешься? — осторожно спросила она, когда я вошла.

Я вздохнула.

— Брось, — предложила Кошкина, — я же так, не со зла. Саму всю заело, вот и поперло.

— Ладно, — буркнула я, — проехали.

— Тогда салатик, — засуетилась Кошкина.

И вечер прошел более чем мирно. Мы смотрели сериалы по телику, Гришаня и Николаша возились на полу, собирая каких-то рыцарей.

— В принципе, — сообщила я на следующий день Дарье, — они вполне нормальные.

— Я смотрю, ты к ним привыкла, — усмехнулась она.

Дарья заехала ко мне на работу. У нее сломался компьютер, а ей срочно нужно было распечатать кучу статей. Мы сидели за моим столом, принтер, натужно поскрипывая, выдавал нам лист за листом, за окном светило нежаркое солнышко — словом, денек начинался наимприятнейшим образом.

— Катерина... — В дверях возник шеф. — Э-э-э... Тысяча извинений.

— Ничего, ничего, — ласково пропела Дарья, улыбаясь ему.

— Зайди ко мне, когда освободишься, — попросил шеф и исчез.

— Такой ничего у вас шеф, — в который раз сказала мне Дарья.

— Он женат, — в который раз ответила ей я.

— И к тебе хорошо относится, если не сказать больше. — Тема продолжала развиваться по уже известному сценарию.

— Что из этого? — усмехнулась я. — Мы с тобой в сотый раз мусолим одно и то же.

— Почему же одно и то же? — Дарья ловко выхватила из принтера очередной листок. — Я только хотела сказать, что он мог бы тебя куда-нибудь продвинуть.

— Он и продвинул, — сказала я. — В командировку.

— Да, это было симпатично, — кивнула Дарья. — А дальше-то что?

— Ты странная какая-то, — рассмеялась я, — у нас некуда двигаться. Все забито. Опять же не он решает кадровые вопросы.

— Жаль. — Дарья вынула дискету из дисковода. — А то что-то меня твоя карьера беспокоит. Вернее, отсутствие оной.

Я тоже порой задумываюсь об этом. Многие мои ровесники уже поднялись в поднебесье, а я все болтаюсь где-то на уровне холмов Среднерусской возвышенности. Вроде бы мне и комфортно там, на холмах, но бывает, какой-то крохотный червячок вдруг просыпается внутри меня и принимается попискивать: «А ведь могла бы...» Могла бы, не глупее многих, но почему-то не рвусь я никуда в заоблачные дали. Может, оттого, что слишком много думаю о разных глупых вещах вроде смысла жизни и тщеты всего сущего? Вон Кошкина — не думает, но делает, и ведь как отлично себя чувствует!

Шел четвертый день их присутствия в моей жизни. Дарья права, я уже начала привыкать к ним. Конечно, были бы дома Иринка с Брендой, я сошла бы с ума от переизбытка энергии на единицу моей жилой площади, но дочь с собакой загорали на родительской даче, поэтому я пока еще была в норме. Впрочем, в 20.03 я поняла, что все в этом подлунном мире относительно.

В 20.03 я тихо открыла дверь и тихо вошла в квартиру. Кошкины были дома — в гостиной работал телевизор. Из кухни раздавались голоса. Я осторожно заглянула туда и обомлела: вместо Кошкиной с пацанятами передо мной предстали две бабульки, похожие на одуванчики в стадии белой пушистости. Пожилые дамы пили чай. При моем появлении они синхронно вздрогнули, синхронно повернулись ко мне и синхронно спросили:

— Девочка, ты к кому?

Я, не отвечая, продолжала глазеть на них.

— Ты, верно, Катенька? — догадалась та бабулька, что сидела у окна. — А я Ольга Ильинична, Люсины мама. А это моя сестра Лида, Лидия Ильинична. А Люся с мальчиками телевизор смотрят. Ты проходи, не стесняйся. Чайку хочешь?

Я как под гипнозом поздоровалась, прошла в кухню, села за стол и приняла в руки

чашку чая. Как под гипнозом ответила на вопросы касательно моего собственного здоровья, здоровья моих родителей, моих планов на будущее, выслушала подробные рекомендации на этот счет, а также детальный отчет о том, как бабульки добирались до нашего замечательного города и зачем они вообще сюда пожаловали. И действительно, какого черта?! Но это я вслух не сказала. Я все же воспитанная девочка.

Одуванчики, как выяснилось, приехали на юбилей своей младшей сестры и, так как там уже негде было приткнуться из-за обилия прибывших на торжества родственников, решили скоротать эти несколько дней у меня.

— Ты ведь не против, Катрин? — спросила Кошкина, явившаяся из гостиной.

— Э-э-э... — засомневалась я.

Павел меня убьет. Или бросит.

— Я же вам говорила! — торжествующе воскликнула Кошкина. — Катрин — душа человек!

Одуванчики умильно смотрели на меня и наперебой благодарили за мою доброту и чуткость. Я, честно сказать, чувствовала себя крайне неудобно, потому что в голове вертелись одни матерные слова в адрес всего на свете, включая и Кошкину, и ангелоподобных бабулек, и меня с моей добротой и чуткостью.

Старушки привнесли в нашу жизнь дополнительную пикантность. Телевизор теперь начинал работать с раннего утра: пушистики активно впитывали новости из жизни страны и героев латиноамериканских сериалов. В ванную и туалет стало просто не прорваться. Еще бабульки любили читать лекции по поводу и без повода. Стоило мне сесть за компьютер или поднести к уху мобильный телефон, как в дверях возникала одна из пушистиков и начинала рассуждать о вреде современной техники для здоровья, спустя минуту к ней присоединялась другая и дополняла рассказ свежими страшилками. Радовало одно — Кошкина также подвергалась нападкам со стороны старшего поколения, главным образом по поводу того, как нужно правильно воспитывать мальчиков. «Это тебе не девочки!» — авторитетно заявляли одуванчики, после чего следовал обстоятельный перечень основных отличий мальчиков от девочек и советов, как ей с этим справляться. Кошкина, не в пример мне, реагировала предельно бурно и сразу же начинала орать, что времена, мол, изменились и не пошли бы они со своими советами.

Так мы прожили пятый, шестой и седьмой дни оккупации. Вечером восьмого дня вся компания должна была съехать. Я проснулась утром под бодрое пение Кошкиной, варившей на кухне овсяную кашу.

— Ты сегодня выходная? — спросила Люсинда, когда я ставила на огонь турку с кофе.

— Да.

Я взяла отгул. Хотелось проследить за Кошкиными в последние минуты перед отъездом, чтоб не прихватили чего лишнего. Не в том смысле, что я подозревала их в способности к воровству — нет, просто они в суете могли упаковать в свои сумки что-нибудь из моего инвентаря. Или присвоить мои ключи. Или, наоборот, оставят какие-нибудь принадлежащие им вещи и потом будут бегать по городу с вытаращенными от напряжения глазами за пять минут до отхода поезда. Или — не дай бог — сдадут билеты и вернуться ко мне еще на неопределенное время.

— Что будешь делать? Может, пойдешь с нами на «Аврору»?

Боже мой!

— Нет, спасибо, — поспешно проговорила я. — У меня дела.

— Сочувствую вам, — закатила глаза Кошкина.

— Кому это? — удивилась я.

— Жителям больших городов. Вы вечно куда-то несетесь. Ужас!

А по мне так лучше нестись, чем зависать на месте.

У меня не было никаких особых дел в этот день. Хотелось сделать маникюр и еще пробежаться по компьютерным магазинам и прицениться к ноутбукам. Хотя Дарья сказала, что это уже вчерашний день — бегать своими ножками и рассматривать товары в витринах. «Заходишь на сайт, — учила она меня позавчера по телефону, — выбираешь себе модель, потом звонишь в магазин и заказываешь ее, и тебе ее доставляют на следующий день. Идешь и забираешь». Удобно, согласна. А где романтика шопинга? Опять же если бы у меня дома не толклись Кошкины... Нет, лучше пробегусь. Проветрюсь. И, кроме того, я хотела пообедать с Павлом.

Он вчера вернулся из очередной командировки. Улетал на два дня в Новороссийск. «И в выходные будете работать?» — удивилась я, когда он сообщил мне о поездке. «Детка, — снисходительно ответил Павел, — для бизнеса нет выходных». Мрак. Он совсем не думает о своем здоровье. А ведь сорок лет — возраст для мужиков опасный. Надо бы поговорить с ним об этом. Может быть, даже сегодня за обедом. Вечером? Нет, вечером мы не встречаемся. В Питер приехали какие-то его знакомые — он будет их развлекать. «Видишь, — пошутила я, когда мы болтали сегодня утром, — у тебя тоже гости, так что нечего мне пенять». — «Радость моя, — хмыкнул Павел в ответ, — мои-то в гостинице живут. Не то что твои».

Я включила телевизор. Взяла в руки программу, полистала. Ничего интересного. Как обычно, когда я включаю телевизор. Придется смотреть «Скорую помощь» по пятому разу. Боже, как хорошо опять почувствовать себя полноправной хозяйкой в собственном доме! Уже второй день я блаженствовала без Кошкиных. Сегодня утром ко мне присоединились Иринка с Брендой, вернувшиеся с дачи. И дом, продолжала размышлять я, такой милый, уютный. Не приехала бы Люська, я бы и не задумалась об этом. Все познается в сравнении. Павел, правда, такого хода мыслей не одобрил бы. Ну да бог с ним. Я села в кресло и взяла из вазочки печенье.

— Бренда, будешь печенье? — спросила я.

Обычно после этих слов ты обнаруживаешь сопящую морду где-нибудь в непосредственной близости к упомянутому продукту, однако на этот раз ничего подобного не случилось. Я обернулась. Бренда сидела у двери в прихожую спиной ко мне и делала вид, что не слышит меня.

— Что такое? — спросила я. — У тебя нет настроения жевать печенье?

Бренда обернулась и через плечо бросила на меня странный взгляд. Потом подняла морду и уставилась на часы, висевшие в углу комнаты. Десять двадцать.

— О! — воскликнула я. — Я совсем забыла. Прости меня.

Нам надо гулять. Обычно за этим следит Иринка. Но сегодня она отпросилась к подружке и будет где-то через час, так что выгуливать собаку придется мне. Отлично. Разомнусь перед сном.

Я вышла в прихожую. Бренда, пыхтя, потопала за мной.

— Не знаешь, — спросила я, — где твой поводок?

Бренда, насупившись, подошла к вешалке. Поводок висел там. Однажды она заговорит человеческим голосом, подумала в который раз я, и никто из нас этому не удивится.

— Только, чур, не волочь меня как на пожар, — предупредила я.

Бренда закатила глаза: мол, никто тебя никуда не собирает волочь. Она действительно вела себя по-разному с каждым из членов нашей семьи, и то, что позволяла себе с Иринкой, никогда не распространялось на меня. Мы вышли из квартиры и начали чинно спускаться по лестнице. Чинно вышли из подъезда. И... тут же наткнулись на препятствие.

Бренда встала в стойку и залаяла басом.

— Фу! — крикнула я и вгляделась в темную массу, лежащую на ступеньках крыльца.

— Ммм... — промычала масса и легонько пошевелилась.

Бренда отпрыгнула и воинственно зарычала.

— Да брось ты, — проговорила я, — это же пьяный.

Я стащила Бренду с крыльца. Она упиралась, намереваясь, видимо, разобраться с этой кучей лохмотьев основательно. Не то чтобы Бренда была драчливой собакой, просто страшно не любила пьяных. Впрочем, ни одна уважающая себя собака их не любит. А пьяные в нашем подъезде были нормальным явлением. Дело в том, что на первом этаже у нас жили Гришины, которые гнали самогон. Началась эта эпопея еще в годы сухого закона, когда спиртного было не достать, да так и повелось. Уже и водки вокруг стало залейся, а Гришины все продолжали гнать. Видно, из любви к самому процессу. Участковый давно

махнул на них рукой, мы тоже. Тем более что Гришины вели себя довольно мирно, в какой бы степени опьянения они ни находились. Они и их многочисленные прихожане. Этот, который сейчас прикорнул у двери, явно из прихожан, хотя в такой темноте — кто его поймет, может, и сам старший Гришин.

— Долго гулять не будем, — предупредила я Бренду.

Гулять с собакой часами — для этого нужен навык. Я обычно выдерживаю не более двадцати минут. Пройдусь до сквера, потом вокруг него и возвращаюсь. Куда еще можно водить собаку, я не имею ни малейшего понятия. Вот Иринка, та может завеяться с Брендой на целый день и вернуться с таким выражением лица, как будто ей все равно чуть-чуть не хватило.

Мы прошлись до сквера, обошли вокруг него. Дважды принимался накрапывать дождик. Бренда ежилась и ускоряла шаг. Не думаю, что сегодня она будет против короткой прогулки.

— Домой? — спросила я, когда мы завершили обход сквера.

Пьяный все еще лежал на крыльце. Бренда опять встала в стойку и опять огласила окрестности басовитым лаем.

— Да брось ты, — опять сказала я и наклонилась.

Нет, это не Гришин-старший. Какой-то незнакомый мужик. Уже почти потерявший человеческий облик. Спал, положив левую руку под щеку, и время от времени дергал правой ногой. Видимо, намеревался отдыхать здесь до утра. Я выпрямилась и открыла дверь в подъезд.

— Заходим, — скомандовала я Бренде.

В подъезде было тихо, только какой-то шорох раздавался с верхних этажей. Я взглянула на часы. Одиннадцать с минутами. Шла бы одна, было бы страшновато, но когда я с Брендой, то бояться абсолютно нечего. Если даже не бросится на обидчика, то одним своим видом испугает кого хочешь. Этот оскал, эти мышцы. И еще глаза, которые в темноте горят ярко-зеленым светом. «Наш упырь, — ласково говорит Дарья. — Гоблин».

«Гоблин» шустро перебирал лапами, я еле поспевала за ней. Вдруг на площадке между четвертым и пятым этажом Бренда замерла и тихонько зарычала.

— Что? — шепотом спросила я.

Бренда опустила голову, шерсть на ее загривке встала дыбом. Там кто-то был.

Надо сказать, что в нашем подъезде, находясь на лестнице, вы не можете видеть двери в квартиры благодаря нишам, которыми неизвестный архитектор оснастил лестничные площадки. На некоторых этажах предприимчивые жильцы перекрывали подход к нишам дополнительными дверями. Мы же этого не сделали и теперь каждый раз с опаской подходили к своей квартире. Пару раз в нише я натыкалась на Иринкиных ухажеров, терпеливо дожидавшихся возвращения моей дочери домой. Однажды там прикорнула мама, явившаяся на полчаса раньше назначенного времени. Сегодня в нише тоже кто-то был. Кто-то незнакомый, потому что и Иринкиных ухажеров, и прочих наших знакомых и родственников Бренда определяла безошибочно. Злоумышленник, подумала я и вся подобралась.

— Давай, — шепнула я Бренде, и она, играя мускулами, двинулась вперед.

Мы ступили на лестничную площадку, повернули направо и...

— Привет! — сказал сидящий на корточках Дэвид Кертис.

Бренда попятилась и грозно зарычала.

— Привет, — растерянно промолвила я.

Бренда удивленно взглянула на меня. Мол, что? Мы разве знакомы с этим... как его там?

— Что ты тут делаешь? — Я изумленно смотрела на него.

— Тебя жду. — Он вскочил.

Бренда вытянула шею и осторожно обнюхала его джинсы.

— Давай, скорее, — Дэвид махнул рукой в сторону моей квартиры, — открывай. Нужно звонить 911.

— Что?

— Давай, давай! — возбужденно повторил он.

Что ж такое? Свалился как снег на голову и тут же — 911. А у нас вообще-то есть 911? МЧС есть — это точно, но как туда звонить, я понятия не имею. И самое главное — зачем?

— Что случилось? — Я вытащила из кармана ключи. — С тобой все в порядке?

— Со мной все о'кей, — кивнул Дэвид и легонько подтолкнул меня к двери. — Открывай.

Дрожащей рукой я сунула ключ в замочную скважину, повернула его и потянула дверь на себя.

— Проходи, — пригласила я.

Дэвид вошел в прихожую, кинул на пол свою сумку и стал озираться.

— Где телефон?

— Момент. — Я заперла дверь, сняла с Бренды ошейник и повернулась к нему.

Светлые волосы встрепаны, на подбородке щетина. Как на рекламе этого... Забыла.

— Звони, — опять скомандовал он.

— Зачем? Что я им скажу? Что случилось-то?

— Этот человек, — быстро проговорил Дэвид, — там, внизу... Ему плохо.

— Кто?

Дэвид вздохнул и повторил чуть медленнее:

— Там, внизу, на крыльце, лежит человек. Ему плохо. Нужно звонить в 911 или скорую помощь.

— А-а-а... — наконец-то сообразила я. — Он пьяный.

— Он уже отходит, — сказал Дэвид. — Может умереть. Звони.

— Он пьяный, — повторила я.

— И что? — Дэвид с недоумением смотрел на меня. — Если пьяный, значит, пусть лежит?

Ну да, конечно, он же иностранец. В смысле Дэвид. Ему не понять нашей российской специфики. Начни я сейчас звонить в скорую, они первым делом спросят меня, что с этим персонажем, там, на крыльце. И я честно отвечу, что он вдрызг пьяный. И они пошлют меня куда подальше. То есть в ментовку. А в ментовке мне скажут, мол, хорошо. И на этом все закончится. Надо бы как-то объяснить это моему незваному гостю.

Пока я подбирала подходящие английские слова, Дэвид вдруг схватил меня за плечи и начал трясти:

— Звони! Звони! Иначе я сам это сделаю.

А вот этого не надо, встревоженно подумала я.

— Хорошо, хорошо. — Я высвободилась из его цепких рук и взяла телефонную трубку. — Ты сядь уже где-нибудь, успокойся.

Дэвид кивнул и примостился на стуле рядом с телефоном. Бренда подошла к нему и

положила голову на колени. Уже полюбила, холера эдакая. Не успела познакомиться, как уже смотрит влюбленным взглядом. Впрочем, что я хочу от нее — к мужчинам Бренда питает страсть. Ко всем. Кроме, конечно, пьяных.

— Э-э-э... — неуверенно произнесла я в трубку, когда дежурная из скорой прорезалась в эфире, — не могли бы вы прислать машину... Тут человеку плохо...

— А что с ним? — деловито осведомилась дежурная.

Ну вот, началось. Я вздохнула и промямлила:

— У нас тут пьяный на крыльце...

— Угу, — ответила дежурная, — понятно. Звоните в милицию.

Я так и знала.

— Спасибо, — пробормотала я и повесила трубку.

— Что? — спросил Дэвид.

— Ничего, — сказала я.

— Как это? — удивился он.

— Очень просто, — объяснила я, — скорая у нас не берет пьяных с улицы. Говорят, звоните в полицию.

— А-а-а, — протянул Дэвид, — ладно. Тогда звони в полицию.

Что-то мне не очень хотелось связываться с милицией в двенадцатом часу ночи. Но он ведь не отстанет. Я бросила на него быстрый взгляд. Точно не отстанет. Британское участие, или чем они там еще знамениты? Нет, но что он тут вообще делает?

— А что ты тут делаешь? — спросила я.

— Звони, — приказал он. — Вопросы потом.

Черт! Ладно, позвоню в опорный пункт, который в двух кварталах от нашего дома. Где-то у меня был телефон. Я достала из сумочки записную книжку, полистала ее. Вот. Нашла.

— Дежурный Корнев слушает, — флегматично сообщил мне мужской голос.

— Добрый вечер, — сказала я.

— Добрый, — отозвался дежурный.

— Знаете, у нас тут... — я замялась, не зная, как бы получше сформулировать свою мысль, — э-э-э... короче, мужчина на крыльце лежит... пьяный... — и замерла, ожидая, что он мне ответит.

— Ну? — спросил дежурный.

Спокойно так. Можно сказать, даже расслабленно. Очень хорошо. А то я думала, что сразу начнет орать: мол, чего вы тут трезвоните по всяким пустякам и так далее и тому подобное. Я перевела дух и продолжила:

— По-моему, уже отходит.

— Куда? — оживился страж порядка.

— Ну... в мир иной, — выдавила я, поглядывая искоса на Дэвида.

Тот легонько поглаживал Брендю по широкому лбу и не сводил с меня глаз.

— Ага, — отреагировал дежурный. — В скорую звонили?

— Конечно, — сказала я. — Только они его не берут. Говорят, звоните в милицию. Вот я и звоню.

— То есть говорите, — слышно было, как дежурный зашелестел какими-то бумагами, — он уже почти труп.

Я вздрогнула. Труп? Да вроде нет. Но кто его знает. Сейчас не труп, а через час... Лучше чуть-чуть приукрасить. Может, тогда дело пойдет быстрее. Все-таки труп перед подъездом, в

котором живут нормальные люди, — это совсем не то, что обычный пьяница, прикорнувший на травке до утра, верно?

— Похоже на то, — пробормотала я.

— И что вы хотите? — полюбопытствовал господин Корнев.

Хорошенький вопрос! Я чуть не рассмеялась. Охрана общественного порядка, чтоб ее!

— Хочу, чтобы его забрали, — сдерживая прорывающийся смех, ответила я.

— Можем, — согласился дежурный.

— Правда? — удивилась я.

Честно сказать, я думала, мне придется уговаривать его с полчаса, не меньше. Не то чтобы этот пьяный труп... тьфу ты! Ну, словом, те лохмотья сильно мешали мне, но Дэвид... Он ведь не отвяжется, пока я не разберусь с этим.

— Правда, — подтвердил дежурный. — Диктуйте адрес.

Я назвала ему улицу и номер дома.

— Квартира? — спросил он.

— Чья? — опешила я. — Того пьяного? Так он здесь не живет...

— Ваша, — перебил меня господин Корнев.

— Зачем это?

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше.

— Вы же делаете вызов, — терпеливо объяснил мне дежурный. — Мне нужна ваша квартира. А то знаете, сколько idiotских звонков за ночь бывает. Ложных, в смысле.

— А-а-а... — протянула я, — понятно, — и назвала номер квартиры.

— Фамилия, — потребовал Корнев.

Черт! Во что я ввязалась? Я бросила злобный взгляд на Дэвида и буркнула:

— Александрова.

— Отличненько, — подытожил дежурный. — Щас машина вернется с задания и пошлем ее к вам.

— Спасибо. — И я положила трубку.

— Ну? — Дэвид сверлил меня взглядом.

— Приедут.

— Хорошо. — Он встал со стула. — Надо спуститься.

— Зачем?

— Посмотреть, как он там.

Как он там. Да никак. Лежит себе и тридцать пятый сон смотрит. Хотя действительно лучше спуститься. А то когда менты приедут, то поднимутся ко мне в квартиру. Не зря же записывали номер. Начнут снимать показания. Куча незнакомых мужиков в мундирах. Или в чем они сейчас ходят? Нет, лучше встретить их у подъезда.

— Да, пошли, — сказала я, и мы направились к двери.

Бренда рысью рванула за нами.

— Не-ет, — повернулась я к ней, — ты останешься дома.

Она шлепнулась на зад и уставилась на меня умоляющими глазами. Дэвид рассмеялся.

— Нет, — повторила я, — останешься.

Бренда собрала лоб в гармошку и вытянулась на коврик перед входной дверью.

— Не берешь ее? — спросил Дэвид.

— Нет, — сказала я, отпирая дверь. — Это будет слишком: и полиция, и Бренда.

— Бренда? — переспросил Дэвид. — Красивое имя.

Мы вышли в подъезд и стали спускаться. Дэвид шагнул через две ступеньки. Еще навернется, мелькнула мысль. Тогда уж точно скорую придется вызывать.

Он вылетел из подъезда первым. Я — за ним. И сразу же уперлась носом в его широкую спину.

— О! — сказал Дэвид. — А где?..

Я выглянула из-за его плеча. Лохмотья исчезли.

— Ох, ну ни фиги себе... — пробормотала я по-русски.

— Что? — спросил Дэвид.

— Да так...

Он сошел со ступенек и стал вглядываться в темноту.

— Что-нибудь видишь? — спросил он.

Без фонарей-то? Только в радиусе метров пяти от крыльца.

— Нет, — ответила я. — Слишком темно.

— А почему у вас не светят фонари? — поинтересовался Дэвид, наклоняясь и заглядывая под ближайšie кусты.

Потому что. Другого ответа нет. Кто-то придумал, что в сезон белых ночей нашему двору фонари без надобности. И вот уже третий год мы живем в потемках. Белые ночи — они же только условно белые. Где-нибудь на открытом пространстве, наверное, так и есть, но в нашем дворе, засаженном липами, белые ночи видны только тем, кто проживает на верхних этажах.

Я промолчала.

— Нет никого, — констатировал Дэвид, вернувшись к крыльцу. — Интересно, куда он мог деться?

— Ушел, — буркнула я.

— Вряд ли, — задумчиво проговорил Дэвид. — Он был не в состоянии уйти сам.

— Значит, кто-то унес, — предположила я.

— Как это? — Он оторопело посмотрел на меня.

— Да просто, — пожала я плечами.

Теперь я вспомнила, что когда мы с Брендой возвращались, то из квартиры Гришиных доносилось пение. Лохмотья, похоже, напивались не в одиночку. Потом, видно, певуны вышли и забрали своего товарища. О чем я и сказала Дэвиду.

— Ну, если так... — Он недоверчиво смотрел на меня.

— Других вариантов не вижу, — сказана я.

— И что теперь? — спросил он.

— Не знаю.

Сколько же времени? Где, вдруг вспомнила я, моя дочь? Надо бы звякнуть ей на мобильный. Или Дарье. Она вызвалась забрать Иринку из гостей и привезти домой. И в этот момент зазвонил мобильник у Дэвида.

— Привет, — произнес он и тут же перешел на немецкий.

Бездна талантов, подумала я. А Павел и английский не осилил. Стоп, внезапно очухался внутренний голос. Что я здесь делаю? У подъезда, в ожидании ментов, с живым иностранцем под боком. И сразу же перед глазами мелькнула картинка: вот приезжает милицейская машина, вот они выходят в количестве двух — по одному же какой дурак нынче ходит? — вот они видят, что никакого трупа нет и в помине, вот они начинают разбираться, что почем. И вот они слышат Дэвидово англоязычное бормотание. Ага, думают

они, а не забрать ли нам его до выяснения. Тем более что саммит на носу — за бдительность похвалят. Да еще, глядишь, и баксов заработаем.

— Эй! — Я бесцеремонно дернула Дэвида за рукав джемпера. — Пошли отсюда.

— Куда? — Он оторвался от мобильного и удивленно взглянул на меня.

— Домой. — Я махнула рукой по направлению к двери в подъезд.

— Надо дождаться полицию, — сказал Дэвид.

— Я им позвоню.

Господин Корнев страшно обрадовался, услышав меня.

— Это вы! — воскликнул он. — Я вас узнал, по голосу!

Скучно ему, наверное, там, в дежурке.

— Да, — с вздохом призналась я, — это я.

— Машина еще не вернулась, — извиняющимся голосом сообщил Корнев.

— Да и ладно, — сказала я. — Уже не надо. Я поэтому и звоню.

— То есть как не надо? — озадачился мой собеседник.

— Он ушел.

— Кто?

— Этот, на крыльце.

— Вы же говорили, он труп, — продолжил недоумевать Корнев.

— Ну да. Почти.

— Как же он тогда ушел?

— Не знаю. Может, унес кто-нибудь.

— Кто?

— Да мало ли...

— Дурдом какой-то, — резюмировал Корнев.

— Точно, — согласилась я.

— Значит, машину не надо?

— Нет, не надо.

— Тоже неплохо, — заявил Корнев. — Машина-то у нас одна. Ну ладно, отдыхайте.

Спокойной ночи.

— И вам того же.

— Это вряд ли, — вздохнул Корнев и отключился.

Я положила трубку и повернулась к Дэvidу. Он стоял в проеме двери, ведущей в гостиную, скрестив руки на груди и слегка наклонив голову к правому плечу. И разглядывал меня. Дэвид Кертис из Лондона. В моей квартире в Санкт-Петербурге. Сюр какой-то, ей-богу.

— Так все-таки, — проговорила я, — что ты тут делаешь?

— Я приехал к тебе.

— Ко мне? Зачем?

— Просто так нельзя?

Видно, на моем лице отразилось все, что я думала про «просто так», потому что Дэвид тут же добавил:

— Показать, что расстояние, которое разделяет нас, — это тьфу. Не препятствие.

— Для чего? — холодно спросила я.

Дэвид уже открыл рот, чтобы ответить, как вдруг Бренда сорвалась с места и с громким лаем понеслась к двери. — Что это с ней? — удивленно спросил Дэвид.

Замок щелкнул, и дверь распахнулась.

— Мусик, ку-ку! — завопила с порога Иринка. — А я привела тетю Дашу!

— Кто это? — тихо спросил Дэвид.

— А еще, — продолжала вопить Иринка, — с нами Павел!

А еще с ними Павел. Весело.

— Девушки эти, — услышала я Дарьян голос, — никак не хотели расставаться. Я их буквально растащила в разные стороны. Как будто завтра они не увидятся снова. — И Дарья вошла в коридор.

Бренда радостно заскулила и подпрыгнула.

— Ты моя рыба! — Дарья наклонилась и принялась чесать собаке спинку. — Как ты тут без меня? Соскучилась?

«Соскучилась», — было написано на Брендиной ряшке.

— «Завтра», — проворчала Иринка, роняя на пол рюкзачок. — Завтра — это совсем не то, что сегодня, как вы не понимаете? Завтра — это совсем другая жизнь.

— Ну да, — выпрямилась Дарья, — нам, старым вешалкам, вас уже не постичь, верно, Кэт? — И она подмигнула мне.

Я криво улыбнулась. «Где Павел?» — вертелось в голове. И еще: «Что будет-то?»

— Не дала договорить, — продолжала зудеть дочь. — Еще бы минут пятнадцать — и мы бы закончили...

— Вы никогда не закончили бы, — усмехнулась Дарья. — Что я, не знаю, что ли? Вам только волю дай, трещали бы всю ночь напролет.

Дэвида было не слышно и не видно. Притаился где-то в гостиной, пытаюсь, видимо, сообразить, что происходит. А может, он просто исчез. Как в фантастических фильмах — вот оно тут стояло, а вот его уже нет. Невозможно. Но в этот момент я готова была поверить в невозможное.

Тем временем Иринка, обогнув меня, вошла в гостиную.

— О! — воскликнула она. — У нас что, гости?

И следом раздался голос Дэвида:

— Хай!

Значит, он еще там, грустно подумала я. Чуда не произошло.

— Гости? — Дарья с интересом посмотрела на меня. — В полночь? — и скинула туфли. — Кофе напоишь?

— В полночь? — в тон ей ответила я.

— А! — Она беззаботно махнула рукой. — На меня не действует, ты же знаешь, — и рыбкой скользнула в гостиную.

Бренда потрусилась следом за ней.

Я в растерянности замерла перед незапертой входной дверью. Где Павел-то? А может, они меня дурят? Дай-то бог. Я протянула руку и толкнула дверь. Замок мягко щелкнул.

— Ты нас не познакомишь? — услышала я голос Дэвида.

Британцы, что с них взять. Знакомь их. Сами ничего не умеют.

Я вошла в комнату. Иринка и Дарья стояли столбом посреди гостиной и восторженно таранились на Дэвида. Он напряженно улыбался.

— Это моя дочь Ира. — Я похлопала Иринку по плечу. — А это моя подруга Дарья. — Я махнула рукой в сторону Дашки.

Обе дружно закивали.

— А это Дэвид, — вздохнула я.

— Кертис, — кивнула с умным видом Дарья.

Брови Дэвида поползли вверх.

— Свитер, — поспешно проговорила я. — Пришлось сказать от кого.

— Понятно, — кивнул он и спросил: — Дамы говорят по-английски?

— Немного, — хором ответили «дамы».

— Извини, — сказала я Дэвиду, схватила Дашку за локоть и отвела в сторону. — Где Павел-то? — тихо спросила я. — Или вы наврали, что он с вами?

— Бли-ин! — вздрогнула Дарья. — Ничего не наврали. Он там, внизу тормознулся. С кем-то разговаривал по трубе. Сейчас припрется, — и повторила: — Бли-ин!

И как бы в ответ на ее реплику раздался звонок в дверь. Мы с Дашкой обменялись взглядами. «Что будешь делать?» — безмолвно спрашивала она. «Открывать», — сигнализировала я глазами. Дашкины брови поползли вверх, что явно означало: «А может, не надо?»

— Что за дурь? — вслух произнесла я и пошла открывать дверь.

— Привет, детка, — произнес Павел, входя в квартиру.

Эта его манера называть меня «деткой» начинает здорово раздражать. Она и сразу мне не нравилась, но я терпела в надежде, что это пройдет у него само собой. Однако дни бежали, а «детка» никуда не девалась. «Надо бы сказать ему...» — все чаще думала я, но никак не могла выбрать подходящий момент, чтобы осуществить задуманное. Сейчас разборки на тему «детки» тоже были некстати. На фоне Дэвида-то...

— Привет, — буркнула я. — Какими судьбами?

— Да вот... — он пожал плечами, — дай, думаю, заеду. Как-то в последние дни все неудачно складывалось...

Сегодняшний день не будет исключением, вот только тебе об этом еще ничего не известно.

— Ты не рада меня видеть? — игриво спросил Павел.

О-о! Все гораздо хуже, чем казалось вначале. Он не просто заехал, он еще и «в настроении». А когда он «в настроении», то удивительно раним, и Дэвид в этом контексте еще более некстати.

— Рада, — замороженно ответила я. — Проходи.

— Павел, — в коридоре появилась Дарья, — кофе будешь?

— На ночь? — вытаращился он на нее.

Павел — поборник здорового образа жизни. Во всяком случае, в том, что касается кофе на ночь.

— Боже, — скривилась Дарья, — ну какие вы все скучные. Ладно, сделаю тебе чаю. — И она скользящей походкой двинулась на кухню.

Павел проводил ее взглядом, в котором одновременно читалось и раздражение, и восхищение. Он знал, что Дарья его недолюбливает, но почему-то относился к этому спокойно. Даже симпатизировал ей. Может, считал, что она ревнует меня к нему? И, будучи сам ревнивцем до мозга костей, отдавал должное Дарьиным чувствам? Вот только он ошибался. Она не ревновала меня к нему. Она его просто не любила. Иррациональной нелюбовью. Той, которой нет никакого объяснения. «Но оно обязательно найдется, — говаривала Дарья. — Рано или поздно. Просто он еще себя не до конца проявил».

— А с кем это Ирунчик болтает? — вдруг нахмурился Павел.

— Э-э-э... — вздрогнула я.

Я оттягивала момент знакомства Дэвида с Павлом насколько могла. Понимала, что в

запасе у меня всего лишь несколько минут, но мне хотелось, чтобы они длились годы. Вы скажете, чего тут бояться? Дэвид мне никто, так, случайный человек. Ну свитер подарил, подумаешь, с кем не бывает. Ну в любви признался. Так это же в шутку, верно? Тонкий английский юмор, ничего более. Прикольно даже. Все это так, вот только Павлу этого не объяснить. Потому и оттягивала.

Павел снял ботинки и пошагал в гостиную. Я осталась стоять в прихожей, повторяя про себя: «Все обойдется, все обойдется».

— Добрый вечер, — услышала я голос Павла.

— Хелло! — ответил ему Дэвид.

— Это Дэвид, — сообщила Павлу Иринка. — Он из Лондона и не понимает по-русски.

Сейчас она начнет представлять Павла, мелькнула мысль, и, черт его знает, до чего может договориться, с ее хромающим английским. Я рванула к ним.

— А это Павел, — с непринужденным видом проговорила я, появившись в гостиной.

И все. А что вы хотели? Чтобы я принялась повествовать всю историю наших отношений? Нет? Просто обозначила место Павла в моей жизни? Поверьте, и в этом не было никакой необходимости, Дэвид и сам все понял.

Он легонько усмехнулся и протянул Павлу руку:

— Очень приятно познакомиться.

Павел пожал предложенную руку и вопросительно взглянул на меня. Я перевела. Павел кивнул и растянул губы в некоем подобии улыбки, а сам продолжил настороженно оглядывать гостя.

— Кофе! — заорала неожиданно появившаяся за моей спиной Дарья. — И чай, — добавила она, бросив насмешливый взгляд на Павла. Ткнула меня пальцем в бок и поинтересовалась: — Где накрывать стол?

— Здесь, конечно, — вместо меня ответила Иринка и бросилась убирать с журнального столика газеты и журналы.

— Стели скатерть, — скомандовала мне Дарья.

Я подошла к комоду, стоявшему у окна, открыла верхний ящик и принялась искать скатерть. Мужчины так и стояли посреди комнаты, внимательно рассматривая друг друга. Будет драка, мелькнуло в голове. Брр! Чушь какая, тут же одернула себя я. Это же не кино. Это жизнь. А в жизни все значительно проще и не так зрелищно.

Мы с Дашкой и Иринкой накрыли на стол. Все расселись. И... по комнате разлилась тишина. Надо бы занять их беседой, лихорадочно думала я. Но о чем, когда у меня в голове только и мыслей о том, чем же весь этот ужас закончится? Угроздило же его явиться! Я украдкой взглянула на Дэвида. Он сидел, держа в одной руке чашку, другой поглаживая Брендю по макушке, и сосредоточенно думал о чем-то. Павел делал вид, что пьет чай, на самом же деле беспрестанно поглядывал на Дэвида и, похоже, начинал тихо закипать. Надо бы их чем-то занять. Занять... Занять...

— Э-э-э... — промолвила я и бросила отчаянный взгляд на Дашку. Помогай, мол.

Она закатила глаза и вздохнула. Мол, как всегда. А что делать? Она всегда быстрее адаптировалась в сложных ситуациях. И всегда меня выручала.

— Дэвид, надолго ли ты в Санкт-Петербурге? — Дарья выговаривала английские слова медленно, тщательно артикулируя каждую букву.

— Нет, — качнул головой Дэвид. — Я завтра уезжаю.

— Что говорит? — наклонился Павел к Иринке.

Та ему объяснила.

Лицо Павла разгладилось. Нет, ну какие же они все примитивные, эти мужчины!

— Завтра? — разочарованно воскликнула Дарья. — Почему так скоро?

— У меня дела в Москве, — пояснил Дэвид. — Я здесь проездом.

— А где ты остановился? — подала голос я.

Я вдруг испугалась: что, если он рассчитывал провести свою единственную ночь в Санкт-Петербурге у меня? С него станется.

— Не беспокойся, — усмехнулся Дэвид. — В гостинице, — и бросил косой взгляд на Павла.

— В какой? — поинтересовалась неугомонная Дарья.

— В Europe Hotel, — ответил Дэвид.

— Нехило, — пробормотала Иринка.

— Он может себе это позволить, — тихо сказала я.

— Бизнес? — посмотрел на меня Павел.

— Нет, — ответила я. — Он фотограф. Работает в разных странах. Прилично зарабатывает.

— Богема, — вздохнула Дарья.

— Не думаю, — возразила я. — Не похож.

Дэвид с интересом слушал наш разговор. После моей последней фразы вопросительно заглянул мне в глаза.

— Я сказала, чем ты занимаешься, — буркнула я.

— Бывает, — медленно проговорил он, — что ты сидишь в какой-нибудь компании, разговаривающей на другом языке, и пытаешься понять, что происходит вокруг тебя. И как правило, не угадываешь.

— Забавно, — после некоторой паузы отреагировала я.

— Не всегда. — Он поставил чашку.

Почему-то у меня создалось впечатление, что речь шла не о языковом барьере.

Дэвид улыбнулся:

— Наверное, мне пора.

— Ему пора, — перевела я.

— Мы поняли, — сказала Иринка. — Только как он теперь будет добираться до своего шикарного отеля? Двенадцать.

— Вызовем ему такси, — предложил Павел.

Уверена, он даже был готов заплатить за тачку, лишь бы поскорее сбить мистера Дэвида Кертиса с рук.

— Нет, — Дарья расправила плечи, — зачем такси? Я его отвезу. Не возражаешь, Кэт?

— Я? — Я пожала плечами. — При чем тут я? Ты у него спрашивай.

— Спроси сама, — надула губы Дарья. — Мои познания в английском так далеко не простираются.

— Она может отвезти тебя в отель, — сказала я Дэвиду.

— Да что ты! — возразил он. — Зачем ее утруждать? Возьму такси.

— Мне не трудно, — влезла Дарья, отыскав в своем словарном запасе еще кое-какие резервы.

— У нас небезопасно на такси, — добавила я. — Соглашайся.

Это было самое меньшее, что я могла для него сделать. Хотя, по правде говоря,

следовало не расшаркиваться перед ним, а наkostenять ему по шее. За что? За любовь к авантюрам.

— Ладно, — кивнул он и поднялся из-за стола. — Спасибо за кофе.

— На здоровье, — отозвалась я, тоже вставая.

— Иришка, уберешь? — Дарья вскочила и поправила юбку.

— Конечно, — ответила та.

Павел остался сидеть.

— До свидания, — кивнул ему Дэвид.

Павел лениво поднял правую руку в знак прощания:

— Бывай.

Сейчас я провожу его до двери и все. Завтра... Стоп, завтра перед отъездом в Москву с ним надо будет встречаться?

— Я еду поездом в четыре, — как будто подслушав мои мысли, сказал Дэвид, когда мы выходили в прихожую. — Позвоню тебе днем?

— Да, — с облегчением ответила я. — Звони или на мобильный, или на работу.

— Пока, Бренда. — Дэвид сел на корточки и потрепал собаку по спине.

Бренда засопела от блаженства. Дэвид тихонько рассмеялся и встал.

— У тебя большая семья, — проговорил он, пристально глядя мне в глаза.

— Это точно, — встряла стоявшая у распахнутой двери Дарья.

— Пока, — произнес Дэвид и вышел на лестничную клетку.

Дарья подскочила ко мне и зашептала:

— Кэт, скажи честно, он тебе нужен?

— Кто? — прошептала я в ответ, опасливо оглядываясь на гостиную, в которой остались Павел и Иринка.

— Этот шикарный кадр из Лондона.

— О боже, Дарья, — простонала я.

— Но ведь он просто... — И Дарья закатила глаза.

— Согласна.

— Ну, так нужен он тебе или нет? Если нет, тогда я, чур, беру его себе.

— Бери, — кивнула я.

— Точно? — Дарья недоверчиво смотрела на меня.

— Абсолютно.

— Чтоб потом не вопила, что я увела его у тебя...

— Ерунду говоришь, — перебила ее я. — Езжай уже.

Она чмокнула меня в щеку и выбежала в сумрак подъезда. Я закрыла за ней дверь и перевела дух. Ура! Финита. Из них получится хорошая пара. Оба — не отвести глаз, оба циники до мозга костей, оба любят покуражиться над окружающими — словом, почему бы им не быть вместе?

— Уехали? — услышала я.

Повернулась. Павел. На лице кислая мина, в глазах молнии. Да, с финитой я явно поторопилась. До финиты еще... о-го-го.

— Что это за перец? — с тихой угрозой в голосе спросил Павел.

— Мама, — Иринка с независимым видом прошла мимо нас, — я пойду приму ванну.

Хочет укрыться от наших разборок за шумом льющейся воды. Уже пару раз так делала. В дипломатичности ей не откажешь.

— Валяй, — сказала я, и дочь скрылась в ванной, плотно прикрыв за собой дверь.

— Так что это еще за перец? — повторил Павел, сверля меня взглядом.

Я пожала плечами:

— Знакомый.

— Давно ли вы знакомы? — язвительно поинтересовался Павел.

— Недавно, — пробормотала я.

— И что?

— То есть? — не поняла я.

— Что у тебя с ним?

Ну вот, началось.

— Ничего, — как можно более ровным голосом ответила я. — Случайный знакомый.

Пару раз встречались.

— Где?

— В Дании.

— Ага! — воскликнул Павел, как будто нашел клад под кустами.

— Что «ага»? — ошетибилась я.

— Значит, в Дании что-то все-таки было. — Он сделал шаг по направлению ко мне.

Я невольно отступила.

— Было. Семинар.

— Но парень-то этот не с семинара.

— Нет.

— Тогда откуда?

Разговор наш что-то неуловимо напоминал мне. Ах да, конечно! Допрос с пристрастием, который я практиковала, когда Ирина была еще в младших классах и проходила стадию под названием «хроническая вруша». Надо, не надо было, сделала она что-то или нет, но дочь вралась безбожно. Чтобы вытащить из нее правду, приходилось демонстрировать чудеса изобретательности и настойчивости. Потом это прошло. Само собой. Ребенок вырос. Теперь истину силовыми методами из нее выколачивать не нужно — теперь с ней можно договориться. Но воспоминания о том периоде нашей жизни остались. И вот всплыли в моей памяти опять. Хотя, казалось бы, что общего?

— Так... — неопределенно протянула я.

— А что он тут делает? — напирал Павел.

— Ты же слышал, — буркнула я. — У него дела.

— В Москве. Тут-то он зачем?

— Откуда я знаю? Может, билеты были только через Питер.

— Издеваешься? — Павел подошел ко мне почти вплотную.

На «издеваешься» у меня уже сил не осталось. Сначала беседы с милицией, потом вот это...

— Ты заводишься из-за пустяка, — вздохнув, заявила я. — Он просто знакомый.

— Если это действительно так, тогда почему ты ни слова не сказала, что познакомилась с фотографом с мировым именем? Это же «прикольно», как ты говоришь, — с горечью упрекнул меня Павел.

Я сама уже не раз задавалась этим вопросом. Почему я не рассказала о знакомстве с Дэвидом? Обычно я во всем отчитывалась Павлу. И из тактических соображений — чтобы он знал, как яценю наши с ним отношения. И просто потому, что я болтушка. А тут...

Почему я промолчала? Боялась, что он начнет ревновать? А когда рассказывала о других своих приключениях, не боялась же. Так что произошло? Что такого в этом Дэвиде Кертисе, что я изменила своему обычному стилю поведения?

Павел ушел, надев на лицо обиженную мину. А я чувствовала себя ужасно. В кои-то веки он был прав. Если желаешь строить жизнь с кем-то, будь любезен вести себя соответствующе. И не только вести, но и думать. Вне зависимости от того, на что тебя толкают всякие там Дэвиды Кертисы. Фотографы из Лондона. Любопытно, как там дела у Дарьи?

Я не выпалась. Заснула под утро. Где-то в полпятого. Во всяком случае, в четыре я еще не спала. Сначала думала о Дэвиде. Причем в любопытном контексте. Казалось бы, должна ругать его последними словами, но я почему-то зацепилась за мысль о свободе передвижений и подвисла на ней на долгие минуты. Ездит куда хочет. Когда хочет. К кому хочет. Счастливчик. Впрочем, каждый устраивает себе ту жизнь, которая ему нравится. Мне вот нравится жить в Питере — я и живу. Хотя... и поездила бы с удовольствием... Вот только как это можно организовать при моей работе? Никак. Сменить профессию? Я мысленно усмехнулась. Шутите? В моем возрасте? Нереально. Да и неразумно. У меня же семья. И, кроме того, пора уже остепеняться. А остепенение и смена профессии — вещи несочетаемые. Думаю, Павел со мной согласился бы. И мысли естественным образом перетекли на Павла.

Ужасно чувствовала себя. Он ушел понурый, как побитая собака... Та-ак, что-то я увлеклась. Павел никогда не будет похож на побитую собаку. Должно произойти нечто весьма и весьма существенное, чтобы он приблизился к этому образу. Что-то вроде дефолта или кардинальной смены политической ориентации в стране. Никак не простое выяснение отношений с дамой сердца на тему того, о чем та умолчала, вернувшись из командировки.

Значит, побитая собака отпадает. Хорошо, скажем так, он ушел... опечаленный. Да, точно! Вот то самое слово. Опечаленный. Не разъяренный, не раздосадованный, не раздраженный — опечаленный. В общем, его можно понять. Когда ты несколько лет выкладываешься для того, чтобы заслужить чье-нибудь расположение, чтобы внедриться в чью-то жизнь, и вдруг вот такое... Ты смотришь на все это и думаешь: какой же я дурак! Никто, никто не согласен мириться с невзаимностью. Месяц, два — еще куда ни шло. Даже пару-тройку лет. Но подспудно ты надеешься, что рано или поздно все барьеры рухнут под воздействием твоих чувств и справедливость восторжествует — на тебя снизойдет благодать в виде взаимной любви.

Вот только обычно это — удел женщины. Но кто сказал, что то же самое не может произойти и с мужчиной? И Павел тому доказательство.

Я не люблю его... До этой мысли я додумалась примерно к трем с четвертью. Привыкла к нему — это так. Он мне подходит. Я готова соединить с ним мою безалаберную жизнь — может, тогда она станет чуть более упорядоченной? Но любовь?.. Это ведь когда скучают, тоскуют, верно? Ну, в смысле, человек уехал куда-нибудь, а ты места себе не находишь без него. Если так, то я не скучаю. И уж точно не тоскую. Иногда даже наоборот. Павел отправляется в очередную свою поездку, а я думаю: «Вот и чудесно — займусь тем-то и тем-то, пока его нет». Плохо. Для него. Он-то думает, что я без него никуда. Я же так считаю: любовь для прочных взаимоотношений — дело последнее. Слишком неустойчивая субстанция... Субстанция — это верное слово? Если не забуду, то утром посмотрю в словаре. От любви во взаимоотношениях одни неприятности. Кто-то, правда, говорит, что именно любовь помогает справиться со всякими там семейными кризисами, но мне лично кажется, что весь этот поэтизм — для красного словца. Берешь голову в руки — и пожалуйста, все проблемы можно решить. Конечно, при условии существования взаимной симпатии. Но с этим-то у нас с Павлом проблем никаких.

В четыре я встала и выпила успокоительного. В конце концов, мне завтра, то есть уже

сегодня, на работу. И между прочим, там, на работе, придется изрядно потрудиться. Шеф велел родить план рекламной кампании. Дня за два, лучше за день. Даже думать об этом страшно...

Видимо, как раз на этой страшной мысли я и отключилась. Надо было сразу о рекламной кампании вспомнить, глядишь, не пришлось бы мучиться до рассвета.

Я встала смурная. Неудовлетворенная. Ведь ни до чего умного не додумалась, даром что пролежала без сна столько времени. Ночь — не самая лучшая пора для размышлений. Все видится в странном свете. Когда в слишком мрачном, когда, наоборот, в слишком радужном. Зная об этом, я много раз давала себе слово не обдумывать ничего серьезного, когда ложусь в постель. Но столько же раз и забывала о данном самой себе обещании.

Я вошла в офис тихо, как мышка, стараясь, чтобы меня заметило как можно меньше народу. Хотелось провести день спокойно, без излишней суеты, сидя в своем уголке и сочиняя план рекламной кампании. Но — не вышло.

— О! Катерина! — завопил Вадик. — Привет! Как дела?

Все ясно. Вадик со мной сегодня в противофазе. Сияет и ликует.

— Нормально, — буркнула я, пряча глаза.

— Ты что-то неважно выглядишь, — озабоченно сказал Вадик. — Хорошо себя чувствуешь?

— Нормально, — процедила я, проходя мимо него.

— Синяки под глазами... — продолжал Вадик.

— Все отлично, — торопливо прервала его я. — Просто соседи ночью что-то праздновали...

— А! — удовлетворенно воскликнул Вадик. — Тогда конечно.

И оставил меня в покое.

Когда я устраивалась сюда на работу, то оптимистично предполагала, что раз это шведская компания, то все будет по-шведски. И самое главное — никто не будет лезть в мою душу. Как это принято у них в Швеции. Однако в первые же дни своего пребывания в этой конторе поняла, что это не более чем заблуждение. Шведский стиль работы был изрядно отлакирован российской манерой сопереживать когда надо и когда не надо. Причем демонстрировали эту манеру не только женщины, но и мужчины. Вадик был самым приставучим из всех. В смысле любил задать какой-нибудь бестактный вопрос и потом долго трясти тебя в надежде получить на него ответ. Когда-нибудь я скажу ему все, что думаю по этому поводу. Но только не сегодня. Сегодня программа уже намечена: я сижу тихо в своем уголке и тихо кропаю план рекламной акции. А для начала звоню в агентство, которое нам эту акцию будет претворять в жизнь, и договариваюсь о встрече с их представителем, чтобы мучиться над планом не в одиночку.

О Дэвиде я конечно же помнила. Как такое забудешь? Он должен был позвонить. До четырех. И позвонил. В двенадцать двадцать две. К этому времени у меня было придумано всего два пункта плана и в животе урчало от тревожных предчувствий.

— Привет, — произнес Дэвид.

— Привет, — ответила я.

— Как дела?

— Хорошо. Работаю.

— Не отвлекаю? — спросил он.

— Нет. У меня перерыв на кофе, — сообщила я.

— Значит, есть время поговорить?

— Да. Хочешь, можем созвониться по обычному телефону, — предложила я.

— Да нет. Мне все равно. Но если тебе так лучше...

— Мне тоже все равно.

— Э-э-э... — начал Дэвид.

— Уезжаешь в четыре? — поспешно спросила я.

Моя излюбленная манера. Когда я чувствую, что разговор будет трудным, оттягиваю его, сколько можно. Вот Дарья — та не такая. Она бросается в неприятные разговоры с удовольствием. «Адреналин, — говорит подруга. — Где еще им при нашем образе жизни разжиться? Только сцепившись с кем-нибудь в нелицеприятной беседе».

— Да, — с некоторой растерянностью в голосе ответил Дэвид. — На поезде, называется... — Он замялся.

— «Аврора»? — подсказала я.

— Точно, — подхватил он. — Буду в Москве в полдесятого.

— Счастливого пути, — пожелала я.

— Уже? — усмехнулся он. — Мы же еще собирались поговорить.

— Просто вдруг я забуду в конце разговора пожелать тебе счастливого пути, — пояснила я.

— А, — проговорил он, — понятно.

Пауза.

Кто теперь должен говорить? Он или я? Чья очередь? Вроде моя, но что сказать? Меня, собственно, интересовал только один вопрос, но язык не поворачивался задать его. И все же что-то нужно говорить...

— Ты... — начала я.

— Знаешь... — перебил меня Дэвид.

— Что? — спросила я.

— А что ты хотела сказать? — спросил он.

— Да так... Чепуха.

Он помолчал с секунду и выдал:

— Ты не говорила, что у тебя семья.

Вот оно. Упреки. Опять я виновата. Но тут-то я молчать не буду.

— А должна была? — подлив в голос сарказма, поинтересовалась я.

— Ну...

— Как ты себе это представляешь? — продолжила я. — Бродим мы с тобой по датским достопримечательностям, а я вдруг ни с того ни с сего заявлю: мол, знаешь, у меня взрослая дочь, собака и еще в придачу к ним бойфренд, с которым мы уже четыре года вместе...

— Четыре? — перебил меня Дэвид. — Твоя подруга сказала, что три.

Вот кто дергал эту подругу за язык? Уезжала ведь, чтобы охмурить мужика, так какого черта обсуждали меня? Получит у меня еще.

— Не важно, — буркнула я. — Не о сроках сейчас речь.

— Да, конечно, — согласился он.

— Ну, так и что? — спросила я. — Ты согласен, что это смешно?

— Ты могла написать...

— Написать? — переспросила я.

— Когда я... — он замялся, — словом, ты понимаешь...

«Встреча с тобой перевернула всю мою жизнь», — вспомнилось мне. Я вздохнула.

— Что? — спросил Дэвид.

— Послушай, — проговорила я, — прекрати надо мной... — Я остановилась.

— Что? — опять спросил он.

— Не могу вспомнить слово по-английски, — призналась я. — Подожди, посмотрю в словаре.

— Может, обойдешься каким-нибудь другим?

— Нет. Хочу выразить мою мысль как можно более точно.

Я загрузила «Яндекс». Так, словари. Английский. Смотрим...

— Нашла, — сказала я. — Stop to jeer at me^[8].

— Постой, — воскликнул Дэвид, — я не издевался над тобой! Ты все не так поняла.

Я промолчала.

— Не так... — задумчиво повторил Дэвид. — Забавно.

— Что забавного? — пробурчала я.

— Ладно, это уже не важно.

— Вот и хорошо, — согласилась я. — Все? Мы закончили объясняться на эту тему?

— Три года, — медленно проговорил он. — Это много.

— Немало, — согласилась я.

— Почему вы не женаты?

— Потому что.

— Не понял.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой мою личную жизнь.

— Теперь понял.

— И что?

— Имеешь право.

— Спасибо.

Я чувствовала себя измотанной. Странная ситуация. Какой-то абсолютно незнакомый мужик пытается втереться в мою жизнь. Да так настойчиво, как будто уверен, что мне это нужно. Нахал. Впрочем, Павел вел себя точно так же три с лишним года назад. Тогда подобное поведение не казалось мне бесцеремонным. Забавным — да. Утомительным — иногда. Лестным — такое тоже было. Но не нахальным. Естественным для мужчины. Тогда чего я жду от мистера Кертиса? От мистера Крутышки? Он так привык. Весь мир у его ног. И все женщины этого мира. Включая и какую-то там Катю Александрову из Санкт-Петербурга. Он наверняка не привык к таким обломам, какой поджидал его вчера в моей квартире. Я мысленно усмехнулась. Вот так вот, господин Дэвид Кертис. Знай наших!

— Я чувствовал вчера себя полным болваном, — признался Дэвид. — Не знал, что сказать.

О! Вот с этого и надо было начинать. А то «любовь с первого взгляда», «перевернула жизнь»... Все-таки я его угадала. Приятно, черт возьми. Всего лишь уязвленное самолюбие. Нежелание выглядеть в чужих глазах по-идиотски. Вот что тебя мучило вчера.

— Понимаю, — пробормотала я без всякого сочувствия в голосе.

Мы помолчали немного. Интересно, сколько денег у него съел наш разговор? Думаю, целую уйму.

— Он мне не понравился, — внезапно промолвил Дэвид.

— Что? — оторопела я.

— Твой бойфренд. Он мне не понравился.

Я истерично расхохоталась.

— Ты что? — удивился он.

— Дэвид, — сказала я сквозь смех, — ты слышишь себя? Что мне до того, что мой бойфренд, с которым мы уже три года, не понравился кому-то, кого я знаю без году неделю?

— Тебе не интересно мнение окружающих о твоём бойфренде? — спросил Дэвид.

— Нет, — отрезала я, — не интересно. Особенно твоё.

— Почему? — В его голосе слышалась усмешка. — Я многое повидал.

— Ты пристрастен, — пробормотала я.

— Да, — подтвердил он, — это так.

— Ты обломался...

— Знаешь это слово? — заинтересовался Дэвид. — Откуда?

— Не помню, — рассмеялась я. — Не сбивай меня с мысли.

— Я обломался, — подсказал Дэвид.

— И теперь из тебя лезет дурь. Неудивительно, что ничего хорошего ты про Павла сказать не можешь.

— Я пристрастен, это так, — повторил Дэвид, — но совсем по другой причине...

— Все, довольно, — прервала его я. — Заканчиваем.

— Чего ты боишься? — спросил он.

— Ничего я не боюсь.

— Боишься, — настаивал он. — Вот только пока не пойму, чего именно. Но думаю, скоро разберусь.

— Скоро? — фыркнула я. — Ты ещё намереваешься продолжить наше знакомство?

— Да, — быстро ответил он. — А почему нет?

И вправду, почему нет? Можем же мы быть друзьями. Хотя с такой язвой, как он, это будет не просто. Но зато не скучно.

— Да в общем-то... — проговорила я, — можем стать друзьями...

Молчание было мне ответом.

— Эй! — позвала я. — Ты ещё здесь?

— Да, — ответил он.

— Почему молчишь?

— Не очень с тобой согласен, но... — он вздохнул, — давай так и сделаем.

— То есть? — не поняла я.

— Станем друзьями.

— А! О'кей.

— Батарейка садится, — предупредил он.

— Тогда прощаемся. Счастливого пути!

— Не забыла, — усмехнулся он. — Спасибо. Пока.

— Пока.

Я положила мобильник на стол и посмотрела на мою взмокшую ладонь. Если бы я знала, во что выльется моя поездка в Данию, содрала бы с шефа ещё и премию. За моральный ущерб.

А шеф тоже пребывал не в самом лучшем расположении духа. «Вариант номер три», — отметила я про себя, заглянув к нему после обеда с вопросами насчет предстоящей кампании. Редкий случай. За все те полтора года, что я проработала здесь, мне довелось лицезреть шефа в состоянии номер три лишь четырежды. Состояние выражалось в том, что начальство тихо сидело у себя в кабинете, носа оттуда не показывало и демонстрировало полное отвращение к окружающей действительности. Если к шефу кто-нибудь подходил с рабочими проблемами, он поднимал на него глаза, молча выслушивал все, что ему говорили, при этом во взоре его плескались все вселенские печали, вместе взятые, затем так же молча махал рукой: мол, клади бумагу, буду читать. И вновь погружался в свои думы.

«Что-то случилось», — подумала я, увидев шефа в таком раздрае. Два других его состояния «не лучшего расположения духа» были куда более деятельными. Первое — это когда шеф носился кругами по офису и орал на всех, что они, дескать, разучились работать, если вообще когда-нибудь умели, что завтра он всех к черту уволит, и вот тогда они почувствуют, что такое капитализм и т. д. и т. п. Второе — состояние холодного негодования. Представьте себе шефа сидящим в кресле, окидывающим вас с ног до головы взглядом, в котором читается «как-вы-меня-все-достали-такого-занятого-со-всей-вашей-ерундой», и cedящим нечто вроде: «Сами разбирайтесь». При этом шеф со скоростью пулемета строчит на своем ноутбуке документ за документом и потом засыпает ими всех подряд, начиная от собственных подчиненных и заканчивая высоким начальством в далеком городе Стокгольме.

В минуты состояний номер один и номер два шеф вызывал у меня лишь улыбку. В конце концов, хочется дитятке побаловаться — пусть оттянется на полную катушку. Сегодня же мне было его жалко. «Мы ведь совсем его не знаем», — мелькнуло в голове. Вдруг у него смертельная болезнь, о которой его оповестили не далее как сегодня утром? Или неприятности дома? Жена, к примеру, покидает его ради молодого любовника. Я бы на ее месте покинула. Жену шефа я видела всего один раз, но мне этого было достаточно, чтобы изрядно впечатлиться. Шеф рядом с супругой выглядел мешок мешком. Она же была стройна, высока и элегантна. И вся светилась от каких-то своих внутренних переживаний. Может, как раз думала о любовнике?..

— Что? — глухим голосом осведомился шеф, узрев меня в дверях.

— Кампания... — Я потрясла бумагами.

Он похлопал рукой по столу: мол, клади, после взгляну. Нет уж, со мной это не пройдет. Он ведь только сегодня такой приторможенный, состояние номер три обычно дольше одного дня у него не длится. Завтра очухается, начнет вопить: «Где план? Почему еще ничего не сделано?» И иди доказывай, что он сам распорядился бумажки на стол ему складывать. После выхода из всех трех критических состояний у шефа наступала обширная амнезия, смысл которой можно было выразить одной фразой: «Все вы врете».

Но, если честно, шеф мне нравился. Странно, да? При всех-то эксцессах. Но факт остается фактом — в нем было что-то родное, как будто мы вместе учились с ним в институте. Или жили в одном дворе. И ради чего можно было иногда потерпеть и придурь. Я почувствовала это с самого первого дня работы. И стала относиться к шефу как... к человеку. Он платил мне тем же. Взять, к примеру, эту поездку в Данию. Нет, с шефом мне повезло. А

к его невротическим припадкам вполне можно привыкнуть и научиться управляться с ними.

Я решительно шагнула в кабинет.

— Нет уж, — заявила я и села на стул рядом с начальническим столом. — Не уйду, пока вы не посмотрите.

— Хорошо, хорошо, — пробурчал шеф, перелистывая поданные мною бумаги.

— Не в настроении? — спросила я, как будто это не было очевидным.

— Не в настроении, — хмуро подтвердил шеф.

— Что-то случилось? — поинтересовалась я.

Если жена сбежала с любовником, он мне, конечно, не расскажет, но если причина его бледного вида связана с работой, то кто знает...

— Случилось, — кивнул шеф, все еще вороша мои документы.

Любопытно, он просто так ими шуршит или все-таки что-то в них читает? Я надеялась на последнее. План рекламной кампании я составляла впервые, очень хотелось получить чей-нибудь совет, пусть даже озабоченного неизвестными проблемами шефа. Я договорилась о встрече с девушкой из пиар-агентства, но она ведь придет только завтра, да и неизвестно еще, хороша ли она в своей роли. А шеф все здесь знает, работает на наших шведов уже семь лет, наверняка имеет некоторые мысли относительно дела, над которым я корплю. Надо бы дать ему пару минут, чтобы осмыслил мои наметки. Но я не выдержала и спросила:

— Что именно, если не секрет?

Шеф поднял глаза на меня и замер.

— Что? — вздрогнула я. — Что я такого спросила? Не хотите — не рассказывайте.

— Не хочу, — проскрипел шеф, — но придется... — и опять замер, глядя на меня с непонятым выражением на лице.

— Катя, — заглянула в кабинет секретарша, — тебя к телефону.

— Пусть подождут, — отмахнулась я.

— Говорят, срочно.

— По-английски говорят? — буркнула я, вставая.

— Что? — удивилась секретарша.

— Да ладно, — отмахнулась я, — не обращай внимания. Извините, — бросила я шефу.

— Иди, — ответил он. — Потом вернешься.

— Непременно.

Вернусь и узнаю-таки, что с ним происходит. Но явно что-то по работе, раз пообещал рассказать. Пообещал? Я прокрутила в голове последние реплики шефа. Вроде да.

— Да? — приложила я трубку к уху и услышала Дарьин голос:

— Привет!

— Ты? — воскликнула я. — Думала, кто-то по делу.

— А я по делу, — обиженно проговорила Дарья.

— Ты сказала «срочно», — усмехнулась я.

— Все мои дела срочные, — заявила она. — Иначе какой смысл жить?

Понятно. У Дарьи накопилось, и ей не терпится поделиться этим с кем-то. Ну да, как же! Дэвид. Что там у них получилось?

Почему я сама ей не позвонила? Ведь изнывала от любопытства с самого вчерашнего вечера. Но — не смогла. А вдруг бы она сообщила, что у них все сложилось? В том смысле, что ей удалось затащить его в постель. Я расстроилась бы. Да? С чего бы это? Он же совсем

мне без надобности. Что я и сказала вчера Дарье. Иначе она не посмела бы завязать флирт. Много можно болтать о женской дружбе, но что касается меня и Дарьи — у нас была настоящая дружба. Отношения, главный лозунг которых: «Не навреди подруге своей». В первую очередь когда речь идет о мужчинах. Так что Дарья не полезла бы в авантюру с Дэвидом, если бы я хоть словом, хоть жестом намекнула, что он мне небезразличен. Я же дала ей зеленый свет. И с нетерпением ждала отчета о проделанной работе. И... расстроилась бы, если бы... Н-да. Непостижимое существо женщина, а ты, Катя Александрова, — самое непостижимое из непостижимых. Есть чем гордиться.

— Ну? — спросила я, направляясь в свой кабинет.

— Что «ну»? — фыркнула Дарья.

— Рассказывай, — велела я, плотно прикрывая дверь в кабинет.

— Что рассказывать? — опять зафыркала подруга.

Когда Дашка чем-то сильно недовольна, в ее речи появляется смешной фыркающий звук. Прямо лошадка.

— Начни хотя бы с того, как вы вчера доехали, — предложила я.

— А ты не знаешь? — саркастически спросила Дарья. — Нет, — ответила я.

— Что, его величество принц не звонил?

— Во-первых, принц — высочество. Во-вторых, звонил...

— Ну? — перебила меня Дарья.

— Но ничего не говорил по этому поводу.

— А ты что, сама не могла спросить? — Фырканья прибавилось. — Чтобы сейчас меня не мучить?

— Да, блин, — с досадой отозвалась я, — он как сразу-то наехал на меня...

Про невернувшийся язык я говорить не стала.

— По поводу? — заинтересовалась Дарья.

— Почему я ничего не сказала ему про то, что у меня и дочь, и Павел, и Бренда в придачу.

— А-а-а, — протянула Дарья. — Па-анятно.

— Как все-таки вчера все прошло? — после паузы повторила я вопрос.

— Никак. Довезла, он любезно поблагодарил, и мы мило распрощались, обменявшись визитками.

— Как цивилизованные люди, — добавила я.

— Да, — подтвердила подруга, — не более того.

— Надо же, а я-то думала...

— Что он клюнет на меня? — уточнила Дарья.

— Да.

— Не клюнул.

— Вижу.

— Хотя мой типаж.

— Да-а, — согласилась я, — по всем параметрам.

— Что ты имеешь в виду? — осведомилась подруга.

— И внешне и внутренне, — пояснила я.

— Второе поподробнее, пожалуйста, — потребовала она.

— Такой же циник, как ты, — усмехнулась я.

— Циник? — переспросила Дарья. — С разговорами о любви с первого взгляда?

— Что, — удивилась я, — он и тебе признавался в любви?

— Да нет, — опять зафыркала Дарья, — ты прям, Кэт, как будто туго соображаешь.

— Так и есть, — призналась я. — Не выпалась.

— Что так?

— Не могла уснуть.

— Переживала? — хихикнула Дарья.

— В некотором роде.

— На тему, что я там сейчас с твоим кадром... — Она сделала многозначительную паузу.

— Не городи ерунду! — возмутилась я. — Он не мой, это раз. И я, можно сказать, его своими руками в твою «черепашку» посадила. — «Черепашка» — это Дарьяна «альфа-роэдео». — Это два, — закончила я мою мысль.

— Ладно, ладно, — заворчала подруга. — Но вернемся к цинизму. Которого у твоего...

Я протестующе замычала.

— ...о'кей, у нашего кадра ни фи́га нет.

— Уверена? — засомневалась я.

— Да он романтик до мозга костей! — завопила Дарья. — Ты что, Кэт, не поняла, что ли, с самого начала?

— Романтик? — продолжала сомневаться я. — А похож на циника.

— Циники нынче в почете, — пояснила Дарья. — Потому он и косит под них. Чтобы не обнажаться.

— В каком смысле? — озадачилась я.

— Что?

— Вот это — «не обнажаться»?

— В смысле душу чтоб не обнажать, — голосом учителя, истомленного общением с явной тупицей, сообщила Дарья.

— Боже, ты его уже идентифицировала.

— Ясное дело, — хмыкнула она. — Идентифицировала и отпустила на волю.

— Что? — Я не поверила своим ушам. — Ты даже не предприняла никаких попыток?

— Ни одной.

— Почему это?

— Потому что бесполезно. Он конкретно влип.

— Куда влип?

— В тебя влип.

— Так, — решительно проговорила я, — хватит, а?

— Хватит так хватит, — рассмеялась Дарья. — Только тебе это не поможет. Прятать голову в песок, знаешь ли...

— Все, я пошла к шефу...

— Зачем? При чем тут шеф? — спросила сбитая с толку подруга. — Стребуешь с него компенсацию за моральный ущерб, нанесенный тебе поездкой на семинар?

Ну просто читает мои мысли. Я невольно рассмеялась.

— Нет, хотя тоже об этом думала. Просто ты своим звонком вырвала меня из его кабинета.

— А что ты там делала? — любопытствовала Дарья. — Он тебя вызвал показать тебе приказ о твоём повышении?

— Ага. Разбежалась. Рекламную кампанию обсуждали.

— И всего-то? — пренебрежительно фыркнула Дарья. — Тогда я правильно сделала, что вырвала тебя...

— Все, — перебила ее я, — пока. Удачи!

— Позвоню вечером, — торопливо пообещала Дарья.

— Звони.

Шеф сидел все в той же позе, в какой я его оставила. С той только разницей, что в руках его не было моих бумаг. Бумаги лежали пред ним на столе. Шеф грустно смотрел на них. Интересно, прочитал ли?

— Прочитали? — спросила я, усаживаясь вновь перед ним.

— Да, — кивнул он.

— И что?

— Годится.

— Серьезно? — Я расплылась в улыбке.

— Как набросок, — уточнил он. — Я там кое-что добавил. Посмотришь. Но ты же будешь общаться с этими деятелями из агентства?

— Буду. Завтра. В три.

— Хорошо. Они уже в курсе, зачем мы их дернули?

— Конечно. Они должны принести свой проект.

Шеф покивал. Вяло. Но осмысленно. И на том спасибо.

— Катя. — В дверях кабинета материализовалась секретарша. — Ты сегодня популярна.

— То есть? — озадачилась я.

— Тебя опять к телефону.

— Да к черту их всех! — воскликнула я. — Скажи, что я занята и перезвоню.

— Знаешь, — секретарша смущенно улыбнулась, — это мама.

— Мама? — переспросила я. — Чья?

— Твоя.

Я повернулась к шефу.

— Иди, — велел он. — Мама — это святое. Поговори и возвращайся.

Мама — это святое. Особенно когда она звонит тебе на работу в разгар рабочего дня. Моя мама так никогда не делает. Снедаемая тревожными предчувствиями, я взяла трубку и поднесла ее к уху.

— Привет! — быстро проговорила мама.

— Привет-привет, — откликнулась я. — Что случилось?

— Почему сразу «случилось»? — удивилась мама.

— Ты никогда не звонишь мне в рабочее время.

— Неправда, дочь, — возразила она, — я на прошлой неделе звонила.

— На мобильный, — уточнила я. — А на городской ты никогда не звонишь.

— Просто я никогда по нему не дозваниваюсь, — объяснила мама, — нервы сдают, я и хватаюсь за мобильный.

Охотно поверю. Терпение никогда не было сильной маминой стороной.

— Ну ладно, то, что ничего не случилось, я уже поняла. Так чем все-таки обязана?

— А ты можешь говорить? — спросила мама.

Та-ак. Какие-то секреты. Посреди рабочего дня? Странно.

— Давай переключу тебя на мой телефон, — предложила я.

— Давай.

Я потыкала в кнопки нашей мини-АТС, положила трубку на рычаг и пошла в свой кабинет.

— Ну, говори, — сняла я трубку.

— Да так, ничего, — засмузилась мама.

Ага, это значит, пока я шествовала к моему месту, она начала сомневаться, стоит ли заводить со мной тот разговор, ради которого, изменив своим привычкам, она позвонила в офис.

— А все-таки? — усмехнулась я.

— Ну, не знаю, — вконец растерялась мама, помолчала немного и неожиданно выпалила: — А что это вчера у вас произошло?

— Где? — изумилась я.

О чем это она?

— Дома, — ответила мама. — Какой-то друг твой... Из Англии...

Упс! Кто же меня сдал?

— Кто это тебе доложил? — осведомилась я. — Неужели ребенок?

— Не-ет, что ты! — рассмеялась мама. — Из ребенка никогда ничего про твою личную жизнь не вытянешь...

«Мое воспитание», — подумала я.

— Не Дарья же?

— А что, она тоже там была?

И не Бренда, завершила я мою мысленную ревизию. Остается только один вариант... Но какого черта?! Судачить обо мне с моей мамой — раньше за ним этого не водилось.

— Павел...

— Ну... — замялась мама.

— И где это ты с ним общалась? — поинтересовалась я.

— Он звонил узнать насчет переводов с немецкого, — пояснила мама. — То да се. Заболтались...

Заболтались? Павел с мамой? Определенно в этой жизни происходит что-то невообразимое.

— И?.. — поторопила я ее.

— И он рассказал о том, что вчера случилось.

— Мама, — я почувствовала, что в моем голосе прорезаются сварливые нотки, — «случилось» — слово для данной ситуации не подходящее. Подумаешь, заехал знакомый. Всех делов-то.

— Да? — тихо произнесла мама. — А Павел считает иначе.

— Павел?

Я оторопела. Ну ладно, проболтался о вчерашнем. Но, оказывается, принялся еще и комментировать.

— Он встревожен, — продолжила мама.

— Чем именно? — буркнула я.

— Тем, что ваши отношения под угрозой.

Где он усмотрел эту угрозу? Воистину каждый видит и слышит только то, что ему хочется.

— Мама, даже если он, как ты говоришь, встревожен, во что мне, в принципе, не очень

верится, но допустим, что так и есть. Даже если это так, зачем он с тобой это обсуждал?

— Наверно, надеется, что я как-то помогу ему, — неуверенно ответила мама.

— Угу, — хмыкнула я, — учитывая, что мы с тобой никогда не беседуем о моей личной жизни.

— Он-то этого не знает, — резонно заметила мама.

— Хорошо, с Павлом закончили, — отрезала я. — Но ты-то?

— Что я?

— Ты зачем... — Я запнулась. Какое бы слово подобрать? Не хотелось грубить, но, перебрав в голове все возможные варианты, я поняла, что вежливо не получится. — Ты зачем, — повторила я, — лезешь в это дело?

— Лезу... — эхом ответила мама, — да, точно... Как-то даже неудобно. Никогда ведь...

— Вот именно.

— Но, знаешь, Катюшка, я так за тебя переживаю!

— Знаю, — мягко подтвердила я.

— Хочу, чтоб у тебя все сложилось, — продолжила мама. — Раньше-то ведь бывало по-разному. А тут Павел. Такая замечательная партия...

— Партия? — с усмешкой прервала я ее.

— Хорошо, не нравится это слово — не буду, — покладисто пообещала мама, — сути это не меняет.

Согласна. Каким термином ни обозначь Павла, суть не изменится.

— И так все хорошо шло...

«Хорошо»? Знала бы ты, подумала я. Хотя все в этой жизни относительно. И те перипетии, которые сопровождали развитие наших с Павлом отношений, на фоне других событий наверняка могут показаться не стоящими даже упоминания. Но, честно сказать, я не могла выбросить их из головы. И все время размышляла: стоило ввязываться во все это или нет? Вот мама считает, что стоило. Хотя, между прочим, раньше ничего не говорила мне по этому поводу. Но ведь мы с ней не обсуждаем мою личную жизнь — чему тут тогда удивляться?

— И сейчас все нормально, — решительно заявила я.

— Правда? — спросила мама.

— Конечно. Павлу все примерещилось. Он, кстати, ревнив, ты не знала?

— Ревнив? — переспросила она. — Серьезно?

— Абсолютно серьезно.

— И сильно ревнив?

— Довольно сильно, — призналась я. — Иногда ему даже повод не нужен.

— Да? — Мама, похоже, задумалась. — Это не очень хорошо.

Я усмехнулась:

— Ты начинаешь пересматривать свои представления о нем как о «замечательном»?

— Нет-нет, что ты, — поспешно заверила меня мама, — один небольшой изъян — не беда.

— На этом и закончим, ладно? — предложила я, бросив взгляд на часы. — У меня дела.

— Конечно, конечно, — согласилась мама.

— Папе привет.

— Обязательно. Целую. Пока-пока.

— Пока-пока, — отозвалась я и повесила трубку.

Один небольшой изъян... Один ли? И какое должно быть количество изъянов, чтобы заставить тебя пересмотреть свои взгляды на партнера? Пять? Десять? Никто не знает. Наверное, это и к лучшему. Если бы существовали какие-нибудь нормы на изъяны, мы ничем другим не занимались бы, а только и выискивали бы и подсчитывали их. А так у нас есть шанс словить себе немножко счастья в этом потоке жизни.

Всыпать Павлу за приватные беседы с мамой или спустить все на тормозах?

С этой мыслью я вошла в кабинет шефа. В третий раз за сегодняшний день. Шеф пил кофе.

— Будешь? — спросил он.

— Не откажусь, — кивнула я.

Он встал, взял чашку и, подставив ее под краник кофейной машины, нацедил мне капучино.

— Все в порядке? — поинтересовался он.

— В смысле?

— У мамы.

— А-а-а. — Я приняла из его рук чашку и откинулась на спинку стула. — У мамы все нормально.

— Это хорошо. — Он тоже уселся в свое кресло. — Ну что, продолжим?

— Да, собственно, мы же поговорили. — Я пожала плечами. — Завтра явится эта особа из агентства, после я покажу вам, что там они насочиняли.

— Я не об этом, — махнул рукой шеф. — С этим-то все понятно.

— Тогда о чем будем говорить?

— О тебе.

— Обо мне? — Я в изумлении уставилась на него. — В каком контексте?

— В контексте карьерных перспектив.

Дарья — ясновидящая. Он собирается повысить мне зарплату. Какие тут еще могут быть карьерные перспективы для маркетолога?

Я приосанилась.

— Намечается вакансия, — объявил шеф и при этом почему-то поморщился. — Может быть, она тебя заинтересует.

— Вакансия? — удивилась я. — У нас? В какой это точке пространства?

Не поймите меня неправильно. Я довольна тем, что попала в эту компанию. Даже горжусь собой. Я победила в жесткой борьбе. Из двадцати с лишком кандидатов выбрали именно меня. Радости моей не было предела. Прошло почти два года, и мне пока все здесь нравится. По большому счету. На мелочи размениваться не будем. За эти «почти два года» я изучила нашу структуру и корпоративную политику вдоль и поперек. Здесь, в Питере, маркетинговая служба была представлена мною одной, расширения не предполагалось. Неужели шеф имеет в виду переход в другое профессиональное качество? В продажи? В техотдел? Как-то сомнительно.

— В Москве, — внезапно сообщил шеф.

— Что? — вздрогнула я.

— В Москве расширяют вашу службу. Будет пара-другая вакансий. Вот. — И он пристально посмотрел на меня.

— Так они наберут людей прямо там, в Москве, — пожала я плечами.

— Да нет, — поморщился он. — Из Стокгольма пришла указуха сначала потрясти свои

кадры, даже из других городов, а потом уже, если среди своих ничего не найдется, искать на стороне.

— Ну, так они, значит, решили, что я им не подхожу, — улыбнулась я.

— С чего ты взяла? — удивился шеф.

— Мне пока никто ничего не предлагал.

— А никто и не будет. Пока я не напишу, что вот есть у меня такая госпожа Александрова, которая как раз сгодится для ваших надобностей. А я напишу.

— Так не терпится от меня избавиться? — рассмеялась я.

Шеф одарил меня мрачным взглядом.

— Куда там, — проворчал он. — Будь моя воля, я тебя никуда не отпустил бы...

Приятно, черт возьми.

— ...но тут есть один момент, — продолжил шеф. — Если я не напишу, что у меня есть такой прекрасный специалист, то они там, — он посмотрел на потолок, видимо подразумевая шведов, — начнут сомневаться в твоих профессиональных качествах. Это раз. И второе — вдруг тебе это надо. А я тебе не дам рекомендацию. И будешь ты потом думать, что я зарубил тебе карьеру.

— А вам так важно, что я о вас думаю? — Слова вырвались у меня неожиданно для меня самой.

— Конечно, — пожал плечами шеф. — Ты единственный приличный человек в этом офисе.

— Мне кажется, вы утрируете, — пробормотала я. — Ольга Аркадьевна тоже ничего. Да и ребята...

— Не суть, — перебил меня шеф. — Вернемся к вакансии. Поедешь?

— Что?

— В Москву, говорю, поедешь?

— Не знаю, — промямлила я. — Вот так сразу не решишь. Надо думать.

— Там перспективы, — задумчиво проговорил шеф. — Не то что у нас. Все же головной офис по России. Поговаривают, начальник отдела в скором времени уходит. Глядишь, можно будет продвинуться.

— У меня дочь...

— Я помню, — кивнул шеф. — Поэтому и предупредил тебя заранее. Вообще, это не афишируется. Так что ты пока не говори никому.

— Хорошо.

Мы помолчали.

— Ну? — очнулся шеф. — Иди думай. А я буду им писать.

Я встала и, собрав бумаги с планом кампании, вышла из кабинета.

Москва... Чужой для меня город... Но — средоточие возможностей. Вот и думай теперь!

У меня есть приятельница — Анюта. Познакомились мы с ней в турпоездке. После мы с Анютой изредка встречались, как-то даже ходили вместе в театр, но близко не сошлись — не знаю почему. Может, виной всему питерские расстояния? Живем все же давлековато друг от друга: я — на Черной речке, она — в Купчине. Дарья, правда, всегда говорит, что прикрывать расстояниями свою неспособность общаться — значит лукавить. Пусть так. Сейчас не об этом речь. Просто я хочу сказать, что виделись мы с Анютой нечасто, обычно где-нибудь за чашкой кофе в центре, поэтому, когда она однажды напросилась ко мне в гости, я изрядно удивилась.

— Хочу с тобой посоветоваться, — с порога заявила Анюта.

Ага. Все встало на свои места. У нее просто есть потребность посоветоваться со мной. Да ради бога! Вот только почему со мной? Неужели у нее нет более близких людей для столь интимного действия? Но своих мыслей я вслух высказывать не стала, только сделала приглашающий жест: мол, проходи, конечно.

Оказывается, Анюта скопила некую сумму и теперь мучилась, на что ее лучше употребить. Выбор был таков: либо начать ремонт, либо поехать в Японию. Насчет ремонта мне все было понятно, а вот Япония вызывала вопросы. Которые я и задала.

— Но почему Япония? — спросила я у Анюты.

— Мечта всей жизни, — объяснила она.

— На сколько дней поездка? — поинтересовалась я.

— Двенадцать.

— Дорого?

— Не спрашивай!

Путевка в Страну восходящего солнца стоила всех тех денег, которые Анюте удалось скопить. К слову сказать, зарабатывала она так себе, поэтому любая крупная финансовая акция требовала от нее воздержания по полной программе. Жаль было бы выбросить с таким трудом накопленные деньги на ветер. И как раз Япония сильно на этот ветер смахивала. Ремонт с точки зрения здравого смысла был предпочтительнее. Но мечта... Я задумалась.

Честно признаюсь, ответ у меня уже был готов. Задумалась я, скорее, над тем, стоило ли сообщать его Анюте. Хотелось бы угадать, что сама-то она от меня ждет... Стоп, вдруг мелькнула мысль, но ведь, несмотря на то что мы так редко встречаемся, все же за эти годы мы уже успели немного узнать друг друга, неужели она думала, что присоветую ей этот дурацкий...

— Послушай, — начала я, — езжай ты в Японию! К черту ремонт!

— О! — с облегчением вздохнула она. — Значит, правильно, что я пришла к тебе.

И тут мне открылась истина. Конечно, у нее уйма знакомых. И конечно же многие из них ей гораздо ближе, чем я. Но выбрала в советчики Анюта меня. Просто потому, что точно знала, что я ей скажу. Она сама уже все решила. Вот только хотелось ей, чтобы вроде бы ей это кто-то посоветовал. Чтобы иметь оправдание своему безрассудному — на общепринятый взгляд — поведению.

И Анюта уехала в Японию. Привезла оттуда кучу фотографий и крохотную фарфоровую статуэтку мне в подарок. А до ремонта у нее и по сей день руки не дошли. Но стены-то не валятся, верно?

У меня, в отличие от Анюты, ответа на вопрос: «Хочу ли я переезжать в Москву» — не было. Поэтому я долго не выбирала, к кому отправиться за советом. Я оповестила о новости всех, кто входил в мой «ближний круг». Кстати, таких оказалось не так уж и много. Мама, папа, Дарья, Павел, ну, понятное дело, дочь с Брендой (хотя от Бренды комментариев не дождешься), Алька с Ниной, соседка Кира, с которой мы время от времени любили посплетничать под какой-нибудь сериал, да Лешка, институтский приятель. Еще проговорила Ольге Аркадьевне, но это даже неплохо, потому что все равно нужно посоветоваться с кем-то в своей конторе. Не с Вадиком же. Взяла с Ольги Аркадьевны слово молчать.

Немного, да? Вот и я удивилась, что так мало людей вокруг меня. Помнится, были времена, когда их можно было считать на десятки. Однажды я праздновала мой день рождения (по-моему, это было, когда мне шарахнуло тридцать) в три захода, и общее количество гостей равнялось двадцати семи. Где они? Ау? Кто уехал из города, кто просто в нем растворился без следа. Ни с кем я не ссорилась, просто жизнь развела нас. Я даже не заметила, как это произошло. Как-то так тихо, безболезненно...

И главное, нет никакого вакуума. Все же главное — не количество, а качество общения. Один Павел стоит десятерых. И Алька с Ниной. Не говоря уже о Дашке.

Да, так вот, рассказала я всем о моем разговоре с шефом и замерла в ожидании комментариев. Сейчас буду сортировать и просеивать, подумала я. Посмотрим, в какой пропорции разделятся сторонники и противники переезда. Однако все получилось совсем не так, как я ожидала.

Все сказали: «Нет!» И точка.

«Ой!» — конечно же мама.

«Ты же не бросишь своих предков», — папа.

«Ты нам и здесь нужна», — это Дашка.

Соседка Кира застрадала, с кем же она теперь будет отводить душу, а Лешка скептически хмыкнул и спросил, долго ли я выдержу там, в этом сумасшедшем доме под названием Москва, без родного Питера.

Павел саркастически припечатал: «Что за бред?»

Словом, все сказали, что без меня им будет совсем не то, что со мной. Приятно, черт возьми. Только ради этого можно никуда не ехать.

Но все-таки это эгоистично, вы не находите? Я о том, что все в первую очередь подумали о себе. Как им плохо будет без меня и т. д. и т. п. Скажете, они любят меня. Это конечно. И иногда мелькает мысль — лучше бы чуть меньше любили. Ведь любовь эгоистична до мозга костей. Видит только саму себя, заботится только о самой себе. Я всегда думала, что высший пилотаж в любви — это когда ты руку готов отдать ради любимого человека. Когда ни капли эгоизма в твоих помыслах. Когда в первую очередь забота о том, чтобы ему было лучше. Но на самом деле — и сколько раз уже в этом пришлось убедиться — такая любовь редкость.

«А почему бы и нет?» — так отреагировал только один человек. Угадайте кто? Мистер Дэвид Кертис. Каюсь, я ему написала. На следующий день, с рабочего мейла. День выдался пустой, девушка из пиар-агентства меня прокатила: позвонила и перенесла встречу на завтра — я не знала, чем заняться, так как рассчитывала весь день посвятить рекламной кампании, а пришлось все отложить. Словом, я маялась дурью, перекладывая бумаги, и посреди этой самой дури вдруг накропала письмецо Дэвиду. А он ответил. Мгновенно. Как будто сидел

перед компьютером и ждал, когда же я проявлюсь.

«А почему бы и нет? — писал он. — Вдруг тебе понравится. Хотя, может, я слишком импульсивен. Может, лучше не торопиться и хорошенько подумать? В любом случае исходи из того, как лучше для тебя самой».

Скажите, для него это нормально — переезжать с места на место. Поэтому какого еще совета от него можно ждать? Но как вам это: «...как лучше для тебя самой»?

«Я не могу заранее знать, как лучше мне, — ответила я ему. — Для этого надо попробовать, чтобы было с чем сравнивать».

«Тоже верно, — написал он. — Но, бывает, еще на стадии обдумывания мы не даем себе волю помечтать и заглянуть в будущее, потому что начинаем думать, а как же тут все без меня? И отказываемся. А завтра те же самые люди, что привязали нас к этому месту, вдруг сами покидают его, потому что... им просто сделали интересное предложение».

Забавная мысль, подумала я, прочитав его послание. И тут же позвонила Павлу.

— А что ты сделал бы на моем месте, если бы тебе предложили перспективное место в Москве? — выпалила я, услышав его голос.

— Детка, — ответил он, — я занят.

— В двух словах, — попросила я.

— Если бы меня все устроило, я бы поехал.

— А как же...

— Прости, я занят. Пока. — И из трубки полетели кроткие гудки.

Кто он, этот мистер Дэвид Кертис? Экстрасенс, способный читать чужие мысли, да еще и на расстоянии в несколько тысяч километров?

— Он — мужик... — объяснила мне Дарья.

Это она о Павле, не о Дэвиде.

— Что ты от него хочешь? Для них дело на первом месте, а мы где-то на задворках болтаемся, со всеми своими переживаниями и потребностями.

— Но тогда почему он так кривился, когда я сказала ему, что, может быть, меня пригласят в Москву? — спросила я.

— А ты — женщина, — подумав, изрекла Дарья.

— Понятное дело, — фыркнула я. — И что?

— Что позволительно мужчине, не позволительно женщине, — наставительным тоном сообщила Дарья.

— Эй, девушка, — удивилась я, — это ты, что ли, так думаешь?

— Да упаси боже! — зарычала Дарья. — Это мужики так думают. И твой Павел в том числе.

— А-а-а, — протянула я. — Похоже на то.

— Ничего особенного, — вздохнула Дарья. — Не понимаю, что мы тут переливаем из пустого в порожнее?

Мы переливали из пустого в порожнее по телефону. После бестолкового во всех отношениях дня наступил не менее бестолковый вечер. Я ничего не запланировала, пришла домой и теперь не знала, куда заткнуть себя, чем заняться. Сообщение шефа о возможных переменах в моей жизни подействовали на мою способность существовать в этом мире как анестетик. Лучше бы он промолчал. С этими благими намерениями всегда так бывает...

Я набрала Дарьин номер в тщетной надежде как-то скрасить себе вечер, но подруга

была не в духе. Позволила, конечно, втянуть себя в разговор о моих перспективах, но слышно было, что удовольствия она от этого не получает.

— Ты что-то не в голосе, — заметила я.

— Ага, — подтвердила Дарья. — К послезавтра надо написать статью, а у меня ни единой свежей мысли в голове.

Теперь все понятно. У Дарьи цейтнот. Ей не до меня.

— Напиши не свежие, — предложила я.

— Стыдно, — ответила она.

— Тогда не смею мешать.

— Спасибоочки, — пробормотала Дарья. — А кстати, возвращаясь к твоим заморочкам, дочь-то что сказала на все это? И сказала ли вообще что-то?

Не в бровь, а в глаз. Дочь промолчала. Вернее, издала пару-тройку звуков и вздохов типа «Ух ты!» и «Ничего себе!» и на этом все. У нее, правда, очередной разлад в отношениях с очередным мальчиком. Наверное, поэтому ей все остальные проблемы до лампочки. Что я Дарье и поведала.

— Может быть, — согласилась она. — Ну ладно, пока.

— Пока.

Я посидела немного с безмолвной телефонной трубкой в руках, потом положила ее на стол. Нет, надо все-таки поговорить с Иринкой. Павел может как угодно реагировать на новости, да и я могу что угодно думать о моей способности двигаться с насиженного места или не двигаться, но мнение самого близкого мне человека по этому поводу надо бы узнать. На всякий случай. Хотя бы для того, чтобы представлять себе, что там у этого человека в голове. С каждым новым днем это становится все проблематичнее.

Я встала и пошла в комнату дочери. Постучала. Мы всегда блюдем границы.

— Да, — откликнулась Иринка.

— Можно? — Я приотворила дверь и заглянула в комнату.

Бренда, лежавшая на диване, подняла голову и с любопытством посмотрела на меня: мол, зачем явилась?

— Ммм... — промычала Иринка, всматриваясь в картинки на экране компьютера.

— Что делаешь? — спросила я.

— Да так, всякую чепуху смотрю.

— Порнушку? — усмехнулась я.

— Му-усик! — Иринка бросила через плечо взгляд «ну-ты-и-сморозила».

— Простите, простите.

Я села на диван и погладила Бреду по шелковистой спине. Она от удовольствия закатила глаза и вытянулась во всю длину.

— Лошадь стала, да? — Иринка мельком взглянула на нас и опять уткнулась в компьютер.

— Лошадь, — согласилась я, пошлепав Бренду по задку. — Причем откормленная. Надо бы ее погонять.

— Надо бы, — кивнула Иринка. — Я уже думала об этом. Буду гонять ее за великом, когда дедушка мне его починит.

— Хорошее дело, — одобрила я.

Мы помолчали.

— Ты так просто? — вдруг спросила дочь. — Или чего хочешь?

— Хочу, — призналась я.

— Так говори, — велела она, развернувшись ко мне, — а то я тут надолго подвисла.

— Ты ничего не сказала насчет идеи с Москвой, — напомнила я.

— Не сказала. — Дочь пожала плечами.

— Тебе все равно?

— Нет, не все равно. Но ведь еще ничего точно не известно, так?

— Не известно, — кивнула я.

— А что тогда говорить? — Ирина поерзала в кресле.

— Ну... — растерялась я.

Надо же, какой практичный у меня вырос ребенок. Не желает попусту сотрясать воздух.

Не пойму только, хорошо это или плохо?

— В смысле, — Иринка сморщила нос, — надо же сначала услышать, что предложат, да? А то вдруг, кроме как подметать, ничего тебе и не светит.

— Подметать? — Я невольно улыбнулась. — Подметать точно не предложат. Я же все-таки маркетолог. И вакансия у них в маркетинговой службе.

— Да, мусик, — замахала руками Иринка, — подметать — это образно выражаясь. В любой же работе, наверное, есть когда полный кайф, а когда просто подметальщик. — И она вопросительно уставилась на меня.

— Э-э-э... — задумалась я. — Наверное... — И почесала затылок.

Нестандартно мыслит ребенок. Кто ее этому научил, интересно было бы знать. Хорошо, если я. То есть если я ее научила нестандартно мыслить, значит, я сама это умею делать. Хотя вокруг полно учителей, которые смело и, главное, успешно учат нас тому, за что сами ни разу не брались. Известно же, что уметь и учить — это две разные вещи. Но даже если я ее научила, а сама не умею, все равно здорово.

— Эй! — Иринка похлопала в ладоши. — Ты о чем это там задумалась? Я ляпнула что-то дурацкое?

— Совсем не дурацкое, — успокоила я ее. — Просто оригинальное.

— Ну, так что? — спросила дочь. — В смысле про подметальщиков.

— Да, конечно, есть и подметальщики, — задумчиво признала я. — Вроде я не в их числе.

— Это-то ясно, — перебила меня дочь. — Но ведь они могут тебя позвать подметальщиком?

— Могут. Это Москва. Выше уровень. Могут предложить должность «двенадцатое-колесо-в-телеге»...

— И что? — Иринка с любопытством смотрела на меня. — Будешь соглашаться?

— Да нет, наверное, — пробормотала я.

— И правильно!

Действительно. Я встала с дивана и направилась к двери... Как вдруг...

— Мусик, — позвала Иринка, — а почему ты работаешь маркетологом?

— Что? — Я повернулась и с удивлением взглянула на нее.

— Почему ты работаешь маркетологом? — повторила дочь.

— Что-то не так с маркетологами? — забеспокоилась я.

— Да нет, — захихикала она, — с ними вроде все о'кей-но. Просто интересно, тебе это вправду нравится или ты просто так зарабатываешь деньги?

— Э-э-э... — Я застыла, не зная, что ответить.

— Да ладно, — великодушно сказала Иринка, — не парься. Это я так... — Она пожала плечами. Затем повернулась опять к компьютеру и энергично задвигала мышкой.

Я вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь.

Почему я работаю маркетологом? Если бы я знала.

Я не спала полночи, пытаясь ответить на этот вопрос. Не Иринке, нет, для начала — самой себе. Я там случайно оказалась, в маркетологах. Поработала немного и подумала: в принципе неплохо. Иногда интересно, а иногда тоска смертная. Да ведь так наверняка в любой профессии. Дарья, правда, считает, что от дела, которым занимаешься, нужно балдеть. Постоянно. Она и балдеет. Вот только насчет денег в ее «балдежном» деле то густо, то пусто. Но она одна, она может позволить себе делать все, что ей заблагорассудится, не оглядываясь ни на кого. Нет денег — значит, будет сидеть на диете. А у меня нет денег — значит, ребенок останется без Интернета, бассейна, поездок на море. Не-ет, куда это годится? Вот и получается, что мне — прямая дорога в маркетологи. Или в какую-нибудь другую профессию, где иногда — интересно, по большей части — тоска смертная, но зато регулярно платят деньги. И между прочим, вполне приличные.

9.07. Проспала!!! Я взметнулась из постели на тридцать семь минут позже назначенного самой себе срока. Когда, когда я куплю новый будильник?! И почему никто не толкнул меня в бок?

Выскочив в гостиную, я поняла, что все, кто мог толкнуть меня, а именно моя расчудесная дочь, уже покинули квартиру. В гостиной мне под ноги попала Бренда, ожесточенно грызущая кость на нашем волшебном белом ковре. Я пнула ее босой ногой, Бренда повела очами и, не сдвинувшись ни на миллиметр с наложенного места, опять набросилась на кость. Да и черт с ней!

9.12. Кран с горячей водой сказал мне: «Хр-р-р!» — и на этом наш диалог закончился. «Какого дьявола?!» — завопила я моему отражению в зеркале и побежала на кухню ставить чайник.

9.25. Дождалась кипятка, умылась и смочила волосы, чтобы уложить их в пристойный вид. Волосы наотрез отказывались слушаться. Торчали в разные стороны, как у панка. Пришлось применять насильственные методы — и спустя десять минут упорной битвы с гелем на ладонях я их победила.

9.38. Кофе сбежал, ясное дело. Разлился по всей плите, в воздухе запахло паленым. Вылила несбежавшие остатки из турки и заварила свежий.

9.50. Наконец-то села пить кофе. Но — не надолго. В соседней комнате по радио принялись докладывать прогноз погоды, и я, подскочив как ошпаренная, с чашкой и бутербродом в руках понеслась слушать, что же грядущий день готовит нам в смысле метеоусловий. Бренда, узрев бутерброд, оторвалась от кости и уставилась на меня с задумчивым выражением на морде.

Увы! За ночь жизнь изменилась так кардинально, что ее было не узнать. Еще вчера я приготовила себе на сегодня белые брюки и футболку, теперь же в свете последних новостей они стали неактуальны. Джинсы и кожаная курточка — вот мое ближайшее будущее. Я поплелась на кухню. Предстояло еще краситься и гладить блузку.

9.57. Угостила Бренду колбаской, допила кофе. Уфф! Джинсы... Джинсы демонстрировали мне пятно на левой коленке. «Пс-сст!» — прошипела я и взялась за тряпку.

В 10.15 я наконец-то вылетела на улицу. Дул пронзительный ветер, на небе толпились тучи, одна чернее другой... О нет! Я развернулась на сто восемьдесят градусов и начала судорожно прижимать ключ к кнопке домофона. Зонтик-то я забыла!

Когда в 10.24 я все-таки оказалась на остановке, закончился весь общественный транспорт на сегодня. А ведь должна явиться рекламщица. Надо бы позвонить шефу — сказать, что я в пути. Я вытасила мобильник.

— Простите, — мрачно произнесла я после традиционного приветствия, — но я опаздываю.

— Вижу, — буркнул шеф. — А что случилось?

Можно было соврать про пробку, но сил на вранье не осталось и...

— Проспала, — честно призналась я.

— Норма-ально, — протянул шеф. — Во сколько будешь?

— Примерно... — на горизонте показалась маршрутка, и я энергично замахала рукой, — ...через полчаса. Если вдруг девица из агентства придет раньше меня, вы

поболтайте с ней. Пожалуйста.

— Ладно, — согласился шеф и отключился.

Маршрутка, весело подпрыгивая на неровностях асфальта, проехала мимо и остановилась метрах в двадцати от меня. Я ругнулась, спрятала телефон и побежала.

10.36. Еду.

Таких развалюх я не видела давно. Того и гляди, во что-нибудь влезешь, с опаской подумала я и отказалась от мысли облокотиться на выступ у окна. Водитель дымил не переставая, и через несколько минут пути глаза мои начали слезиться, а в горле запершило.

Держи себя в руках, напомнила себе я и полезла в сумочку за леденцами от кашля.

— Мама, а это что? — жизнерадостно осведомилась девочка лет пяти, сидевшая напротив меня и жадно разглядывавшая жизнь за окном.

— Машинка, — вяло отреагировала мама.

— А куда она едет? — поинтересовалась девочка.

— На работу, — промычала мама.

— А где у нее работа? — продолжала девочка, лучась от счастья.

— Не знаю, — честно ответила мама.

— Почему не знаешь? — Девочка вытаращила на маму светло-серые глаза и округлила рот.

Я тяжело вздохнула и закрыла глаза. Обожаю пятилетних девочек: у них столько энергии и столько в запасе вопросов, что слушать их — одно удовольствие. Поправка — только не по дороге на работу, в тесной маршрутке с водителем, изрыгающим целые кубометры дыма.

11.02. Я вбежала в офис, тяжело дыша и припадая на одну ногу. Туфли, уже давным-давно разношенные до состояния тапочек, вдруг взбрыкнули и натерли мне обе пятки.

— Опаздываешь? — пропела секретарша, проходя мимо меня.

— Ага! — выдохнула я, шлепнула сумочку на свой стол и вытащила из нее расческу, помаду, зеркальце. Быстренько причесалась — волосы, сдобренные гелем, встали дыбом, и придать им горизонтальное положение удастся, видимо, уже только завтра. Да и ладно. Здесь все свои. А рекламщица стерпит. Я для нее клиент, причем не бедный, — обязана принимать меня такой, какая я есть. Сегодня я — никакая. Может, если чуть-чуть подкрасить губы, станет лучше? Я сняла колпачок помады и стремительно выкрутила ее. Слишком стремительно. Помада потеряла равновесие в своей тубе и выпала на ковер.

— Ой! — всплеснула руками Полина, заглянувшая в этот момент ко мне.

— Пс-сст... — высвистела я. Нагнулась, подняла страдальцу. Грустно осмотрела ее.

Полина вытянула шею:

— Ну что?

— Жуть, — сообщила я.

Мы молча уставились на столбик помады.

— Сочувствую, — пробормотала Полина и добавила: — А там тебя девушка какая-то ждет.

— Уже? — Я бросила взгляд на часы.

11.07. Рановато. Но ничего не поделаешь.

— У тебя с кем-то встреча? — любопытствовала Полина.

— Да, — ответила я, — это из пиар-агентства. Вчера еще должны были встречаться, но она перенесла все на сегодня.

— Звать? — Полина переступила с ноги на ногу.

— Зови.

Я швырнула сумочку на подоконник, села за стол и пододвинула к себе папку с документами по рекламной кампании.

— Доброе утро, — услышала я звонкий голос.

Рекламщица стояла в дверях.

— Здравствуйте, — пробормотала я растерянно.

Может, я по ошибке позвонила в модельное агентство? Рост представшей передо мной девицы зашкаливал за метр семьдесят пять. Плюс высоченная танкетка. Иринка у меня такую обувь выпрашивала для себя, но я наотрез отказала — испортит ноги в нежном возрасте, что потом будет делать?

— Вы Екатерина? — спросила рекламщица, во все глаза уставившись на меня.

— Да, — кивнула я, — проходите, пожалуйста, — и махнула рукой в сторону стула в углу кабинета. — Присаживайтесь.

— Спасибо. — Девица шагнула в комнату и осторожно села на стул.

Наряд не позволял ей двигаться размашисто. На ней была джинсовая юбочка, слегка прикрывающая чресла, и коротенькая тесная белая блузочка, оттеняющая ровный бронзовый загар. Если бы я пришла на работу в чем-нибудь подобном, мелькнула мысль, меня заплевали бы, а им, рекламщикам, все можно. И все потому, что реклама считается творческой профессией, а значит, любая вольность в стиле позволительна. И даже приветствуется. Всеми, включая клиентов. Смотрят они на такую вот девушку, презревшую все нормы делового этикета, и удовлетворенно вздыхают: все о'кей, деньги заплачены не зря — сразу видно, творческая среда. За что и платили.

— Давно ждете? — вежливо спросила я.

— Да нет. — Посетительница пожалала плечами.

— Чай? Кофе? — предложила я.

— Н-не знаю, — растерялась девица.

Наверно, недавно работает. Еще смущается. Обычно эта рекламная публика весьма раскованна.

— Смотрите, — сказала я. — Можем попозже попить чего-нибудь.

Она молча кивнула, не сводя с меня немигающего взора. Глаза у нее были бирюзовоголубые. Или, может, казались такими, из-за загара.

— О'кей, — деловито проговорила я. — Начнем.

Рекламщица подняла руку и пригладила волосы. Здесь тоже наблюдался творческий беспредел во всей его красе. Прядки. Медные, розовые, белоснежные... Разные. Стоили ей наверняка уйму денег. И шли необыкновенно. Не знаю, как она выглядит от природы, но то, что сотворила со своей головой, было удачным решением. Спросить ее, что ли, где красилась? Так, на всякий случай. Вдруг и я когда-нибудь решусь на эксперимент. Тогда лучше будет идти по проверенному адресу.

— Начнем? — эхом повторила за мной рекламщица, как будто не понимая, о чем это я.

— Угу, — кивнула я и пододвинула к ней мою папку. — Вот.

— Что это? — удивилась девица.

— А вы посмотрите, — предложила я.

Она открыла папку, пролиставала ее и подняла на меня свои прозрачные глаза.

— Что это? — повторила она.

— План рекламной кампании. Как мы его видим. — Я призывно улыбнулась ей.

— Простите. — Девушка закрыла папку.

— Конечно, нам бы хотелось взглянуть на ваш вариант. — Я продолжала улыбаться.

— Мой вариант... — пробормотала девушка.

И только тут я сообразила, что при ней лишь крохотная сумочка. Не больше моей косметички. В такую сумочку ни одна папка не влезет. Разве только эта особа принесла всю информацию на флэшке. С нее станется. Она же рекламщица.

— У вас он на диске? — поинтересовалась я. — Или на флэшке?

— На флэшке? — Она нахмурилась, потом вдруг лицо ее просветлело, и она прищелкнула пальцами с французским маникюром: — А, я поняла!

— Да? — дружелюбно улыбнулась я.

— Вы меня с кем-то спутали! — Девушка откинулась на спинку стула и положила ногу на ногу.

— Что? — опешила я. — Вы разве не Лена?

— Нет, — радостно сообщила мне девушка. — Я — Вика.

— Вика?

— Ну да.

— То есть вы не из рекламного агентства?

— Нет, — она мотнула головой.

— А откуда тогда?

— Я сама по себе.

— То есть?

— То и есть.

Разговор начинал напоминать мне легкий бред. А вот девушку он, похоже, забавлял. Она покачивала ногой и лучезарно улыбалась.

— Так, давайте еще раз, — предложила я. — Сначала. Вы — Вика?

— Да, — кивнула она.

— Пришли ко мне.

— Да, — еще кивок.

— Зачем? — спросила я.

— Поговорить.

— Отлично. Говорите. Что у вас там?

Кто это, черт возьми? Будет окучивать, чтобы я приобрела какие-нибудь услуги для нашей компании, которые нам совершенно не нужны? Может, лучше позвать шефа? Пусть пообщается с этой ненормальной. У него все же нервы покрепче, чем у меня после столь безрадостно начавшегося утра.

— Павлик... — начала девушка.

Я вытаращила глаза. Господи, Павлик — это еще кто?

— Я знаю, у вас с ним... — Девушка замаялась.

Что? Павлик — это...

— Вы кто? — резко спросила я.

— Вика, — вздрогнула девушка.

— Это я уже слышала. Ко мне-то вы какое отношение имеете?

— Я же говорю. — Она с независимым видом скрестила руки на груди. — Павлик... то есть Павел...

— Вы имеете в виду Павла... — Я не могла поверить своим ушам.

— Да, конечно, — кивнула Вика. — А кого же еще?

— То есть вы с ним знакомы? — Я пристально смотрела на нее, боясь пропустить хотя бы одно ее движение.

— Знакомы? — усмехнулась Вика. — Можно и так сказать. А вообще, у нас с ним... — Она опять замаялась.

У нее с ним... Больно кольнуло под левой лопаткой.

— И давно? — замороженным голосом спросила я.

— Ну да. — Она пожала плечами. — С год уж точно.

Не может быть, вертелось у меня в голове, не может быть. Врет. Зачем?

— Зачем? — вслух просила я.

— Что? — нахмурилась Вика.

— Врете.

— Я не вру. — Она вытаращила на меня лазоревые глаза.

Не врет, поняла я. И опять спросила:

— Зачем?

— Что?

Во взгляде девицы мелькнуло смятение. Наверное, решила, что меня переклинило, — повторяюсь, как заезженная пластинка.

Я откашлялась:

— Зачем, говорю, вы пришли?

— Посмотреть на вас.

— Для чего?

— Ну-у, — протянула она, расцепила руки и чинно положила их на колени, — чтобы знать...

— Что знать?

Я задавала вопросы машинально. В голове было пусто-пусто. Только звон.

— Какая вы. — Она скроила гримаску смущения. — Я думала, вы старше...

— Старше кого? — перебила я ее.

— Старше Павлика... ой, Павла.

— Он так говорил тебе?

Я сама не заметила, как у меня вырвалось это «ты». Но прозвучало очень естественно. Вика напоминала мне дочь. Даром что была лет на десять старше. Но мозгов, по-моему, у нее было ровно столько же, сколько у пятнадцатилетнего подростка. Во всяком случае, выглядела она именно так.

— Нет. — Она хитро прищурилась. — Он ничего про вас не рассказывал...

Спасибо и на этом.

— ...Я случайно узнала. Это был та-акой шок! — Она округлила глаза.

— В смысле?

— Ну, то есть я думала, что у него никого нет, а тут вдруг получается, что у него кто-то, да уже давно. В общем, — она покачала головой, — я обалдела, честно скажу.

«Наверное, как я сейчас», — подумала я.

— Сначала расстроилась, — продолжала Вика, — а потом решила, дай, думаю, познакомлюсь. Ну, то есть посмотрю на вас.

— Зачем?

— А вы разве не захотели бы взглянуть на соперницу, если бы узнали, что такая есть? —

Она опять широко распахнула глаза.

— Э-э-э...

«Захотела бы, — внезапно поняла я. — Но вряд ли отправилась бы сразу знакомиться с ней. Так, понаблюдала бы со стороны для начала».

— Ну вот, видите, — удовлетворенно проговорила девица. — Посмотреть, чтобы знать, с чем бороться.

— Что? — опешила я.

— А что? — Вика надула губы. — Думаете, я так просто от него откажусь? Не-ет. — Она покачала головой. — Не выйдет. Он такой... — Она мечтательно подняла глаза к потолку.

— Какой? — устало спросила я.

— Что надо. За такого мужика можно и побороться.

Я промолчала.

— За такого мужика нужно побороться, — продолжила Вика. — Богат, красив...

Боже, мелькнула мысль, что за пошлость? Какая-то мыльная опера.

— ...не особенно, конечно, внимателен... — нахмурилась Вика.

Да? А я бы не сказала. В моем случае его нельзя было упрекнуть в недостатке внимания. Скорее, в его избытке. Не сейчас, не буду врать, но вначале Павел был исключительно внимателен. А ведь у них, насколько я понимаю, сейчас как раз идет «начало». Что же, он изменил своим привычкам? Или неодинаков с разными женщинами? И если так, то в плюс ему это засчитывать или в минус? И вообще, что она подразумевает под вниманием?

— Не особенно? — спросила я.

— Ну да. — Вика вздохнула. — Подарки так себе, да и не всегда. Вот у подружки мужик — тоже солидный и видный — тот без побрякушки или сумочки не является.

О-о... С девушкой все понятно. А с Павлом?

Звон в ушах прекратился. И тут же нахлынули мысли. Первая из них — что она тут сидит? Долго ли еще собирается морочить мне голову? Мне хотелось остаться одной. Поплакать? Не знаю, не знаю. Но как минимум переварить все произошедшее.

— Но все равно, — Вика никак не унималась, — я его...

— Катрин, — в дверях появилась Полина, — не поверишь, к тебе еще одна девушка, — и посторонилась, пропуская плотную брюнетку в белом льняном костюме.

— Прошу прощения! — завопила новая посетительница. — Я — Лена! Опоздала! В пробке проторчала на Невском.

— ...люблю, — закончила свою речь Вика.

— А? — повернулась к ней Лена.

— Что? — спросила Полина.

— Проходите. — Я кивнула Лене и встала из-за стола. — Рада вас видеть.

И это было правдой.

— А как она тебя вычислила? — поинтересовалась Дарья.

— Что ты имеешь в виду?

— Она сказала, что он ей ничего не говорил, так?

— Так.

— Тогда как она узнала про тебя?

— Не сказала.

— И ладно бы просто узнала, как тебя зовут, — задумчиво проговорила Дарья, — но как выяснила, где ты работаешь?

Я развела руками.

— Ворона ты, Александрова, — вздохнула моя лучшая подруга.

Согласна. Надо было допросить эту разноперую особу с пристрастием. Я, может, и допросила бы, не ворвись ко мне настоящая рекламщица. А так Вика угорьком выскользнула из кабинета, и след ее простыл раньше, чем я успела отреагировать на столь поспешное исчезновение. Не кинешься же за ней, когда у тебя посетитель. Пришлось раскрыть папку и с головой углубиться в нюансы рекламной кампании. Лена, к слову сказать, оказалась акула. Сразу взяла быка за рога. Или быки — это не по акульей части? Не важно. Главное — мы с ней все утрясли и расстались абсолютно довольными друг другом.

Но как только рекламщица покинула наш офис, я схватилась за телефон.

— Приезжай! — велела я Дарье.

— Не могу! — буркнула она.

— Приезжай, — повторила я.

— Что у тебя там, — проворчала она, — пожар?

— Если бы пожар, тьфу-тьфу, я звонила бы 01.

— Может, до вечера потерпишь? — продолжала бурчать Дарья.

Я прислушалась к себе. Нет, не потерплю. О чем ей и сообщила.

— Ну ладно, — проскрипела она. — Через час.

И вот она сидит напротив меня и пьет кофе. Мы спустились в кафе, что располагалось на первом этаже нашего бизнес-центра. Я не хотела обсуждать свои дела в офисе, пусть даже у меня и отдельный кабинет. Все равно могут услышать. Или просто кто-нибудь прервет, придя с каким-нибудь рабочим вопросом.

— Она будет бороться... — Дарья закатила глаза. — Формулировочки-то какие! Ты не боишься?

— Чего? — спросила я, допивая сок.

— Брызнет чем-нибудь в лицо, не дай бог.

— Тьфу на тебя, — вздохнула я. — Но вообще-то, думаю, она имела в виду другое.

— Ажурное белье, нетривиальный секс и круглосуточное обожание в глаза? — предположила Дарья.

— Что-то в этом роде.

— Ну-ну, — скептически усмехнулась подруга.

— Что?

— Фигня.

— Думаешь?

— Знаю.

— Что, пробовала?

— Было дело.

— Тоже боролась за кого-нибудь?

— Я всегда в борьбе, — сурово объявила Дарья. — С моими мужчинами иначе нельзя.

Ты же знаешь.

Это точно. Мужики у Дарьи специфические. Все без исключения. Большинство из них несвободны. Эта категория у Дарьи самая любимая. Она ведь не хочет, чтоб ее захомутали. Свободу ей подавай. Но свободу обеспеченную. Не только деньгами — не надо так уж о Дарье! Обеспечить можно и заботой, и сексом — да мало ли чем. Посему Дарья соглашается иметь дело не с каждым. Она любит сама выбирать. А потом охотиться. И словить-таки зверя. Если присмотреться, то ведет она себя зачастую как мужик. По сути. По форме же — чуть хитрее, чем мужики. По-женски. В общем, в ней уживаются оба начала. Поэтому с ней никому не скучно: ни теткам, ни мужикам.

— Так, — Дарья хлопнула ладонью по столу, — хорошо. Что она за фрукт?

— Ноги, глаза, — пробормотала я, — а в остальном дура душой.

— Ага, — кивнула Дарья. — А чем занимается?

— То есть?

— Где работает?

— Да, может, и не работает.

— Учится, что ли? — удивилась Дарья. — Малолетка?

— Не знаю. — Я задумалась. — Нет, наверное, ей лет двадцать пять. Хотя...

— То есть ты ничего про нее не узнала? — уточнила Дарья.

— Ничего.

— Вор-р-рона, — опять ругнулась подруга.

— Я остолбенела. Представь себе: ждала рекламщицу, была уверена, что это она, а тут на тебе!

— Надо ее выследить, — решила Дарья.

— Как?

— Будем думать.

— Послушай, — поморщилась я, — давай не будем.

— Почему это? — удивленно возрилась на меня Дарья.

— Выследить — это как-то противно. Красться в темноте, прятаться...

— У тебя архаичные представления о слежке, — фыркнула Дарья. — Все это совсем не так делается.

— Все равно. Технология не имеет значения. А по сути — это красться и прятаться.

— Отказываешься? — спросила Дарья.

— Наотрез.

— Ворона, — буркнула она. — Я бы...

— Знаю, — перебила ее я. — Но я — не ты.

Дарья заявила, что я ненормальная, и, взяв с меня слово звонить, если что, удалилась по своим фрилансерским делам. Ненормальная... Рекламщица, наверное, тоже решила, что я совсем безумная. Конечно, когда перед вами сидит особа, то впадающая в ступор, то, наоборот, принимающаяся болтать как заведенная, что еще можно подумать?

Как женщина реагирует, когда узнает, что ее любимый мужчина неверен ей? Любимый?

Хорошо, хорошо, пусть просто мужчина. Друг, парень, партнер, бойфренд, муж... Боже, сколько слов для обозначения человека, который рядом с тобой. А еще у него есть имя. Павел. Павлик. Тьфу!

Так все-таки как ведет себя женщина, услышав столь неприятное известие? Рыдает? Скандалит? Пьет успокоительное? Режет на части новехонький смокинг изменщика? Или просто иронично поднимает брови и молвит: «Я так и знала». Ничего из этого я не проделывала. Просто впала в состояние полного отсутствия в этой действительности, подкрашенное легкой брезгливостью. Было ощущение, как будто мне залезли в сумочку. Со мной такое случалось уже трижды. Я имею в виду сумочку в буквальном смысле. В первый раз вынули кошелек, в котором не было ничего, кроме мелочи и двух билетов в БДТ. Второй раз — опять кошелек, опять пустой. Вот в третий раз мне повезло меньше. Взяли телефон и... опять кошелек, но на этот раз с деньгами. Но ведь не в деньгах дело, верно? Больше одной зарплаты я в сумочке все равно не ношу. Если сопрут, то разве это катастрофа?

Но вот ощущение... Гаденькое. И главное — потом долгое время прихватывает паранойя: а вдруг что опять упрут? Так и здесь. Я досиживала рабочий день, мало что соображая и еще меньше делая, а по всему телу разливалась слабость от неприятного чувства, что у меня только что украли нечто ценное. Вот только что именно?

Не мужчину, нет. Мужчина — какими бы достоинствами ни обладал — предмет не бесценный. Тогда что? Веру. Веру в искренние человеческие чувства. Но прежде мне ее навязали. Три года назад. Я ведь никому не верила (спасибо Иринкиному папаньке), но тут явился в мою жизнь Павел и поставил все с ног на голову. Начал рьяно доказывать мне, что любит меня. И преуспел. Я поверила. Слава богу, что сама его не полюбила. Но — привыкла. И неизвестно еще, что хуже. Привычка — как вторая кожа, с любовью легче расстаются. А теперь все рухнуло. В одно мгновение. Это ведь только строится все медленно, а рушится всегда все быстро.

К концу дня разболелась голова. Я выпила таблетку, боль утихла, но в висках продолжало пульсировать: «Зачем? И что теперь делать?»

Зачем нужно было ломать мне жизнь? Я ведь не хотела ничего этого, я ведь сопротивлялась. И сдалась только потому, что он убедил меня, что жаждет быть со мной. Говорил об этом? Да нет, но это витало в воздухе. Мужики вообще мало говорливы на тему любви и дружбы, их приходится интуитивно угадывать. А может, я сама виновата? Может, я неправильно угадала? Я поразмышляла немного над этим. Вроде нет, он вел себя так прозрачно, так недвусмысленно... Зачем же тогда связался с этой голубоглазой нимфой? И зачем, черт возьми, все эти пассажи насчет «тяжело дышала» и прочее, прочее? Я тихонько застонала. Боже, а я ведь каялась. Про себя, конечно, но тем не менее. Чихвостила саму себя за это дурацкое знакомство с Дэвидом, за то, что промолчала о нем, — всерьез собиралась извиняться перед Павлом. Кошма-а-ар!

Извинениям отбой. Но вот что теперь со всем этим делать?

Я была уверена, что мне обеспечена бессонная ночь. Буду, думала, слоняться по квартире и мучиться мыслями ни о чем. Вернее, известно о чем. Как вести себя? Сделать вид, что ничего не произошло? В конце концов, девица эта в жизни Павла явно проездом. Ноги и глаза. Чему удивляться? Мужчина — существо не властное над своими физиологическими реакциями. Я невольно поморщилась, наткнувшись на эту мысль. Головой понимаю, а сердцем согласиться не могу. Если я владею моими реакциями, почему он не может? Нет, какая-то чепуха выходит.

Больше всего меня смущало то, что я не видела в его действиях логики. Если бы это я липла к нему, то тогда конечно... Но ведь он сам! Тогда зачем ему эта Вика с перышками?

А раз логика его была мне не понятна, то я не могла решить, что делать дальше. И спросить не у кого. Не то чтобы мои близкие отказались бы одарить меня советом — нет, я просто не хотела советоваться по такому поводу. Это ведь не банальный переезд в Москву, верно? Определенно бессонная ночь мне обеспечена, думала я, подъезжая к дому на маршрутке.

— Мама, — суровым голосом произнесла дочь, не успела я переступить порог квартиры, — ты срочно нам нужна.

— Кому это? — спросила я, швыря сумочку на пол.

— Ты не в духе? — поинтересовалась Иринка, проследив взглядом за полетом сумочки.

Я вздохнула.

— В грустях? — продолжила допытываться дочь. — Или рвешь и мечешь?

Я прислушалась к себе.

— Наверное, это скорее разброд и шатание, — наконец определила я.

— Годится, — кивнула дочь.

— Для чего это? — вяло полюбопытствовала я, снимая туфли.

— Будем переставлять мебель, — сообщила Иринка.

— Что?! — выпрямилась я. — Какую мебель? Куда переставлять?

— Мою мебель. С одного места на другое. — Дочь села на корточки и обняла подскочившую к ней Бренду.

— Зачем? — Я помотала головой. — Чепуха какая-то.

— Хочу, — объявила Иринка. — Чтобы поднять настроение.

— А что у тебя с настроением? — забеспокоилась я. — Случилось чего?

Вчера вроде все еще было прекрасно. Но за этой молодежи не угонишься. У них жизнь может разрушиться и обратно сложиться из осколков за считанные минуты. Впрочем, кто бы говорил. У самой сегодня...

— Димка уехал на море, — мрачно сообщила Иринка.

Ага, понятно. Разлука. На две недели. Не страшно.

— Да ладно тебе! — бодро произнесла я. — Завтра уже все наладится. А через пару недель он вернется. Может, без перестановки обойдемся?

— Ни фиги, — отрезала Иринка. — Иди переодевайся и ужинай. А потом приступим. — И они с Брендой ускакали в гостиную.

Я рухнула в постель в четверть первого. Мы переставили мебель, а потом принялись перебирать всю мелочовку, которая лежала в Иринкином шкафу и была разбросана по стеллажу. И еще решили помыть окно. Обычная история при перестановках. Стоит только начать, как задачи множатся со скоростью света.

«Спасибо тебе, Боже, — успела подумать я перед тем, как заснуть, — за то, что у меня есть дочь. И за то, что она дюже шепутная. Иначе пить бы мне сейчас снотворное». Подумала и отрубилась.

И еще хорошо, что на рабочем столе у меня ворох бумаг по рекламной кампании. А сроки поджимают.

Весь следующий день я пахала, как пчела. Или пашут лошади? А пчелы что тогда делают? Ладно, пусть будет синтез пчелы и лошади — я трудилась весь день, прервавшись лишь на два кофе и один обед.

— С ума сошла, — сказала Ольга Аркадьевна часа в три.

— Может, хватит? — предложил шеф в пять. — Ты как будто эстафету бежишь.

Какая там эстафета! Эстафета — это когда ты бежишь к цели, а я бежала от нее, то есть от необходимости решать. Вопрос «Что делать?» оставался пока открытым. Можно было сесть с ручкой в руках и в лучших традициях позитивного мышления расписать на белом листе бумаги все преимущества и недостатки каждого из способов реагирования на ситуацию, которые только придут в голову. Но организм отвергал такой насильственный метод принятия решения. Я надеялась на озарение. Оно, однако, не спешило осчастливить меня своим визитом. Может, я просто испугала его своей бурной производственной деятельностью? Может, надо сесть где-то в уголке и расслабиться? Мысль эта посетила меня без десяти шесть. О'кей, на сегодня заканчиваю, пойду выпью где-нибудь кофе, посижу в одиночестве, глядишь, оно и накатит. Я ощутила некоторое беспокойство. С озарениями тоже не всегда все проходит благополучно. Когда чертишь на листе свои мысли, хотя бы отчасти контролируешь процесс, но в момент озарения — увы! — духовные движения тебе не подвластны. И все же я предпочитала озарения. Мне казалось, что в них больше истины, нежели в потугах превратить свои внутреннюю жизнь в список на бумаге.

Куда бы мне податься? Я вышла из здания, бросила взгляд налево, потом направо. В «Гурме» или в «Кофе-Хаус»? «Хаус» ближе, но в «Гурме»...

— Госпожа Александрова! — вдруг услышала я знакомый голос.

Я обернулась, чувствуя, как горячей волной заливают уши и макушку.

Павел стоял рядом со своей машиной и улыбался.

— Потеряла меня? — спросил он. — Я вроде бы не опоздал.

Мы разве о чем-то договаривались? Я с недоумением смотрела на него и молчала.

— Эй! — рассмеялся он. — Садись.

Я бросила взгляд на машину. Сквозь стекло увидела большой пестрый букет, лежащий на заднем сиденье. О, черт! Я совсем забыла! Мы же должны ехать к его родителям. У них сегодня какое-то событие. То ли годовщина, то ли еще что-то.

Я медленно спустилась по ступенькам. Павел обошел машину и распахнул передо мной дверцу. «Он не особенно внимателен», — пронеслось в голове. Интересно, Ей он тоже открывает дверцу? Я упала на сиденье и вздохнула. Неужели теперь я всегда буду думать в манере «а-с-ней-он-тоже-или-нет»? Или это у меня только на первых порах, а потом все пройдет, как легкая форма ОРЗ? Стоп. Это что, уже озарение подкатило? Как будто бы уже решено оставить все как есть, обогнуть препятствие под названием «визит Вики» на медленной скорости и двигаться дальше.

— Как дела? — спросил Павел, усаживаясь рядом.

— Нормально, — пробормотала я, вся во власти своих мыслей.

— Что шеф?

Павла почему-то всегда очень интересовало все, связанное с нашим шефом. Может, у них типа братства, у этих ребят, что управляют бизнесами разных масштабов?

— Жив, здоров... — буркнула я.

Он кивнул.

«Жив, здоров, не глядишь на другую», — внезапно вспомнились строки одного стихотворения. Черт!

Мы тронулись с места.

— Я купил цветы, — сообщил Павел. — Вручишь их маман?

— Почему я? — Я откашлялась. — Почему не сам?

— За мной подарок, — усмехнулся он.

Мы помолчали. Машина медленно двигалась в пробке по Большому проспекту.

— Она о тебе вчера спрашивала, — проговорил Павел.

— Да? — вздрогнула я. — Что именно?

— Да так, — он пожал плечами, — как вообще у тебя дела.

Странно, что это с ней? Моя потенциальная свекровь меня откровенно недолюбливала. Терпела, но не любила. А что еще ждать от женщины, помешанной на своем сыне? Любопытно, как бы она принимала эту Вику? Тьфу! Опять! Я почувствовала легкое раздражение.

— По-моему, она начинает привыкать к тебе, — заявил Павел, притормаживая на светофоре.

— Ммм... — промычала я, не зная, что сказать.

— Это хорошо, — заметил он.

— Для чего хорошо?

— Как для чего? — усмехнулся он. — Для наших отношений.

Я ощутила спазм в горле. Сглотнула. Еще раз. Искоса взглянула на Павла. Он сидел такой спокойный, такой уверенный в себе и такой... чужой. Я уставилась на багажник машины, стоящей перед нами.

Я знала, что так и будет. Что это дурацкое озарение придет в самый неподходящий момент. Нет чтобы дожидаться, когда я останусь наедине с собой, так оно свалилось мне на голову именно сейчас. Сидело у меня на правом плече и настойчиво нашептывало мне на ухо все, что ему пришло на ум. Оно уже знало, что я буду делать дальше.

Я не смогу промолчать. Я ненавижу всяческую ложь. Сама лгу мало и терпеть не могу, когда лгут мне. И почти всегда лезу выяснять отношения по поводу этой лжи. Не обвиняю, нет, просто докапываюсь до причин. Потому что самое важное — это причины. Не те слова, что были сказаны, а то, что подвигло на них. Я хотела понять, зачем он все это затеял и ради какого удовольствия мы играем сейчас в игру под названием «у-нас-все-так-замечательно»?

Что его не устраивает во мне? Секс? Образ жизни? Образ мыслей? То, как я громко хохочу на людях? Или то, что я всего-навсего какой-то там маркетолог? Хотя эта девица, что приходила, вообще не производит впечатления человека, озабоченного проблемами продвижения по службе, так что, скорее всего, дело не в моем вялом карьерном росте.

Но даже если его что-то не устраивает, то — будь любезен, скажи. Мы не маленькие дети, чтобы прятаться по углам и отмалчиваться. А может, его уже ВСЕ не устраивает и он не знает, как порвать со мной? Тогда к чему эти разговоры о том, что его маман наконец-то полюбила меня и это здорово? Если ему все осточертело — уходи! Нам ведь нет никакой надобности цепляться за видимость отношений. Мы не женаты. Нам не надо растить совместных детей. Мы ничего друг другу не должны.

Вот сейчас меня прорвет, поняла я и с тоской огляделась. Мы стояли в пробке у светофора перед Тучковым мостом. И еще, видно, долго простоим. Никуда не деться. Разве что выскочить из машины и побежать куда глаза глядят. Но это как-то по-идиотски. Я сделала глубокий вдох, потом выдох.

— Что? — спросил Павел. — Душно?

Я помотала головой.

— Или клаустрофобия прихватывает? — ухмыльнулся он. — Ты такая нежная.

«А Вика нет?» — успела подумать я, и тут меня все-таки прорвало.

— Зачем? — выдохнула я.

— Что? — Он повернулся ко мне.

— Зачем тебе две женщины? — выпалила я.

— Что? — Он ошарашенно уставился на меня.

Сзади засигналили. Он врубил передачу, тронулся с места, и мы повернули на Добролюбова. И притормозили у автобусной остановки.

— Что? — повторил он, глядя на меня. — Что ты сказала?

— Зачем тебе две женщины? — вздохнув, проговорила я.

— Какие две женщины? — сказал он ничего не выражающим голосом.

— Я и Вика.

— Вика, — эхом откликнулся он. — Откуда знаешь?

— Она меня нашла, — сообщила я, — и явилась с разговором.

— Когда?

— Вчера.

— Домой приходила?

— Нет, на работу.

— И что?

— То есть? — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Что ты имеешь в виду?

— Дура, — спокойно произнес он.

— Кто? — обомлела я. — Я?

— Вика. Чего потащила к тебе? — Он пожал плечами. — И вообще, как нашла-то?

— Не знаю...

— Идиотка, — процедил Павел, глядя прямо перед собой. — Надо же было до такого додуматься! Хотя, конечно, можно было предполагать...

Я не верила своим ушам. Это все, что он может сказать по этому поводу?

— Послушай, — откашлявшись, проговорила я, — это все, что ты можешь сказать?

Он дернулся и, все так же не глядя на меня, ответил:

— Ну...

Внезапно я как бы отключилась от происходящего. Как будто вышла из машины и со стороны наблюдала за людьми, сидящими в ней. И это было смешно. То, как эти люди вели себя. Ситуация, подвигнувшая их на выяснение отношений, была банальна донельзя. И понятна до последней запятой. Мужчине нечего было сказать своей спутнице. Во-первых, потому, что все, что бы он ни сказал, будет истолковано не в его пользу. Во-вторых, потому, что он, похоже, не считал себя виноватым. Во всяком случае, не настолько, чтобы в чем-то оправдываться. Женщина же это все прекрасно видела, однако желала услышать какие-то объяснения. Просто для проформы. Ну нельзя же, в конце концов, сотворив такое, просто сказать: «Ну...»

Смешно-то смешно, но смеяться мне не хотелось. Даже улыбнуться я была сейчас не в силах.

— Ну... прости... — вдруг произнес Павел.

И вот тут я расхохоталась. Предварительно взвизгнув. Истерично. Фу!

Он вздрогнул и пробормотал:

— Ну, что ты...

— Я? — сквозь смех переспросила я. — Я ничего.

— Прости, — повторил он и взглянул на меня. — Простишь?

Я проглотила последний смешок и ответила:

— Детский сад, ей-богу. «Простишь — не простишь». В этом разве дело?

— А в чем? — спросил человек, которому еще позавчера я доверяла.

Я покачала головой. Не сформулируешь. Нужно обладать талантом Франсуазы Саган, чтобы облечь в слова все, что вертелось в то мгновение у меня в голове. Вообще такие вещи обычно вслух не говорят. Их улавливают внутренним слухом подобно тому, как летучие мыши улавливают сигналы, подаваемые их сородичами. И вопрос: «А в чем дело?» — не задают. Просто потому, что благодаря этим незримым волнам понимают, о чем идет речь. Если же не понимают, то никакими словами этому не поможешь. Честно сказать, я думала, что Павел такой человек, что способен понять. Оказалось, что нет, — ему нужно объяснять. И это тоже здорово резануло меня сейчас. Три года рядом со мной был человек, которому ЭТО нужно объяснять! Три года я делила мою жизнь с мужчиной, который — не «наш человек», как любит говорить Дарья. И три года этого не понимала.

Да ладно! К чему сейчас-то лукавить. Все я понимала. Частенько подползали мыслишки об этом. Я отмахивалась от них. В мире нет идеальных мужчин, думала я. Достоинства, которые были воплощены в Павле, просто обязаны были соседствовать с какими-нибудь недостатками. Вот только сейчас мне в голову пришло, что дело не в количестве достоинств и недостатков — у Павла первые явно перевешивали вторые, но толку от этого оказалось мало. Дело в том, ЧТО это за недостатки. Я могу терпеть излишнюю увлеченность работой, мириться с культурной ограниченностью, сквозь пальцы смотреть на ревность, но подрядиться прожить всю жизнь с человеком, которому нужно объяснять элементарное, — это уже чересчур.

Хотя, может, он просто прикидывается? Чтоб выиграть время, к примеру.

— Ты прикидываешься? — спросила я.

— Нет. — Он смотрел мне прямо в глаза. — Я на самом деле не вижу особых поводов для беспокойства. Вика эта...

— При чем тут Вика? — резко перебила я его.

— То есть? — Он удивленно поднял брови. — Из-за нее же весь кипеж.

— Неужели? — усмехнулась я.

— А из-за чего же? — Он продолжал удивленно смотреть на меня.

— Из-за тебя.

— Из-за меня? — Удивление его достигло предела.

Я опять мысленно вышла из автомобиля. И вновь захотелось посмеяться над этими людьми в салоне. Вот только смешок теперь должен был быть не истерично-громким, а горьковато-тихим, эдакой усмешечкой: мол, мужчина, кончайте валять дурака, а вы, дамочка, кончайте сидеть с таким лицом, будто вы и вправду рассчитываете, что из этого разговора выйдет какой-то толк.

— Я пойду, — сказала я и открыла дверцу машины.

— Куда? — Павел всем телом подался за мной.

— Домой.

— Как домой?

— Да так. — Я пожала плечами и высунула наружу правую ногу.

— А родители? — воскликнул он.

— Что? — Я нахмурилась.

Ах да, мы же ехали к его родителям. Я наконец-то вспомнила: у них сегодня сорок пять лет совместной жизни. Как же они так долго протянули? Впрочем, может, мадам Самойлова, в отличие от меня, была не такой привередливой? Или отец Павла не давал ей поводов для беспокойства? Собственно говоря, меня все это не очень интересовало. Ехать к ним я не собиралась. И до этого-то не сильно хотела, а теперь так и смысла в этом не видела. Павел, однако, думал иначе.

— Я обещал, — буркнул он. — Маман обидится.

— Что ж делать, — ответила я. — Она все равно меня никогда не любила.

— Она стала лучше относиться к тебе, — повторил Павел.

— Это не повод, чтобы ехать...

— А что тогда повод? — Он набычился.

Надо же, а ведь совсем недавно держал мою сторону, когда речь заходила о его родителях. Что изменилось-то? Не понимаю.

— Повод, — я высунула наружу вторую ногу и теперь сидела к Павлу практически спиной, — это если бы у нас с тобой были прочные отношения. Вот тогда это повод вместе посещать юбилеи наших родителей и делать еще кучу подобной ерунды.

— У нас прочные отношения, — объявил мне в спину Павел.

— Да?! — Я круто развернулась к нему, отчего в шее больно стрельнуло.

— Конечно. — Он смотрел на меня ясными глазами. И похоже, верил в то, что говорил.

— Ладно, — я отвернулась и принялась выползать из машины, — пока!

— Хорошо, — услышала я, — скажу им, что ты приболела.

Я приболела! Нет, ну как вам это нравится? Хотя, по правде сказать, я чувствовала себя разбитой. Уставшей. Ломота в суставах и шум в ушах. Хотелось забраться в дальний уголок и отлежаться там, слушая какую-нибудь умиротворяющую музыку. И может быть, наконец-то собрать все свои мысли в кучу.

— Нам надо поговорить. — Павел тоже вышел из машины и теперь стоял, опершись на дверцу. — Когда ты остынешь.

— Наверное, — уклончиво ответила я.

Поговорить... Опять начнет просить прощения. Как маленький. Прощение просят, когда... когда... ну, к примеру, на ногу наступают. «Прости меня, я больше не буду» — вот фраза, которая возникает в голове, когда я слышу о прощениях и всем, что с ними связано.

— Может, завтра, — предложил он.

— Может.

— Я позвоню.

Я кивнула.

— Как же ты отсюда доберешься домой? — спохватился он.

Как будто мы посреди бескрайней степи, где до ближайшего селения сотня верст.

— Сяду на Пушкарской на маршрутку, — пробормотала я.

— Ну ладно...

Я побрела к переходу. Краем глаза увидела, как его машина двинулась от остановки и покатила по направлению к центру.

Поехал поздравлять родителей. Повез им этот безумный пестрый букет. Безвкусный, кстати. Но беспардонно веселый. Мадам Самойлова будет в восторге. Правда, она в восторге от всего, что делает ее мальчик. А что это я исхожу ядом? Все мамашки такие. Для меня тоже Иринка — свет очей.

Будет извиняться за меня. Расписывать, какой у меня насморк или кашель. Чтобы все его объяснения выглядели правдоподобно. Мадам Самойлова, конечно, не поверит ни единому его слову. Но об истинном положении вещей она не догадается — просто решит, что «эта особа» опять их игнорирует. И съязвит что-нибудь вроде: «Ну да, конечно, Катечка была же у нас на прошлой неделе, еще не соскучилась. Теперь только в следующие выходные, может быть, объявится». А я ни в следующие, ни в после-следующие не появлюсь. Кончено.

— Ну, и какого черта? — Дарья сверкала глазами и морщила нос. Демонстрировала крайнюю степень возмущения.

Я растерянно смотрела на нее.

— Ты о чем это?

— О Павле.

— А «какого черта» — это о чем?

— Какого черта ты все это затеяла? — спросила Дарья, вскочила и забежала по комнате.

— Затеела что? — недоумевала я.

— Ссору, скандал, развод — выбирай что хочешь, — ответила она на ходу.

— Развод — это вообще не из той оперы, — буркнула я, — да и ссоры как таковой не было.

— Ну да, — фыркнула она, — ты просто сказала: «Пошел вон!», и он молча удалился.

— Как ни странно, — усмехнулась я, — так все и произошло.

Павел приехал ко мне после визита к родителям. Привез цветы и покаянное лицо. «Прости», — твердил он и что-то бормотал о том, что Вика сама... Мне, откровенно говоря, стало несколько неловко за него. Взрослый, серьезный мужик, а хватается за соломинку, которой впору вытащить из воды лишь слабосильного студента, только-только нырнувшего в омут под названием «взаимоотношения». «Вика сама...» — ужасное объяснение. Нелепое. И, что самое главное, неискреннее. Ну кто поверит в то, что Вика, это длинноногое существо, сама что-то там решила во всей этой катавасии? Вика *сама* могла лишь появиться в дверях и застыть в красивой позе. Ну, еще глазами похлопать. Или улыбнуться. А вот решать, как далеко зайдут их отношения, — это Вике не по плечу. Во всяком случае, пока. Хотя задатки у нее есть.

Павла я отослала домой, сославшись на зверскую головную боль и нежелание устраивать разборки в таком состоянии. Он не уgomонился и вернулся на следующее утро. Вызвался подвезти меня на работу. Выглядел невыспавшимся. Впрочем, я, наверное, смотрелась не лучше. Проворочалась всю ночь в постели, пытаюсь найти удобное положение, — безуспешно. Необходимость объясняться меня угнетала. Я ведь уже все решила для себя, поэтому любые разговоры с Павлом казались мне бесполезными. Он думал иначе. Он собирался уговаривать меня не пороть горячку.

К уговорам он приступил сразу же, как только мы сели в машину. А уговаривать он умеет. У него большая практика. По бизнесу. Несколько раз во время его пламенной речи я ловила себя на мысли, что любой другой человек на моем месте уже сломался бы. Любой другой, но не я. С детства отличалась одной особенностью — чем больше меня уговаривают, тем меньше вероятность, что уговорят. Врожденный дух противоречия. Родители-то быстро просекли это и, если у них была потребность склонить меня к чему-либо, начинали обычно издали и постепенно, кругами подходили к своей цели, так что я даже не замечала их маневров. Павел этого не знал. Мог бы узнать, если бы был чуть более наблюдателен. И тогда этот разговор пятидневной давности (да-да, прошло уже пять дней с того исторического момента, когда мне стало известно о его интрижке с Викторией) мог сложиться совсем иначе. А так все закончилось тем, что я вышла из машины у моего офиса, сказала:

«Извини, но...», повернулась и ушла.

— И что теперь? — Дарья наконец-то прекратила метаться и застыла передо мной.

— В смысле?

— Александрова! — закричала она. — Я сейчас убью тебя! Сколько можно испытывать мое терпение? Если не хочешь ничего рассказывать, не нужно было вообще ставить меня в известность о том, что у вас там произошло. А раз заикнулась, так колись на полную катушку.

О чем колотиться-то? Я понимала, чего она от меня добивается. Ей хочется проникнуть в глубинные мои переживания. Что я ТАМ, внутри, чувствую? И как мое ВНУТРИ будет влиять на мои дальнейшие поступки? Если бы я знала!

— Не знаю, — сказала я и замерла в ожидании взрыва.

— Она не знает! — завопила Дарья, уперев руки в бока. — Вот я и спрашиваю: тогда какого черта?! Зачем ты все это разворошила?

— Разворошила? — Я в изумлении уставилась на нее. — Да я сидела тихо, как мышка, а тут эта девица...

— Про девицу мы уже слышали, — перебила меня Дарья. — Подумаешь, девица! Если бы я из-за каждой девицы устраивала такой дебош, я сейчас была бы одна как перст.

— Подожди, — я потерла лоб, — ты хочешь сказать, что не надо было устраивать разборки с Павлом? Так?

— В общем, да, — немного подумав, ответила Дарья.

— Ты же его терпеть не можешь, — напомнила я.

— Не могу, — подтвердила она. — Это-то тут при чем?

— Должна радоваться, что он утратил свои прежние позиции в моем доме.

— Само собой, я радуюсь. — Дарья крутанулась на пятках и подошла к окну. — У тебя фиалки пересохли, — заметила она, потыкав пальцем в землю под цветами.

— Иринка забыла полить, — ответила я, поднялась с дивана и пошла на кухню за водой.

— Так что насчет радости по поводу изгнания Павла? — спросила я, вернувшись в гостиную с кувшином в руках.

— Одно другому не мешает, — заметила Дарья.

— Что «одно» и что «другое»? — Я полила фиалки, а заодно и кофейное дерево.

— С одной стороны, я, конечно, радуюсь. — Дарья вновь закружила по комнате. — Но с другой... Кэт, я все-таки не понимаю. Неужели не жаль потраченных усилий?

— Усилий? — удивилась я, стоя кувшин на подоконник. — На что?

— На привыкание, — ответила она, — на притирку. Три года — это тебе не двухнедельный курортный роман. Согласна?

— Согласна.

— Так ровно у вас все развивалось, — задумчиво проговорила Дарья, присаживаясь на подлокотник кресла. — Еще пара месяцев — и он сделал бы тебе предложение.

Сделал бы. Несомненно.

— Через «не хочу», но сделал бы, — продолжила Дарья.

— Что? — вздрогнула я. — Как это «через не хочу»? Ты что несешь? Да он спал и видел, чтоб меня захомутать.

— Ага, — скривилась Дарья, — а по пути завел себе эту красотку.

— Да, — протянула я, — это действительно странно. Логика ноль. На него не похоже.

— Да есть тут логика, только вряд ли он ее сам замечает. — Дарья усмехнулась. — Ему

сколько лет?

— Со дня на день сорок будет.

— Вот! — кивнула она с умным видом.

— Что «вот»?

— Рубеж. Время подводить итоги. А итогов у него не ахти сколько...

— Ерунда! — возразила я. — Как это не ахти? А бизнес? А деньги? А общественный статус?

— А семья? — в тон мне добавила Дарья. — А дети?

Спору нет. С семьей и детьми у Павла дела обстояли не блестяще.

— Н-да, — выдохнула я.

— Ты, наверное, реально нравишься ему, — проговорила Дарья.

— Спасибо, — буркнула я.

— Не перебивай, а то мысль потеряю. Нравишься, во-от... — Она сползла с подлокотника в кресло и подобрала под себя ноги. — В том смысле, что он решил, что ты здорово подходишь ему для длительной совместной жизни. Потому и затеял всю эту бодягу с твоим оболещением.

— Постой, постой, — перебила ее я. — То есть он меня не просто полюбил с первого взгляда, а предварительно рассудил здраво, а затем уж...

— Ну, не знаю, — пожала плечами Дашка. — Вас, девушка, не поймешь. То вы не верите в любовь с первого взгляда, то верите.

Поймала-таки меня! Почему-то в любовь Павла с первого взгляда я верила безоговорочно. Кто это, интересно, меня в ней убедил? Наверное, Нина с Алькой, больше некому. Они все талдычили: «Смотри, какой прекрасный парень и просто покорен тобою!»

— Не отвлекайся, — сурово потребовала я, надеясь, что Дарья не заметит моей растерянности.

— Так вот, — Дашка поиграла кисточками на ремешке, опоясывавшем ее талию, — он решил, что ты здорово подходишь ему для длительной совместной жизни. А то, что ему нужно срочно устраивать свою семейную жизнь, очевидно. Сорок — это же о-го-го! Пора.

— Мужчине? — усмехнулась я. — В наше-то время? Да они вообще могут ходить в холостяках до глубокой старости.

— Не скажи, — возразила Дашка. — Я тут читала очередную психологическую книжонку, так вот в ней приводились данные одного американского исследования. И исследование это показывает, что мужики рвутся жениться в основном потому, что боятся отстать от других. К примеру, от своих друзей детства или бывших одноклассников.

— А ведь точно, — согласилась я, — он как-то сказал: мол, все мои сокурсники уже женаты, с детьми, у кого-то даже внуки намечаются...

— Вот-вот-вот! — воскликнула Дарья. — И какое выражение лица у него при этом было?

Я задумалась, вспоминая.

— Сокрушенное.

Дашка кивнула:

— Понял, что тащится в хвосте.

— Но, знаешь, — возразила я, — кое-кто из его однокашников при всех своих подвигах на семейной ниве в такой ж... по части финансов и благоустройства своей жизни, что Павел может не забивать себе голову этой ерундой. Кто в чем преуспел.

— Это ты так думаешь, а он желает преуспеть во всем. В этом-то вся загвоздка.

— И я, значит, ему очень подхожу для реализации этой очередной жизненной цели? — пробормотала я.

— А чего ты об этом с таким отвращеньцем? — удивилась Дашка. — Это скорее комплимент. Да тебе, по-моему, это все нравилось поначалу.

И вправду. Мне все нравилось. Как минимум не вызывало отторжения. Что вот только сейчас произошло, отчего я так переменялась в моем отношении к ситуации? Вика — вот что.

— Хорошо, пусть так, — кивнула я, возвращаясь на диван. — Тогда почему он повел себя как последний кретин? Ладно бы завел себе подружку после женитьбы, но сейчас? Бред какой-то.

— Струсил, — объявила Дарья.

— Струсил, — повторила я. — Тоже бред.

— Ни фига подобного, — возмутилась она. — Все очень научно. Есть, между прочим, такая поговорка: «И хочется, и колется». Слыхала такую?

— Слыхала, — проворчала я. — При чем тут...

— При том, — прервала меня Дарья, — что в нем борются два противоположных чувства. И жениться надо бы, и страшно до чертиков. Все мужики такие.

— Но тем не менее многие из них благополучно идут под венец, — заметила я. — Значит, не так уж им и страшно. А чего, кстати, все они боятся-то?

— Клетка, — пояснила Дарья, — оковы. «И что, это теперь со мной на всю жизнь?» — думает он, и поджилочки трясутся, как студень.

Может, она и права. Это как новую работу себе искать. Старая вроде уже надоела, да и зарплатку хотелось бы пожирнее, вот и начинаешь рыскать по рынку труда в поисках чего-нибудь достойного твоей персоны. Чем дальше рыскаешь, тем сильнее желание покинуть прежнее место и начать все заново. Но как только дело доходит до конкретных разговоров, включаются тормоза, и вот уже ты в сомнениях: а может, не надо? А вдруг прогадаю? Там же — неизвестность. А здесь уже все понятно, все тропы хожены-перехожены. Да-а... И чем старше становишься, тем выше вероятность того, что думы эти не приведут тебя к новой жизни. Вцепишься в старое, теплое, родное — пусть и паршивенькое, но тем не менее...

— Но тут ему никто не помощник, — отреагировала я. — Его страхи — ему с ними и справляться.

— Или идти на поводу у них, — отозвалась Дарья.

Мы помолчали.

— Звонит? — спросила она.

— Звонит.

— Что хочет?

— Поговорить.

— А ты?

— А я не хочу. — Я пожала плечами. — О чем тут разговаривать?

— Прощения будет просить, — предположила Дарья.

— Уже просил.

— А ты?

— Мы же не в детском саду. За что прощать? Он сделал выбор. Его право.

— Блин, — протянула Дарья, — ну ведь только что обсудили это...

— Поняла, поняла, — перебила я ее. — Только от этого ничего не изменилось. Вика, с которой они уже год, как была, так и осталась.

— А если он порвет с ней?

— А я могу быть в этом уверена?

— Значит, шансов у него нет?

— Ну-у...

— А если бы она никогда не пришла к тебе?

Я сама задавалась этим вопросом. Если бы она не пришла, я бы ничего не знала. И списывала бы все его странности на стрессы и прочую чепуху. И вышла бы за него замуж... Черт, даже трудно представить себе это. Честно говоря, мне всегда было трудно представить, как я выхожу замуж за Павла. При всем том, что, как говорит Дарья, «все так ровно шло».

— А знаешь, Кэт, — вдруг промолвила Дарья, — меня не оставляет ощущение, что ты сама ничего этого не хочешь и сейчас просто используешь ситуацию, чтобы катапультироваться из зоны бедствия. А?

— Мы с Павлом поссорились, — сообщила я.

Я решила брать быка за рога. В конце концов, ребенок — самый близкий мне человек.

Что я буду ходить вокруг да около?

— Серьезно? — откликнулась дочь, намазывая хлеб маслом.

Было воскресенье. Мы поздно встали и теперь пили кофе на кухне.

— Серьезно, — подтвердила я.

— Надолго? — спросила она.

— В смысле? — Я уставилась на нее.

— Надолго поссорились? — Иринка куснула хлеб и запила его кофе.

— Навсегда.

— Что?! — Она положила бутерброд на стол.

— Я же говорю: мы поссорились.

— Мама, вы периодически ссоритесь, — проговорила Иринка, — но потом радостно миритесь, и на этом все заканчивается.

— Мы разве когда ссорились с Павлом? — удивилась я.

— Да постоянно.

— Может, просто спорили?

— Может, — согласилась она. — Но какие-то споры у вас были... — Она задумалась, подбирая подходящее выражение. — Энергичные, что ли. Еще чуть-чуть — и уже квалифицируется как ссора.

Господи, слов-то откуда таких нахваталась?

— На этот раз все по-другому, — объявила я.

— Он что-то сделал? — поинтересовалась дочь.

Я невольно улыбнулась. «Он что-то сделал». А как еще она могла сказать? Ей всего пятнадцать. Она и выражает свои мысли как умеет. Хотя... «квалифицируется» тоже она сказала. У них в этом возрасте сплошная мешанина из детского и взрослого. Это не только слов касается, но и мыслей, поступков. Иногда с ней можно разговаривать как с той же Дашкой, а иногда как сорвется в детский лепет, даже не верится, что это один и тот же человек.

— Он что-то сделал, — медленно повторила я, не собираясь рассказывать ей всего. История о разноперой Вике нежному подростковому организму ни к чему.

— Зря он, — вздохнув, констатировала дочь.

— В смысле? — удивленно воззрилась я на нее.

— Ты, мамуль, ты только созрела, чтобы выйти за него замуж, ему нужно было на цыпочках ходить, а он прокололся.

Тонкое наблюдение. Не ожидала. Все потому, что она очень аккуратно посвящает меня в свой внутренний мир. Как я в свое время свою маму. Иногда мне смертельно хочется проникнуть в ее мысли и изучить их все, без остатка. А иногда... иногда я думаю: и слава богу, что мы друг для друга не полностью открытые книги, — мне кажется, так у нас больше шансов не надоест друг другу. Хотелось бы вот только знать, что означает этот ее вздох? Может быть... Внезапная мысль озарила меня.

Ребенку не хватает отца! Я редко об этом думала. Все же у меня не мальчик. Но как бы

то ни было — полная семья лучше неполной. Как я не сообразила? Все к себе прислушивалась, «хочу, не хочу», «нравится, не нравится», «наш человек, не наш человек», а у ребенка ни разу не спросила, может, ей позарез хотелось расти в нормальной семье. И у меня был шанс устроить ей это, а я взяла и собственными руками все разрушила. Подумаешь, какая-то Вика! Павел-то от нее отрекается. Ну, перетерпела бы я, переболела бы. Не ради себя. Не ради Павла. Ради Иринки.

— Ты хотела, чтоб я вышла за него замуж? — спросила я.

— Да не то чтобы... — несколькими короткими словами дочь развеяла мои опасения. — Думала просто, вот я вырасту, смоюсь куда-нибудь, а ты тут останешься одна-одинешенька... Вот. — Она скроила серьезную мордочку.

Я перевела дух и рассмеялась:

— Ну ты даешь!

А по всему телу разлилось приятное тепло. Черт, все-таки как здорово, что у меня есть Иринка! Мать я, конечно, бессистемная, но в этом хаосе, к счастью, не пропало главное — то зернышко, ради которого весь этот мир и крутится. Мы с ней просто любим друг друга. Безоговорочно. Без необходимости все время это доказывать. И как бы ни сложилось...

— Мусик, — прервала мои размышления Иринка. — Ты что-то такое лицо состряпала... — Она озабоченно покрутила головой.

— Какое? — вздрогнула я.

— Как в сериалах, — подумав, пояснила дочь. — Брови как у Пьеро из сказки, глазки поплыли. Больше так не делай.

— Не буду, — пообещала я. — Если это страшно, то не буду.

— Да не то чтобы страшно, — хихикнула дочь, — просто это вроде как не ты.

Бренда, лежавшая до этого под столом, выползла на свет божий и изучающе уставилась на меня. Ни за что не поверю, что она поняла, о чем мы говорили. Но, с другой стороны, вон, смотрит на меня, будто хочет удостовериться в том, что все именно так, как Иринка сказала.

— Кстати. — Дочь выпрямилась. — Чуть не забыла. Будем эту клушу вязать-то или нет?

Вопрос из вопросов. Бренде стукнуло два года. Самое время для материнства. Мы время от времени обсуждали эту проблему и до сих пор к единому мнению не пришли. Вроде и лишать ее этой радости не хотелось, но было как-то боязно. Вдруг что-нибудь пойдет не так, и мы, не дай бог, потеряем нашу любимицу.

— А ты сама-то что думаешь? — в который раз спросила я.

— Я уже думаю, — со вздохом ответила Иринка, — давай повяжем. А то вдруг, если она останется в старых девах, у нее съедет крыша. Жалко же.

«Съедет крыша» — за это надо ругать или нет? Я совсем запуталась. Наверное, не надо. Это ведь сленг. Как бы другой язык. А за заимствования из других языков я не ругаю. Вот «ихних» — это непотребно, и «красивше» — тоже беда. Пожалуй, так и сделаем. «Крыше» — зеленый свет.

— Ну, давай рискнем, — согласилась я. — А где жениха брать будем? Время не ждет. У нее скоро течка.

— Я уже все узнала, — оживленно доложила Иринка. — Сходила в клуб, мне там дали адреса женихов. Целую кучу. И еще фотки. Надо выбрать. Можно или сходить к ним, чтоб посмотреть живьем, или по фоткам отобрать, а потом уже идти.

— А ты как думаешь? — спросила я.

— Если будем ходить, а потом скажем, что вы вот нам не подходите, — задумчиво

продолжала Иринка, — им обидно будет. Они же думают, что их жених самый лучший, а мы им по носу.

— Да, — кивнула я, — мы ведь тоже считаем, что краше Бренды в целом мире никого нет.

— Тогда я сейчас принесу фотки и будем выбирать. — Иринка сорвалась с места и побежала в свою комнату.

Бренда потрусилась вслед за ней.

Жениха мы выбирали долго. Разложили на полу все фотографии и принялись медитировать над ними.

— Этот, — спустя некоторое время сказала дочь и ткнула пальцем в тигрового боксера с белой полосой посреди лба.

— Почему этот? — поинтересовалась я.

— Тебе не нравится? — нахмурилась Иринка.

— Просто я думала, мы хотим рыжего.

— Рыжие какие-то... — Иринка взяла в руки фотографии с рыжими претендентами и стала их разглядывать.

Мне тоже рыжие не приглянулись. Хотя, конечно, они все симпатяги, но когда выбираешь первого жениха для своей дитятки, то имеешь право немного попривередничать. Вот смешно, у Бренды может быть уйма женихов. Сколько вязок, столько и женихов. И ни одного мужа. И никого это не волнует. А перенеси это на человеческие отношения — что получится? Сплошная безнравственность, даже по нынешним временам.

— Нет, — вынесла окончательный вердикт Иринка. — Рыжим — отбой.

— Да, — согласилась я.

— Остаются тигровые. — Иринка пододвинула к себе оставшиеся фотографии.

— А щенки какими будут? — пробормотала я, вглядываясь в тигровых.

— Никто не знает, — глубокомысленно заявила дочь. — Может, все тигровые, может, все рыжие, может, вперемешку. А еще бывают белые.

— Белые? — удивилась я. — Белые боксеры?

— Редкость, — сообщила дочь. — Их всегда выбраковывали. Но у Бренды вполне могут завалиться «белые гены».

Мы дружно взглянули на Бренду. Та лежала в кресле, откуда и наблюдала за нами. У нее было большое белое пятно на груди. А ну как родит нам всех белых?

— И что делать с белыми щенками? — спросила я. — Если их выбраковывают...

Топить я не смогу. Увольте. Не та нервная организация.

— Это если заниматься разведением, — сказала моя всезнайка. — Мы же так, для себя...

— Их раздавать придется, — напомнила я ей.

— Думаешь, мы одни такие?

— Какие?

— Которые держат собаку просто потому, что любят. — И Иринка бросила умильный взгляд на Бренду.

— Будем надеяться, что не одни.

И будем надеяться, что Бренда не родит нам пятнадцать отпрысков. Девять — за глаза. А лучше пять-шесть.

— Ладно, — очнулась я. — За дело.

— Да, этот лучше всех, — решила Иринка, вытянув вперед руку с фото того самого, с белой полосой на лбу. — Что, будешь спорить?

Я внимательно посмотрела на фотографию.

— Не буду.

— Вот и классно! — Иринка вскочила и заплясала по комнате. — Бренда! Мы нашли тебе жениха!

Бренда распахнула свои ярко-коричневые глаза, лениво потянулась и села. «Ну, что там еще?» — было написано на ее мордахе. Иринка подскочила к ней и ткнула в нос фото Белолобого.

— Нравится?

Бренда осторожно обнюхала глянецовый снимок, подумала и лизнула его.

— Нравится! Нравится! — опять заплясала по комнате Иринка.

— Не обольщайся, — предупредила я. — Она же любит всякую химию, вот и лижет фотобумагу. А изображение она не понимает.

— Мусик! — Иринка остановилась и укоризненно посмотрела на меня. — Ты такая скучная в последнее время. Ну расслабься! Приколись!

Для меня нет страшнее диагноза, чем заключение моей родной дочери о том, что я стала скучной. Я выпрямилась, изобразила улыбку... Расслабься!

— Ой, — поморщилась Иринка. — Ужас. Лучше иди звони родителям жениха. Договаривайся, когда мы к ним придем на смотрины.

Видимо, номер с «расслабься» у меня не вышел.

— А разве не они ходят на смотрины к невесте? — спросила я.

— Это у людей, — пояснила дочь, — а у собак все по-другому.

И я отправилась звонить.

— Вау! — воскликнула дама, снявшая трубку, когда я сообщила ей, что мы желаем породниться с ними. — Это просто праздник какой-то! Костя, Костя, — позвала она кого-то, — тебе нашли невесту!

— Э-э-э... — я взволнованно задыхалась в трубку, — тут какое-то недоразумение...

Белолобый числился по документам Ханом.

— Мы его зовем Костей, — расхохоталась дама. — Ханом он нам достался по родословной. Нам не нравится.

— А-а-а... — промолвила я.

— Когда будем знакомиться? — деловито осведомилась дама.

— Когда вам удобно, — ответила я. — Мы с дочерью по вечерам свободны.

— Завтра, — предложила дама. — Зачем откладывать? В восемь. Как вам?

— Отлично, — отозвалась я. — Диктуйте адрес.

Наши будущие родственники жили в пяти автобусных остановках от нас.

— Близко, — заметила я Иринке, когда закончила разговаривать с веселой дамой.

— Я специально в клубе просила, чтоб поближе к дому, — сообщила она.

— Предусмотрительно.

— Ага, — кивнула дочь. Затем подошла к Бренде и погладила ее. — Поженим тебя. Будут у тебя дети. Ты станешь мамой. Я стану бабушкой. А ты, мусик, прабабушкой... Ой! — вздрогнула Иринка. — Какой ужас!

Вот уж действительно.

— Может, ей когти подрезать? — озабоченно спросила дочь. — И уши почистить?

— Валяй, — разрешила я. — И еще попу подстриги.

Бренда встрепенулась и возбужденно засопела.

Это было наше коронное развлечение — стричь попу у Бренды. Скажете, что там стричь, у гладкошерстного боксера-то? ТАМ и шерсти-то почти никакой нет. И вправду шерсти ТАМ было маловато. Но достаточно для образования двух симметричных завитков. Вот мы и подрезали на них по два-три волоска. Спросите, зачем? Исключительно ради того, чтобы доставить удовольствие Бренде. Как только она слышала, что ей будут стричь попу, она приходила в экстаз. В течение всей процедуры стояла почти не дыша, изогнувшись так, чтобы видеть, что именно происходит сзади, а после рысью неслась к зеркалу и, прижав попу к его поверхности и опять-таки изогнувшись дугой, пыталась рассмотреть результат. Я лично думаю, что ничего она в этом зеркале не видит, да и вообще мало что понимает во всем этом парикмахерском действе — просто она копирует нас с Иринкой. Я по часу дергаю себе брови, дочь по два часа красит глаза. И когда мы изучаем в зеркале, что же там в итоге получилось, — поверьте, выражение лиц у нас точно такое же, как у Бренды после пострижки попу. Хорошо, хорошо, у нее — морда. Сути это не меняет.

— Класс! — воскликнула Иринка, срезав по два миллиметра с каждого завитка. — Теперь ногти, — и, вооружившись специальными щипчиками, принялась подравнивать Брендины коготки.

— Справишься сама? — спросила я.

— Угу, — промычала дочь. — Ты уходишь, что ли, куда?

— Да нет, — ответила я, — надо бы почту проверить.

Почту проверить и написать кое-кому.

Совсем я не собираюсь сообщать моему лондонскому корреспонденту о последних событиях в моей жизни. Хотя теперь мы вроде бы друзья. А друзьям рассказывают о таких грандиозных событиях, как разрыв с бойфрендом. Но Дэвид ведь еще друг свежее испеченный. Непроверенный. И значит, не заслуживший полной откровенности. Хотя... мне кажется, откройся я ему, он отреагировал бы так, как надо. Не стал бы прессинговать, не стал бы расковыривать рану — просто посочувствовал бы... Или порадовался бы? За себя? Черт, всякая чепуха лезет в голову! Вообще-то я собиралась задать ему один вопрос. Мучает он меня уже не один день, да все рука не поднималась. А вот сегодня, похоже, рука во всеоружии.

«От: Katya Aleksandrova.

Кому: David Kurtis.

Отправлено: 30 июня 2006 г. 22.02.

Тема: Вопрос.

Привет!

Как дела? Не против, если я задам тебе один вопрос?

Ты сказал, что он тебе не понравился, — чем именно?

Кэтрин».

Кошмарное послание! Я сообразила это, когда уже щелкнула по кнопке «Отправить». Может, дослать вслед ему что-нибудь более пространное, повествовательно-извинительное? Чтоб он отнесся снисходительно к первому письму. Потому что очень хочется получить на него ответ. Зачем? Я не знаю. Просто хочу получить ответ, и все. Потом уже пойму, зачем он

мне был нужен и что с ним делать.

Следующий день ознаменовался двумя событиями. Одно из них уже стало для меня привычным. Я имею в виду звонок Павла, пытающегося подвигнуть меня на встречу. «Чтобы все обсудить», — в очередной раз сказал он. «Нет!» — в очередной раз отрезала я. «Ты ведешь себя как ребенок», — устало упрекнул он меня. Возражать не хотелось. Возражать — значит увязнуть в дискуссии, и кто знает, куда эта дискуссия может завести. Я просто попрощалась и повесила трубку. Сомнения в правильности того, что я делаю? Никаких. Я была на сто процентов уверена, что поступаю так, как нужно. Объяснить, откуда взялась эта уверенность, я не могла. Списала, как обычно, все за счет инстинкта самосохранения.

Вторым событием стал наш визит к сватам.

Ровно в восемь мы с Иринкой подошли к нужному подъезду и позвонили в домофон.

— Да? — спросил хриловатый мужской голос.

— Это по поводу Хана, — сообщила я.

— Открываю, — ответил мужчина, и домофон гнусаво запищал.

Иринка потянула на себя металлическую дверь.

— Заходи! — скомандовала она Бренде.

Та вошла в подъезд неохотно. Оно и понятно — там изрядно пованивало котами.

Мы поднялись на третий этаж.

— Дети, дети! — услышали мы женский голос. — Скорее! Они уже тут!

Дверь в квартиру номер двенадцать была распахнута. В проеме стояла маленькая плотная брюнетка и широко улыбалась.

— Здравствуйте! — закричала она. — Я — Оксана.

— Здравствуйте! — как под гипнозом завопили мы с Иринкой.

Бренда тихо твякнула.

— Проходите! — Оксана отступила в глубь квартиры.

Мы последовали за ней.

Взорам нашим открылся длинный коридор, тесно заставленный мебелью и спортивным инвентарем. Одна из дверей, выходящих в коридор, вела в гостиную. Оттуда выглядывало... раз, два... три коротко стриженных головы.

— О! — протянула Иринка.

— Мальчики! — торжественно обратилась к головам Оксана. — Идите поздоровайтесь.

Трое пацанов в возрасте примерно от семи до двенадцати чинно построились перед нами.

— Витя, — махнула рукой Оксана в сторону старшего. — Миша. — Это, видно, средний. — И Николаша. — Она погладила по голове младшенького.

— Смело, — не удержалась я.

— Это вы о том, что трое? — рассмеялась хозяйка.

Я кивнула и наклонилась, чтобы снять мокасины.

— Что вы! Что вы! — испугалась она. — Ни в коем случае! Так проходите.

Она наклонилась и сладким, как малиновое варенье, голосом пропела:

— А это наша рыбонька-а-а!

«Рыбонька» плюхнулась на зад и изумленно воззрилась на Оксану. После привычных ей «коровы», «жучки» и «мерзавки» «рыбонька» звучала диссонансом. Мы с Иринкой

переглянулись. «Странная она какая-то, эта дама», — читалось в дочерином взгляде. «Да ладно тебе», — подмигнула я ей.

Мы прошли в гостиную и были торжественно усажены в кресла. Оксана села напротив нас, пацаны рассыпались по комнате, смущенно подхихикивая и пряча глаза.

— А где?.. — Иринка изобразила на лице улыбку.

Действительно. В конце концов, нас интересует Белолобый.

— Сейчас муж приведет его, — сообщила Оксана. — Закрыли в другой комнате, чтобы он вас не затоптал.

— Да нас-то, — пренебрежительно фыркнула Иринка, — этим не запугаешь. У нас у самих такая же.

Бренда, сообразив, что речь идет о ней, сделала лицо из серии «ничего-не-слышу-ничего-не-знаю».

В коридоре послышалась возня, и через мгновение в комнату ворвался ОН. Белолобый. Хан. В просторечии Костя. Почему, кстати, Костя? Надо бы спросить.

За Костей появился мужчина среднего роста, лысый, с круглым брюшком. Муж Оксаны. Отец пацанов.

— Здравствуйте, — улыбнулся он.

И споткнулся о Костю, застывшего в дверях. Тот стоял и не сводил глаз с нашей Бренды.

— Понравилась, понравилась, — возбужденно зашептала Оксана.

— Может, он просто насторожился из-за того, что видит чужого в доме? — тоже шепотом предположила я.

— Не-ет, — протянула она уже нормальным голосом, — я его знаю. Понравилась, да, Костюша?

Дурдом какой-то. По-моему, Оксана просто помешана на своем Хане.

Костя переступил с ноги на ногу. Бренда лениво оторвала зад от пола и медленно двинулась к нему. Вот холера. Понимает, что к чему. Иринка тихо захихикала. Меня тоже подмывало рассмеяться, но, бросив взгляд на хозяев, я на время воздержалась от столь бурного проявления чувств. Хозяева же переживали происходящее предельно серьезно. Ели глазами собак, ловя каждое их движение.

Бренда тем временем добрела до Кости и застыла перед ним со скучающим выражением на морде. Костя дернулся, высоко вскинул тяжелую голову и сверкнул глазами. Бренда обернулась и посмотрела на меня: мол, и что дальше?

— Ну, не знаю! — взмахнула я рукой. — Вы хоть бы познакомились.

Бренда насупилась и, отвернувшись от меня, вытянула морду, понюхала воздух около Кости. Тот вздрогнул всем телом, подпрыгнул на месте и, сделав разворот на сто восемьдесят градусов, оказался к Бренде задом.

Я не выдержала и все-таки расхохоталась. Жених называется. Хотя у собак все наоборот. У них если поворачиваешься задом, значит, оказываешь высочайшее доверие.

Бренда, надо сказать, оценила такой жест. Подошла поближе, и собаки принялись обнюхивать друг друга.

— Ура, — пробормотала Иринка, — наконец-то. А то я думала, они так до ночи будут церемониться.

— Понравились, понравились, — перешептывались хозяева.

— По-моему, тоже, — высказалась я.

— Может, чаю? — предложила Оксана.

— А с чем у вас чай? — осведомилась Иринка.

— Эй! — одернула я ее.

— Что вы, что вы, все нормально, — сказала Оксана и убежала на кухню.

Собаки выскочили вслед за ней.

— Куда это они? — всполошилась я.

Муж — между прочим, его никто нам не представил — выглянул в коридор и сообщил:

— Похоже, он ей свои владения показывает.

— Круто, — заметила Иринка.

— А вас как зовут? — спросила я мужа.

— Кит.

— Э-э-э? — озадачилась я.

— Никита, — пояснил он.

— А-а-а, очень приятно.

— Пойду помогу благоверной, — объявил Никита и вышел из комнаты.

Мальчишки потянулись за ним.

— Ну что? — взглянула я на дочь.

— Нормально, — пожалала она плечами. — Сумасшедшие немного, но нам-то что? Даже прикольно.

Я усмехнулась. Встала и прошлась по комнате. Везде порядок. Ни пылинки. Стекла в шкафах сияют. Наверное, Оксана не работает.

— Чай! — объявил Никита, втаскивая в комнату тяжеленный поднос с чашками и разнокалиберными вазочками.

— А где бобики? — поинтересовалась Иринка.

— На кухне, — ответил Никита, сгружая с подноса на стол чайные принадлежности.

— Что делают? — спросила я.

— Ваша девушка трескает, а наш парень смотрит на нее.

— Что трескает? — Я изумленно уставилась на Никиту.

— То, что Костя в обед не доел.

— Вот Жучка! — завопила Иринка, вскочила с кресла и унеслась на кухню.

— Что такое? — удивился Никита.

— Жиреет, — пояснила я. — Мы ее на урезанный рацион посадили. Сегодня она уже свою норму выбрала.

— Вот хитрюга! — рассмеялся хозяин. — Такими глазами смотрела! Жена подумала, что она еще не ужинала.

— Насчет глаз — это они мастера, — заметила я.

— Что верно, то верно.

— Мусик! — вдруг услышала я. — Иди сюда.

— Пардон, — извинилась я перед Никитой и пошла на кухню.

На кухне Иринки, однако, не было. Бренда уже покончила с трапезой и теперь выпрашивала у Оксаны печенью.

— Не давайте, — предупредила я.

— Не буду, — пообещала Оксана. — Хотя и трудно устоять перед таким взглядом.

— А где моя дочь?

— Наверное, в нашей спальне.

— В спальне? — удивилась я.

Боже мой, что Иринке там понадобилось?

— Мама, — возбужденно зашептала дочь, когда я заглянула в хозяйскую спальню, — смотри...

— Что ты тут делаешь? — накинулась на нее я.

— Смотри, смотри. — Иринка ткнула пальцем в картину, висящую на стене.

Я прищурилась и увидела... портрет Кости, то бишь Хана, размером 60 на 70. Написанный маслом!

— Ошизеть! — выдохнула я.

— Правда? — Иринка замороженно рассматривала полотно. — Гляди, здесь подпись художника. Значит, не сами рисовали, а заказывали. Я говорю, они немножко того.

— Просто они сильно любят его, — поправила я ее.

— Мусик, мы тоже Бренду сильно любим, верно ведь? — перебила меня Иринка.

— Верно, — согласилась я.

— Но ведь портретов не заказываем.

— Не заказываем.

Мы немного помолчали.

— Да она бы долго и не высидела, — проговорила Иринка.

— Где не высидела бы?

— На этюдах или как это называется?

— А он, может, тоже не сидел. Отдали фотографию, по ней и нарисовали.

— Все равно крутешник, — резюмировала Иринка.

— Не то слово. Пошли. Неудобно.

Чай был отменным. И плюшки к нему.

— Сами печете? — поинтересовалась я у Оксаны.

— Конечно, — рассмеялась она.

— Когда успеваете? — восхитилась я.

— Я же не работаю...

Ну вот, а я что говорила!

— И когда теперь у нас событие? — встрял в разговор Никита.

— Какое событие? — спросила Иринка.

— Как какое? — Он махнул рукой в сторону собак, которые расположились рядом с Оксаной.

— А-а-а, это, — поняла Иринка. — Точно не знаем, но примерно недели через две.

— Отлично, — обрадовался Никита. — Как раз вернемся от родителей.

— То есть вы не против? — уточнила я.

— Конечно, не против, — подтвердила Оксана. — Даже очень за.

— Классно! — воскликнула Иринка. — Мы вам сразу позвоним.

— Запишите еще мой мобильный. — И Оксана продиктовала номер трубки.

— А вы нам щеночка дадите? — робко спросил Миша.

— Дадим, — ответила Иринка. — Вы первые придете выбирать.

Мальчишки зашептались.

— Будете сами роды принимать? — поинтересовался Никита.

— Что вы! — замахала руками я. — Боимся. Пригласили девушку из клуба. Она...

Звонок в дверь прервал меня.

— Открою. — Никита жестом остановил Оксану, уже начавшую было подниматься,

встал и вышел в коридор.

— Привет, — донесся до нас звонкий женский голос. — Ну как? Пришли?

— Ага, — ответил Никита, — проходи.

— Ну, как невеста? — спросила девушка.

— Красотка, — ответил Никита, входя в гостиную.

— Ой! — воскликнула девушка.

Я подняла глаза. В дверях стояла Вика.

— Ой, Викуся! — восторженно вскричала Оксана. — Привет!

— Привет, — замороженно ответила Вика, делая шаг вперед.

— Это Викуся, — повернулась ко мне Оксана, — моя сестра.

Сестра? Я чуть не поперхнулась чаем от удивления. Впрочем, они же не близнецы — почему бы им не быть разными? Одна, к примеру, пошла в матушку, вторая — в отца...

— Сводная, — добавила Оксана.

А! Тогда совсем понятно. Я кивнула, не сводя глаз с Вики. Интересно, у нее хватит мозгов сделать вид, что мы не знакомы, или она их все израсходовала, принимая решение, в какие цвета выкрасить свои волосы?

— А это Катя и ее дочь Иришка, — представила нас Оксана.

— Очень приятно, — прошелестела Вика.

Я перевела дух. Хорошо. Теперь можно надеяться на то, что мы спокойно допьем чай и спокойно выйдем из этого дома. Нет, но какова ирония судьбы? Куда ни плюнь — везде Вика. Хотя... Я несправедлива. Единственное совпадение. С кем не случается. Даже в нашем пятимиллионном городе.

— Нам тоже, — брякнула Иринка, настороженно глядя на Вику.

У Иринки точно есть радар — он очень четко реагирует на все колебания моего настроения. Вот она уже заподозрила что-то. Потом будет приставать с вопросами. Придется ей все рассказать. Не врать же, что мы с Викусей вместе кофточки примеряли в «Мехх».

Собаки дружно подошли к Вике и дружно обнюхали ее. Костя лизнул ее ладонь, демонстрируя, что видит не в первый раз, Бренда равнодушно отвернулась.

— Садись, — подтолкнул Вику в спину Никита. — Чайку тресни.

— Да я вроде не хочу, — начала отнекиваться Вика.

На лице ее было нарисовано страдание. Что это с ней? У нее же все хорошо. Павел достался ей практически без каких-либо усилий. Она ведь собиралась бороться за него до победного конца, а он свалился ей в ладошки готовеньким и даже ничуть не поврежденным. Радовалась бы. А ей, похоже, не сладко. Или она из искательниц острых ощущений и способна наслаждаться жизнью только в пылу битвы?

— Да вот еще! — воскликнула Оксана. — Садись и все тут!

И Вика села. Лепетала что-то про свою работу (она все-таки работает). Про свои успехи (она все-таки не совсем дура). Про курсы французского языка (удивлена, удивлена, признаюсь). Про сумочку, которую видела на Сенной (а вот это я как раз от нее ожидала). Не подумайте, что все это она вываливала на нас по собственной инициативе — если бы не Оксана, терзающая ее вопросами, Викуся просидела бы все это время молча. Иринка зацепилась за ее рассказ о сумочке, и они надолго зависли на этой теме, обсуждая, что там сегодня в этом сумочном мире актуально.

— А сколько ей лет? — рискнула спросить я Оксану, когда мы понесли грязные чашки на кухню.

— Вике? — Оксана улыбнулась. — Двадцать девять.

— Ого!

— Не выглядит, да?

— Не выглядит, — признала я.

Это от отсутствия мозгов. Те, что с мозгами, — те всегда на свои годы смотрятся.

— Замуж пора, — вздохнула Оксана, составляя чашки в посудомоечную машину. — А она влюбилась в какого-то женатого...

Женатого?

— ...а он из семьи уходить не хочет. Ну, вы знаете, как это обычно бывает. — Оксана озабоченно нахмурилась.

Я на всякий случай кивнула.

— Ну вот, — продолжала она, закрывая машину, — а Викуся страдает. Бедняжка.

— Э-э-э...

Я чуть не брякнула, что Викусин избранник свободен как ветер в чистом поле, но вовремя прикусила язык. Я же вроде как с ней незнакома.

— Сколько девушек на эту удочку попадают, — опять вздохнула Оксана.

Я непонимающе уставилась на нее:

— То есть?

— Ну, с этими женатыми. Причем Викусин сразу честно сказал, что несвободен, а она все равно... Надежда... Оксана покачала головой, — такая ловушка...

Надежда — такая ловушка. Точнее не скажешь. Чего бы ни коснулось. Стоит только позволить надежде поселиться в твоём сердце, как она моментально обосновывается там, вскоре начинает чувствовать себя как дома, и выселить ее уже нет никакой возможности, даже когда ты уже понимаешь, что жилища эта тебе в тягость.

— Мама, — в дверях кухни появилась Иринка, — нам не пора?

— Конечно, — спохватилась я.

— Да посидите еще, — предложила Оксана.

— Спасибо, — вежливо ответила Иринка, — но нам надо зайти еще в одно место.

Я удивленно взглянула на нее, но промолчала. Может, нам действительно надо «зайти еще в одно место», да я об этом забыла.

— Бренда, — обратилась я к прибежавшей на наши голоса собаке, — прощайся с женихом. Мы уходим.

Бренда рысью рванула... к входной двери, схватила с полочки свой поводок и загарцевала по прихожей.

— Вот нахалка! — рассмеялся Никита, выглянувший из гостиной. — Наплевала на жениха.

— Она такая, — заметила я. — Продаст всех за возможность поесть и погулять.

— Наговариваете на нашу рыбоньку, — запела Оксана, наклоняясь к Бренде. — Правда, да?

Бренда застыла на месте и наморщила лоб. Опять переваривает «рыбоньку», подумала я, и не знает, как на это реагировать. Так ни до чего не додумавшись, Бренда опять заскакала по коридору.

— Стой! — приказала ей Иринка.

Схватила собаку за ошейник и ловко прицепила к нему поводок.

— Спасибо за чай, — сказала я.

— На здоровье! — хором ответили хозяйева.

Симпатичная семья. Вот если бы не Вика...

А та стояла в дверях гостиной и молча улыбалась. Рекламной улыбкой. Это когда губы и зубы улыбаются, а глаза стоят на месте.

— До свидания, — произнесла Иринка, открывая дверь.

— До свидания, — повторили хозяйева.

— До встречи, — добавила я.

Иринка с Брендой вылетели на лестничную клетку. Костя посмотрел вслед стремительно умчавшейся невесте и перевел взгляд на Оксану. В глазах его плескалось изумление напололам с обидой.

— Женщины, — пожалала я плечами. — Что с них взять.

Никита рассмеялся. Я кивнула на прощание и вышла. Дверь мягко захлопнулась за мной.

Ура! Чаепитие в обществе Вики меня изрядно утомило. Честно сказать, я просто боялась проболтаться. Не хотелось усложнить наши отношения с будущими родственниками Бренды. Тем более из-за какой-то девицы, ничем не примечательной, если не считать длину ног и роскошные волосы...

— Пойдите! — вдруг услышала я.

Подняла голову и увидела пресловутую девицу, быстро спускающуюся по лестнице.

— Пойдите, — повторила она. — Нам надо поговорить.

— Нужно, — поправила я.

— Что? — Вика в недоумении застыла.

— Вместо «надо», — назидательным голосом сказала я, — лучше говорить «нужно».

— А-а-а. — И она послушно повторила: — Нам нужно поговорить.

— Мне не нужно, — ответила я и продолжила спуск.

— Но мне-то нужно! — с ноткой истерики в голосе объявила Вика и, стуча своими танкетками, последовала за мной.

— Ваши проблемы, — холодно бросила я.

О чем мы с ней могли разговаривать? О Павле. О Павле я не хотела.

— Ну пожалуйста. — Вика забежала вперед, остановилась на пару ступенек ниже меня и, молитвенно сложив на груди руки, уставилась на меня.

Вот только сейчас я заметила, какая у нее грудь.

Конечно, я всегда защищала Павла от Дарьиных нападков, но сейчас готова была согласиться с тем, что она повторяла неустанно на протяжении всех трех лет наших взаимоотношений с ним, — примитивные существа эти мужчины, и Павел в том числе. Почему для связи на стороне — а его «дружбу» с Викасей можно назвать именно так, я все-таки была переее ее — он выбрал длинные ноги, лазоревые глаза, пышные волосы и грудь как у Сальмы Хайек? Слабо было завести себе вторую даму мышкообразного вида, узкую и плоскую, как доска? А еще мнит себя яркой индивидуальностью.

— Пожалуйста, — повторила Вика слабеньким голоском.

— Мусик! — вдруг завопила снизу Иринка. — Ты где? Мы тут тебя ждали. — И спустя мгновение она вместе с Брендой вознеслась на площадку между первым и вторым этажом, на которой стояли мы с Викой.

— Ой! — удивилась Иринка. — Что это вы тут делаете?

— Отпустите его, — выпалила Вика. — Отдайте.

— О ком это она? — поинтересовалась Иринка.

— О Павле, — вздохнула я.

— О-о, — протянула дочь, — я так и знала, что здесь не без подвоха.

— Ты о чем это? — спросила я, игнорируя Викин вскрик.

— Она когда вошла, у тебя такое лицо сделалось... — пояснила дочь. — Как будто ты съела гадость какую-то. Я сразу поняла, что ты ее откуда-то знаешь.

— Спасибо, что промолчала.

— Да не за что, — пожала плечами Иринка. — Так вы что, тут разбираться будете или пойдём?

— Пойдем, конечно, — ответила я. — Я ни с кем не собираюсь разбираться. Кстати, куда это нам нужно зайти?

— Да никуда, — беззаботно бросила Иринка. — Ничего другого не могла придумать, чтобы вежливо удалиться.

— А-а-а. — И я шагнула вперед.

— Нет! — Вика загородила мне дорогу. — Давайте закончим.

— Ладно, — буркнула Иринка, — заканчивайте, а мы с Брендой подождем тебя на улице.

Она повернулась, дернула собаку за поводок, и они побежали вниз.

— Закончим что? — спросила я Вику.

— Разговор.

— Ну, заканчивайте, — устало предложила я.

Может, так она и окрутила Павла? Вцепилась, как клещ, и держала, пока он не сдался от усталости? Как я, внезапно мелькнула мысль. Он взял меня измором. Она его. И так по цепочке — весь мир. Бред. Я тряхнула головой, чтобы отогнать эти мысли.

— Отпустите его, — повторила Вика.

— Я его не держу.

— Держите.

— Да нет же! Я его уже больше недели не видела.

— Правда? — Она смотрела на меня с удивлением.

— Правда.

— Тогда я ничего не понимаю, — растерянно пробормотала она.

— А что? — спросила я. — У вас-то как?

— Никак. — В ее голосе проскользнула слеза.

— В каком смысле никак?

— Он отказывается со мной встречаться, — проямлила Вика. — Не всегда даже на звонки мои отвечает. Игнорирует.

— А что говорит при этом? — заинтересовалась я.

Все это было для меня неожиданностью. Вот здесь Павел отступил от нормы. По логике, едва только получив свободу, он должен был быстрее ветра нестись к этой девушке. А он не несся. Мало того, девушку эту третировал.

— Ничего не говорит, — достав носовой платок и фыркнув в него, ответила Вика. — Говорит, не мешай мне разобраться, что почем. Я думала, это вы его не отпускаете.

— Да нет, — усмехнулась я. — Я сразу его отправила куда подальше. Прямо после твоего визита.

— Правда? — сквозь набегающие на глаза слезы улыбнулась Вика. — А почему? Вам

что, так противно стало?

Я невольно рассмеялась. Двадцать девять лет. А как дитя. С ума сойти. Я не была такой в двадцать девять. Правда, у меня уже имелась восьмилетняя Иринка — это обязывало.

— Не важно почему. — Я ушла от ответа, в конце концов, ей я ничего не обязана объяснять.

И ей, и всем остальным. Даже Павлу. Но, положив руку на сердце, хотелось бы объяснить это самой себе. На сегодняшний день было у меня несколько версий объяснений моего поведения, но отчего-то казалось, что все они надуманны и не стоят того единственного, которое верно. Рано или поздно я найду его. Или оно меня.

— Но почему тогда он так со мной? — Вика смотрела на меня, как первоклашка смотрит на свою первую учительницу, надеясь, что вот сейчас в мгновение ока эта богиня объяснит ему все тайны мироздания. — Если вы его не держите, то он должен радоваться...

Но не радуется... Мужчина переживает из-за разрыва со мной. Мается, отказывается от такой сногшибательной девицы... Мне должно быть лестно. Я прислушалась к себе — тишина. Мне все равно. Я вдруг почувствовала некоторую растерянность. Что же получается? Я не страдаю оттого, что Павел мне изменял. Я выгоняю его. Легко и непринужденно. Не испытываю никакой потребности выяснить все до конца. И мне абсолютно все равно, что он переживает в эти мгновения. Женщина может вести себя так только тогда, когда мужчина, о котором идет речь, ей совершенно безразличен. И сейчас безразличен — поэтому нет страдания, и всегда был безразличен — поэтому плевать на его головную боль.

Но как тогда получилось, что этот совсем не нужный мне мужчина был рядом со мной столько времени? На черта все это было нужно?

— Почему он меня игнорирует? — продолжала стенать Вика.

— По Пушкину, — пробормотала я.

— Что? — удивилась она.

— Классику читаешь? — усмехнулась я.

— Ну, так... — неопределенно ответила она.

— «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», — процитировала я.

— И что? — В глазах Вики застыло напряжение.

— Ты вешаешься на него, — терпеливо объяснила я, — значит, ты — легкая добыча.

Вот он тебя и не ценит.

— А-а-а... — начала соображать Вика. — Значит, мне самой надо его вроде как не замечать, да?

Я пожала плечами.

— Я как-то не подумала, — продолжала Вика. — Здорово! Надо попробовать.

— Валяй, — улыбнулась я. — Все? Мы закончили?

— Ну да, — с некоторой запинкой ответила она. — Как бы закончили.

И отошла в сторону, пропуская меня. Я стала спускаться. Вика шла за мной.

— Он вам точно не нужен? — спросила она, когда мы вышли из подъезда.

Вот прилипла! Я молча взглянула на нее.

— Все, все, — замахала она руками, — я вам надоела. Все, я пошла. До свидания. — И она поскакала на своих танкетках по двору.

— Красивая. — Иринка подошла ко мне.

— Красивее меня? — глядя вслед Вике, спросила я.

— Мусик, — суровым голосом проговорила Иринка, — во-первых, нужно говорить не «красивее», а «краше». Во-вторых, ответ на твой вопрос: ха-ха-ха! — Она дернула собаку за поводок и потребовала: — Бренда, скажи свое веское слово.

Бренда задрала голову и завертела задом. «Ха-ха-ха! — говорил зад. — Какие такие Вики, когда наш мусик — самый красивый в мире!»

— Ну, тогда пошли домой, девчонки, — позвала я.

Дэвид Кертис молчал. А собственно, почему он должен отвечать на мои дурацкие вопросы?

— Не могу поверить, что ты его бросила! — Мама сокрушенно качала головой. — Как же так! — восклицала она, страдальчески кривя рот и всплескивая руками.

Вот оно и состоялось — объяснение с мамой. Мы сидели у меня дома, на кухне, и вели изматывающую дискуссию. Рано или поздно это должно было случиться. Все последние дни я постоянно думала о том, как бы преподнести новость о разрыве с Павлом родителям. Причем папина реакция меня беспокоила меньше, чем мамина. Папа, я знаю, спокойно выслушал бы меня и спросил бы: «Ты считаешь, что так тебе будет лучше?» — и вполне удовлетворился бы моим «да». Маме же этого было бы недостаточно. Ей подавай подробности. Все мы, женщины, такие. Но ведь и на самом деле, весь смысл — в деталях.

Так все и произошло. Мама принялась докапываться до самой сердцевины. И выяснила, что разрыв — моих рук дело. Что Павел бился за урегулирование ситуации, а я сделала, как говорит Иринка, «козью морду» и заявила: «Нет, нет, нет!» Впрочем, мама знала об этом еще до нашего с ней разговора. Откуда? Угадайте с трех раз.

Павел. Доложился. В очередной раз звонил ей по поводу переводов с немецкого (разбогател на швейцарских партнерах) и сообщил, что у нас не все гладко.

— И как он тебе это сказал? — спросила я, изрядно удивленная.

Одно дело, когда он плакался насчет Дэвида — это ведь так, мелочишка. Но сейчас речь шла о важном. Можно сказать, судьбоносном. И вот он ничтоже сумняшеся оповещает маму о наших делах.

— Ну... — задумалась мама, вспоминая, — у нас, говорит, с Катюшей проблемы...

— Вот так прямо и сказал? — усмехнулась я. — «Проблемы»?

— Послушай, ласточка моя, — ответила мама, — я точно не помню.

— Жаль. Это было бы интересно.

— Что именно? — спросила мама.

— То, какими словами он обозначил наши «проблемы».

— «Я, конечно, виноват», — добавил он, — продолжила вспоминать мама, — «но я готов вымаливать у нее прощение, а она, к сожалению, не идет на диалог».

— Почему это не иду? — возразила я. — Иду. Просто отвечаю не то, что он хочет услышать.

— Уперлась, как маленькая, — покачала головой мама. — Зачем?

— Мама, — вздохнула я, — он сказал тебе, что произошло?

— Нет.

— Вот видишь.

— Небось сходил налево? — предположила мама, наливая себе очередную порцию кофе.

— Сходил, — кивнула я.

— И что?

— Ты спрашиваешь «и что»? — Я изумленно воззрилась на нее.

— По-моему, — она пожала плечами, — для мужчины это более чем естественно.

— Да? — вскинулась я. — Папа что, тоже ходил налево?

— Ходил, — спокойно ответила мама, отпивая кофе.

— Что?! — Я остолбенела.

Папа?! Налево?!

— Про один раз точно знаю, — сообщила мама, слегка улыбаясь. — Ты тогда школу заканчивала...

— Мама! — перебила ее я.

— Что «мама»? — вздохнула она. — Это естественно, что бы там все ни говорили.

— И ты?..

— И я сделала вид, что ничего не знаю.

— Ради какого удовольствия?

— Ради тебя, конечно.

— А! — воскликнула я. — Вот видишь! У меня-то такой проблемы нет.

— У тебя такой проблемы нет, — согласилась мама. — Но все равно, не торопишься ли ты, дочь?

— Не тороплюсь, — буркнула я.

Нет, но папа! С ума сойти!

— В таких делах нужно все хорошенько обдумать, — посоветовала мама.

— В каких делах?

— Вы уже три года вместе и вдруг трах-бах! Ты все рушишь в мгновение...

— Мама! — Я смотрела на нее с изумлением. — Я рушу? О чем ты?

— Он — ошибся, а ты — рушишь. Он же готов извиниться.

— Он уже извинился.

— И что?

— И ничего. Мне его извинения неинтересны.

— Торопыга, — вздохнула мама. — Всегда такой была. Уже все решила, уже перерешивать не будешь.

— Не буду, — подтвердила я.

— Беда, — опять вздохнула мама.

— Ну почему сразу беда? — застонала я. — То, что он тебе всегда нравился, не означает, что...

— Он мне никогда не нравился, — огорошила меня мама.

— Как это не нравился? — оторопела я. — Ты всегда говорила...

— Что я говорила? — прищурилась мама.

— Ну... — Я порылась в памяти.

А действительно, не было такого, чтоб она пела дифирамбы Павлу. Алька с Ниной — те пели, а мама никогда.

— Вот именно, — кивнула мама, правильно истолковав мои колебания. — Он мне не нравился. Не спрашивай почему — я не знаю. Но это не имеет значения. Если он тебя устраивал, то мое дело — сторона. А он тебя устраивал, иначе ты непустила бы его в свою жизнь. Ведь так? Я тебя знаю — ты у нас порой такая упрямецка...

Я молчала. Вот так сюрприз! Маме Павел не нравился. А я ведь, честно говоря, только из-за мамы...

Я помню отлично, как это было. Он меня добивался уже какое-то время. Я ломалась. Не из каких-либо тактических соображений, а просто потому, что не могла понять, что мне с этим подарком судьбы делать. Все говорили: надо брать. Во-первых, потому, что само идет в руки. Во-вторых, потому, что то, что идет, весьма и весьма. То есть в наше время не то что на дороге не валяется, а даже с фонарями такое еще надо бы поискать. Справедливости ради

надо сказать, что мамы среди этих советчиков не было. Но мне казалось, что она с ними заодно, что Павел ей нравится, и не лезет она со своими репликами только лишь потому, что у нас с ней не принято обсуждать мою личную жизнь. Вот я и подумала: а почему бы и нет? Родители будут рады. Они всегда сильно переживали из-за моего одинокого статуса. Я смеялась, говоря, мол, о каком одиночестве может идти речь, коли у меня Иринка, однако они этих шуток никогда не подхватывали, отмалчивались. Значит, переживали. А тут Павел. Дай, думаю, сделаю приятно всем. Он ведь отличный мужик. Просто не для меня. Но это ведь обнаружилось не сразу. Так что поначалу было приятно всем. Мне — вдвойне оттого, что я видела, как обрадовались родители. А они, оказывается, не радовались, а лишь изображали радость, думая, что делают приятно мне. Вот такая ерунда.

Получается, что все было напрасно. С ума сойти! А сколько вообще было в этой жизни принято разных решений по таким же ложным соображениям? Не потому, что мне самой этого хотелось, а потому, что не хотелось никого расстраивать, или потому, что так принято, или потому, что невозможно было назвать веских причин, почему это делать не нужно. И вот мне уже тридцать шесть, а я впервые об этом задумалась. Печально...

— Новое — это ведь просто новое, — задумчиво проговорила мама. — Оно не обязательно лучше. И разрушать из-за него старое, я думаю...

— О чем это ты? — перебила я ее.

— О твоём англичанине.

— Он-то тут при чем? — разозлилась я. — Что вы все к нему привязались? И потом, он — новозеландец.

— Не важно. Но, Катюшка, посуди сама: ты съездила в Данию, познакомилась там с этим молодым человеком, вернулась, и все пошло наперекосяк.

— Мама, — вздохнула я, — рассказываю: у Павла целый год была девушка под названием Вика. Ноги от ушей, глаза на пол-лица, грудь невиданной красоты. Теперь скажи мне, пожалуйста, при чем тут мой знакомый?

— Целый год? — Мама удивленно смотрела на меня.

— Да. Это меняет дело?

— Не знаю... — растерянно протянула мама. — Конечно, это не просто заход «налево»... Но, смотри, — спохватилась она, — он же готов вымалывать прощение. Значит, эта Вика — просто так.

— А я не просто так? — усмехнулась я.

— Думаю, что нет.

— А почему я должна быть в этом уверена? — устало спросила я.

Мама наклонилась ко мне и ласково погладила меня по руке.

— Ужасно все это, да?

— Ужасно, — подтвердила я. — А ужаснее всего то, что вы все уговариваете меня сделать то, что для меня сейчас абсолютно противоестественно.

— Удивительно, — задумчиво произнесла мама, — понадобилось одно лишь мгновение, чтобы ты так переменилась к Павлу. Так не бывает, Катюш.

Согласна. Удивительно. Не бывает. Но ведь случилось.

Дэвид отозвался лишь на четвертый день после того, как я отправила ему мой идиотский вопрос, но совсем не для того, чтобы ответить мне.

«От: David Kurtis.

Кому: Katya Aleksandrova.

Отправлено: 4 июля 2006 г. 15.46.

Тема: Просьба.

Привет, Катерина.

Так тоже можно тебя называть? Выбери уже, как тебе больше нравится, и напиши мне об этом. Чувствую себя немного неловко, но я с просьбой. Не могла бы ты помочь моему другу Нику, который едет в Петербург, осмотреться в вашем городе?

Как вообще дела? Что решила насчет Москвы?

Береги себя.

Дэвид».

Я в недоумении перечитала письмо. Что это значит? Почему он проигнорировал мой вопрос? Может быть, он пишет мне сейчас с другого электронного адреса? У него ведь их несколько. Я проверила — нет, Дэвид отправил свое послание с того имейла, на который я заслала мой вопрос. Не хочет отвечать? Так бы и написал. Он не похож на человека, который будет ходить вокруг да около. Ничего не понимаю. Но спрашивать его об этом не буду. Но что за ерунда с этим другом? «Осмотреться» — что это значит в Дэвидовом понимании? Может, Ник этот будет как Кошкина — «я к вам пришел навеки поселиться». И какая мне с этого радость? Сделать приятное Дэvidу? Я задумалась. Обвела взглядом комнату. Нет, извините, но второго гостевого нашествия мне в этом сезоне не пережить. Надо поискать этому Нику гостиницу. Хотя... Белые ночи еще не закончились. Не как природный феномен, а как туристский сезон. Боюсь, что с гостиницами меня ждет полный облом. Впрочем, для начала надо бы узнать, когда именно этот друг свалится мне на голову. Все же Дэвид — молодчина. Не начинает сразу грузить подробностями, а сначала испрашивает разрешение. Все верно. А вдруг я скажу «нет». Тогда Нику придется «осматриваться» без посторонней помощи. А вот таких, как Кошкина, подобные мелочи не беспокоят. Любопытно, что же подразумевается под словом «осмотреться»? Надо бы уточнить, прежде чем давать какой-либо ответ. Насчет «какого-либо ответа» я лукавила сама с собой — ясно же, что соглашусь возиться с этим Ником. Неудобно отказать.

«От: Katya Aleksandrova.

Кому: David Kurtis.

Отправлено: 4 июля 2006 г. 20.56.

Тема: RE: Просьба.

Привет.

Спасибо, что еще помнишь обо мне. Если честно, то я предпочитаю простенькое «Кэт», если ты не против.

«Помочь осмотреться» — это что надо будет делать?

Будь здоров.

Кэт».

Первая фраза призвана была напомнить ему о моем послании. Эдакий щелчок по носу. Однако усилия мои оказались напрасными. В ответном послании Дэвид был краток и писал лишь о предстоящем путешествии Ника в мой родной город. Выяснилось, что от меня требуется всего лишь подсказать, где и что в этом городе находится (уфф! честно сказать, я с облегчением перевела дух). Ну и, может быть, дать кое-какие комментарии по поводу нюансов российской действительности, чтобы ничего трагического с Ником не случилось. Жить он будет в гостинице, которую ему забронировала его фирма. Не Europe Hotel, как у Дэвида, попроще, однако тоже в центре, у площади Восстания. Удобно — все под боком. «Да, пожалуйста, — великодушно ответила я. — Могу даже встретить Ника в аэропорту». Я щелкнула мышкой, отправляя мой ответ, и внезапно спохватилась: что это со мной? Никак приступ нечеловеческой доброты накатил. Аэропорт... Это ж через весь город тащиться. На своих ножках, других-то у меня нет. Просить Дашку? Можно. Вдруг ей этот Ник на что-нибудь сгодится. Но для начала подожду сведений о дне прилета.

«Завтра, — мгновенно ответил мне Дэвид. — Ник прилетает завтра». Упс! Я ошарашенно таращилась на номер рейса и время прилета — отпрашиваться с работы? Верно Дарья говорит: чрезмерная доброта до добра не доводит (каламбурчик). Но задний ход уже не включишь.

«О'кей», — обреченно написала я.

«Это очень мило с твоей стороны, — не замедлил отреагировать Дэвид. — Считай, что я теперь в неоплатном долгу перед тобой. Проси что хочешь».

Искушение было велико, но я взяла себя в руки и вопрос про Павла не повторила. «Заметано», — ответила я, предварительно порывшись во всех имеющихся у меня словарях в поисках слова, наиболее точно отражающего мою мысль.

И все. Сеанс связи был окончен. Я подождала еще немного — вдруг еще что-нибудь придет от Дэвида, но в эфире была тишина. Я выключила компьютер, потянулась за мобильником и набрала номер шефа.

— Здравствуйте, — извиняющимся тоном пробормотала я в трубку, — простите, что тревожу дома, но мне завтра нужно встречать гостей в аэропорту...

— Ну, встречай, — меланхолично ответил мне шеф. — Когда будешь?

— К обеду.

— Хорошо. Удачи.

— Спасибо.

Распрощавшись с шефом, я позвонила Дарье. Чем черт не шутит, вдруг она сможет подбросить меня в Пулково-2? Но Дашка отказалась наотрез. Даже перспектива познакомиться с Ником ее не прельстила.

— Да не могу я! — оправдывалась она. — У меня две встречи назначены, и сколько на это уйдет времени, неизвестно. Тебе проще ехать своим ходом.

Я и поехала. Встала спозаранку и понеслась, предварительно запасшись картонной табличкой, на которой слегка косо было написано по-английски «Ник Харви». «Лучше бы это был Ник Хорнби, — подумала я, когда выводила имя друга Дэвида. — Но разве со мной такое может случиться?»

Рейс задерживался. Минут на двадцать. Не страшно. Страшно то, что мне смертельно захотелось кофе, а кофе, как известно, в Пулково-2 самый дорогой в городе. При этом

невкусный и в пластиковом стаканчике. И все равно я купила его. Надо же было заглушить кофеиновый голод.

Когда пассажиры лондонского рейса стали просачиваться в зал прилета, я уже стояла в первых рядах встречающих, с табличкой в высоко поднятой руке. Интересно, какой он, этот Ник? Что, если он стар и обладает непрезентабельной внешностью, да еще и занудлив. Я невольно улыбнулась. Вот был бы «подарочек» Дашке, если бы мне все-таки удалось соблазнить ее на поездку в аэропорт. И еще он вполне может оказаться женатым и обремененным уймой детей. Почему я всегда считаю, что иностранец — значит холост и хорош собой? Странные какие-то у меня стереотипы. Ведь видела разных иностранцев. наших шведов возьми — каких только персонажей среди них не было! И тем не менее... Прочитала в письме «мой друг Ник», и в голове тут же сложилась картинка. Высокий, симпатичный, до сорока. Впрочем, быть может, это оттого, что он друг Дэвида. Первая цепь ассоциаций: раз друг Дэвида, значит, такой же, как он. А тот высокий, симпатичный, до сорока.

— А ты Кэт! — внезапно услышала я справа от себя женский голос.

Я вздрогнула и повернулась.

Передо мной стояла высокая девушка лет тридцати, спортивного сложения, с длинными черными волосами. Кто это? Я с недоумением смотрела на нее.

— А я — Ник! — воскликнула брюнетка и для пущего эффекта похлопала ладошкой себя по груди. — Привет!

— Привет, — машинально ответила я, опуская руку с табличкой.

Ник? Эта девица? Что за чертовщина? Он же ясно писал: «Мой друг»... И тут меня осенило. Чертов английский язык! Не поймешь, кто какого рода, пока не дойдет дело до местоимений. А Дэвид все время писал «Ник» да «Ник». И я решила...

— Я тебя сразу увидела, — говорила девица, беспрестанно улыбаясь. — Спасибо, что встретила.

— Не за что, — автоматически ответила я.

У нее были немного коротковатые ноги, но по какой-то необъяснимой причине ее это совсем не портило. Девица, стоявшая передо мной, была во всех смыслах хороша собой. Не красавица, отнюдь, — таких, как она, принято называть «интересная». Интересная до такой степени, что я почувствовала беспокойство. Друг? Дэвиду? Может, здесь будет уместнее сказать «подружка»? И не поэтому ли Дэвид написал о неоплатном долге?

— Ну? — Ник нетерпеливо переступила с ноги на ногу. — Куда теперь?

Правильно. Ведь я должна помочь ей «осмотреться». Назвался груздем — полезай в кузовок.

— Туда. — Я махнула рукой, указывая на выход. — Извини, у меня нет машины, поэтому поедем на автобусе.

— У тебя совсем нет машины? — полюбопытствовала Ник, берясь за ручку своей дорожной сумки. — Или ты просто сегодня без нее?

Распушить перья и ответить, что моя машина в ремонте? Да ну ее к черту!

— У меня совсем нет машины, — ответила я.

— О! — удивилась англичанка. — Без машины плохо.

— В таком большом городе, как у нас, — проговорила я, — иногда плохо с машиной.

— Пробки, — понимающе кивнула Ник, — вышагивая рядом со мной, — и проблемы с парковкой.

— Точно.

— У нас то же самое.

Ну конечно же! Я тут выпятила грудь: «В таком большом городе, как у нас», забыв совершенно, что девушка из мегаполиса под названием Лондон. С Лондоном нам не тягаться. Как по количеству жителей, так и по всему остальному.

Мы вышли из здания аэропорта и направились в сторону остановки маршрутных такси.

— Но я не могу без машины. — Девушка улыбнулась обезоруживающей улыбкой. — Она для меня как вторая шкура. Даже на ночь расстаюсь с ней с трудом.

— Тогда тебе нужно было приезжать на ней, — заметила я. — Смогла бы поехать по окрестностям Петербурга. Там есть что посмотреть.

— И наесться вашего правостороннего движения? — рассмеялась Ник.

Я улыбнулась. У них же ездят наоборот. И это я благополучно забыла. А смех у нее симпатичный. Мелодичный и переливчатый.

— Тогда смотри, аккуратно переходи дорогу, — предупредила я.

— Постараюсь, — кивнула Ник. — Дэвид меня предупредил, что у вас не всегда соблюдают правила.

Дэвид ее предупредил. Заботится.

— Что еще сказал? — индифферентным голосом спросила я.

— Что у вас очень красивое метро. Ой, нет, — спохватилась Ник, — это в Москве. А про Петербург, — она на секунду задумалась, — да мало что. Он ведь здесь пробыл совсем чуть-чуть.

И за это время успел познакомиться только с нашей системой заботы о лежащих на улицах пьяницах и увидеть мое семейство во всей его красе. Впрочем, у него же было еще полдня, до отправления поезда. Мог успеть обозреть главные достопримечательности центра города. Странно, что я даже не поинтересовалась, чем он занимался в то утро. Хотя ничего странного. Мне было не до этого.

— Наш автобус. — Я кивнула на подошедшую маршрутку.

— Вот это? — удивилась Ник. — Разве это автобус?

— Ну, такси, — сказала я. — Только на несколько человек и за определенную плату. Как у вас такие называются?

— У нас таких нет, — ответила Ник, затаскивая сумку в салон.

— А у нас это основной вид транспорта, — сообщила я, усаживаясь в самом дальнем углу.

— Как называется по-русски? — деловито осведомилась Ник, плюхаясь рядом со мной и доставая из рюкзака блокнот.

— Маршрутка.

Она старательно записала слово в блокнот. Я заглянула ей через плечо.

— Ого! У тебя тут целая коллекция.

— Да, — она гордо улыбнулась, — собрала по знакомым. Надо же будет как-то общаться. Когда тут, кстати, платить за проезд?

— Сразу, — ответила я и открыла сумочку.

— Не надо, — запротестовала она. — Я плачу.

— Хорошо, — согласилась я и добавила: — Тогда я угощаю тебя кофе.

— О'кей. — Она рассмеялась. — Только мне кажется, что кофе будет стоить дороже, чем дорога до моей гостиницы.

Маршрутка заполнялась медленно. Ник с любопытством рассматривала салон, пассажиров и затылок водителя.

— Послушай, — спохватилась я, — я как-то не подумала. Мы можем поехать на такси, только это будет довольно дорого.

— Потому что далеко до города? — повернулась ко мне Ник.

— Нет, — усмехнулась я, — потому что у нас каждый желает сделать поменьше, а получить за это побольше.

Ник хмыкнула:

— У нас, думаешь, по-другому?

— Наверное, так же. Просто у вас порядка больше.

Дашка отругала бы меня за отсутствие патриотизма. Я же лично считаю, что патриотизм проявляется не в том, чтобы говорить о своей родине всегда только в сладком тоне. А в чем? Я задумалась. Черт, так вот сразу и не сформулируешь. Слишком серьезная тема, а серьезные темы сегодня мне явно не по зубам.

— Не надо такси, — сказала Ник. — У меня жесткий бюджет.

— Ты же в командировке.

— Нет.

— Но Дэвид написал, что фирма забронировала тебе отель.

Сейчас выяснится, что все это туфта, и мне придется селить ее у себя. Только не это, только не это! Однако я еще не успела сообразить, почему мне так претит перспектива водворения Ник в моей квартире, как она сказала:

— Забронировала. И еще оплатила перелет. Но все остальное — за мой счет. Мы так договорились. Что, едем, да?

Мотор заурчал, и маршрутка тронулась с места.

Потом было метро. Уже не такая теснота, как в час пик, но все равно на подземных платформах суетилось довольно много народу. Ник, похоже, ничто не смущало. Ни толпы, ни грязь, ни хамоватая публика. Она шла рядом со мной и вертела головой из стороны в сторону. Казалось, она не хотела пропустить ничего, ни единой мелочи из того, что увидит. Может, она журналистка? И почему я не спросила Дэвида о роде ее занятий? Не до этого было.

— А ты чем занимаешься? — решила полюбопытствовать я, когда мы, перейдя на «Невском проспекте» на другую ветку, нырнули в вагон.

— Фото, — с легким недоумением в голосе ответила Ник. — Как Дэвид. Разве он не писал тебе?

Он не писал мне даже то, что ты женщина, причем весьма симпатичная. Впрочем, вслух я сказала лишь:

— Нет.

— Подрядилась в одно издательство, — продолжала Ник. — Они готовят серию «Вторые столицы мира». Это о городах, которые в жизни своих стран играют вторую скрипку. Как Петербург.

— Понятно, — кивнула я.

— Наняли несколько фотографов, каждый делает серию об одном городе.

— Почему же тогда тебе оплатили не всю стоимость поездки?

— Это я схитрила. — Ник улыбнулась. — Предложила взять часть расходов на себя и обошла таким образом двух конкурентов.

— Здорово! — сказала я. — Молодец.

— Хотела побывать здесь. И хотела получить заказ от этого издательства. Вот и убила двух зайцев сразу.

— Выходим, — скомандовала я.

— Очень патриотично, — промолвила Ник, когда мы оказались на платформе.

Станция «Маяковская», вся в красной мозаике, явно произвела на нее впечатление.

До отеля пришлось топтать пешком еще минут пятнадцать. Маленькая гостиничка, всего на несколько номеров, расположилась в бывшей коммуналке.

— По-моему, прилично, — решила Ник, осмотрев свой номер.

— По-моему, тоже.

— Главное — в центре.

— Но ты же не только центр будешь снимать?

— Не только. Книжка не историческая. Так что и новостройки нужны. Я если что, — Ник улыбнулась немного смущенно, — буду тебя спрашивать, где тут что и всякие прочие мелочи, можно? Да?

— Конечно.

Испытывала ли я по этому поводу энтузиазм? Нет. Я не жаба, совсем не жаба, просто эта девица... Нет, она мне понравилась. Было в ней что-то очень располагающее. И располагала бы она к себе еще больше, если бы не имела никакого отношения к Дэвиду. Стоп. Дэвид. При чем тут он? Я быстро отогнала эту мысль. Кыш, кыш! И так, энтузиазма не наблюдалось. Это долг гостеприимства растягивал мои губы в улыбке и заставлял голосовые связки издавать те или иные звуки. И следующую фразу выдавил из меня именно он, больше некому.

— Может, вечером встретимся, выпьем кофе, заодно я смогу ответить на твои вопросы.

— Здорово! — воскликнула Ник.

— Тогда жди меня на станции «Маяковская»...

— Эта та, которая патриотичная, — кивнула Ник.

— В центре зала. — Я подумала немного и добавила: — В семь.

— О'кей.

— До встречи, — попрощалась я и покинула номер.

Не работалось. Я честно обложила бумагами, но уже спустя полчаса поняла, что ничего из этого не выйдет. Голова наотрез отказывалась соображать. Так что гора документов, сваленная передо мной на столе, исполняла отчасти декоративную, отчасти маскировочную функцию. Все в офисе думали, что я старательно тружусь над будущей рекламной кампанией, и не трогали меня. Я же сидела на своем месте и бездумно тарасилась то на стол, то в окно. Впрочем, не совсем бездумно.

Ник... За те два с небольшим часа, что мы провели вместе, я все поняла про нее. Женщина, которая строит свою жизнь так, как ей нужно. Скажете, одного рассказа о том, как она закрутила с этим издательством, недостаточно, чтобы делать такие глобальные выводы? А рассказы вообще никогда не нужны. Многие вещи просто витают в воздухе. Ты видишь человека и мгновенно понимаешь, к какой категории его отнести. Упрощаю? Согласна, человечество не делится на категории, каждый из нас — многостраничная книга, в которой чего только не кроется. Но это уже детали, из которых и слеплена индивидуальность. А значимое — оно обычно на первых страницах. И эти страницы в Ник я успела пробежать глазами. И то, что увидела, мне совершенно не понравилось.

На этой мысли я тихонько скрипнула зубами. Мысль была немножко неправильная. Сама по себе Ник была хороша. Во всех смыслах. Обаяшка, умница, юмористка — мы запросто стали бы подругами... При других входных условиях.

В роли входных условий выступал мистер Дэвид Кертис. Тот Дэвид, что навязал мне свое общество в Копенгагене. Тот Дэвид, что начал беспардонно клеить меня по Интернету. Тот Дэвид, что заявил о своих претензиях к моему бойфренду. Тот Дэвид, что страшно понравился Дашке, Иринке и Бренде. Тот Дэвид, мысли о котором стали неотъемлемой частью моей жизни.

Все было враньем. Мой пренебрежительный тон, когда я говорила о нем. Мое «благословение» Дарье, когда она увозила его в ночь на своей «черепашке». Мои клятвы маме, что Дэвид — просто знакомый, почти как соседский парень, с которым мы ежедневно сталкиваемся во дворе. Вранье.

Он мне понравился сразу, как только я подняла на него глаза в той датской кофейне. Все мое недовольство оттого, что он напросился за мой столик, было лишь способом замаскировать свое смущение. Замаскировать в первую очередь для самой себя. Дэвид-то вообще ничего не заметил.

«Черт!» — подумала тогда я. И тут же пришло понимание, что это — увы! — не мое. Не то чтобы я считала себя вторым сортом, просто Дэвид был птицей высокого полета. Это читалось в каждом его жесте, каждом слове, каждом взгляде. А может, всему виной потрясающее совпадение. Сколько помню себя, столько мечтала о мужчине, как две капли воды похожем на Дэвида. А на моем жизненном пути попадались иные типажи. Кое-кто был очень близок к идеалу, но все равно хоть каплю да недобирали. А Дэвид... Придраться было не к чему.

Удивлены, что у меня еще бродили какие-то мечты об идеальном мужчине? Вроде бы я закрыла эту тему, после того как моя великая любовь, Иринкин папанька, спешно исчез из моей жизни. Чепуха. Закрыть эту тему невозможно. Надо быть совсем иного склада, чтобы суметь это сделать. Или надо иметь какой-то серьезный повод, чтобы испытывать к

мужикам неприязнь, достаточную для того, чтобы весело и с удовольствием прожить всю жизнь без них. Я думала, что история с Иришкиным отцом — как раз этот самый повод. Но выяснилось, что нет. Прошло какое-то время, я стала думать, что это всего лишь маленькая неувязка, что все небезнадёжно, что рано или поздно... Может, это потому, что я выросла в замечательной семье (и пусть даже папа сходил налево — это ничего не меняет)?

Но хотелось, чтоб налетело и закружило. И унесло. Как с Иринкиным папашкой, только еще лучше. По-другому — извините, но нет. Впустить в свою жизнь мужчину, чтобы был, чтобы деньги приносил, чтобы заботился, чтобы все вокруг заткнулись, — мелковатая цель для меня. Да и какой резон? Если бы мне совершенно нечем было заняться в жизни — другое дело. Но у меня были Иринка, родители, работа, куча друзей — для Просто мужчины там места не было. Только для Того самого единственного.

А он все не появлялся. К тридцати все чаще стала посещать мысль: а может, не судьба? К тридцати трем мысль эта уже прочно обосновалась в моем организме, пустила там корни, собиралась даже цвести и, вероятно, плодоносить — даже подумать страшно, какими бы были эти плоды...

И тут — Павел. На идеал не похож. Внешне еще так-сяк, а внутренне совсем не тот типаж. И врать не надо хотя бы себе, что все его приколы всплыли позже, — правило первых страниц работало и тут, так что все это было видно, конечно, без деталей, но тем не менее. Но! Он готов был подстроиться под идеал. Конечно, ничего подобного сам Павел не говорил, но на нем это было написано крупными буквами. А все так и приседали мне на уши: стань уже рационалисткой, Кэт. И я стала.

Вечный спор: рациональное и эмоциональное. Жизнь — такая штука, которая не дает тебе побегать, поскакать, куда душа просит, и сотворить то, что душа просит. Потому что — о, этих «потому что» может быть тьма-тьмушая. У каждого свои. У меня лично главным «потому что» была Иринка, потом — родители. А в последнее время появилось еще одно — мой возраст. Солидный уже, что там ни говори. Нельзя многое из того, что было можно в двадцать. И нужно делать многое из того, чего не нужно было в двадцать.

И вот я сижу сейчас за моим заваленным маркетинговыми бумагами столом и думаю: а кто, собственно, сказал, что нельзя? И кто сказал, что нужно? И вообще, почему я дала столько власти этому самому «рациональному»? Хочется ему решать, где Иринке учиться, — пожалуйста. Или, к примеру, определять, какой ремонт делать, — на здоровье. Но почему он берется за вопросы, которые ему не по зубам? Какого черта он запустил свои руки в мою личную жизнь? Пардон, «какого черта» — это как раз понятно, я сама ему позволила. Хорошо, тогда изменим форму вопроса: какого черта я это сделала?

Не знаю. Все так поступают. Я, видно, решила не отставать от других. А может, вообще ничего не решала. Просто жила себе и жила, будучи ведома не тем, что хочу, а тем, что надо. Кому надо? Зачем надо?

И с Павлом вышло все не здорово. На самом деле Вика-то тут ни при чем. Вика — лишь повод расстаться с ним, не выходя при этом стервой. Каюсь, что поделаться, но когда первая волна возмущения откатилась, я подумала: это можно использовать.

Чужеродным элементом в моей жизни был этот Павел. И спасибо Вике, что не поленилась — пришла ко мне. А иначе я поддалась бы уговорам «рационального» и вышла бы за Павла замуж. И это обернулось бы полным провалом. Потому что я не тот человек, который сможет счастливо жить в семье, построенной на здравом смысле.

Если я вынуждена терпеть этот здравый смысл, когда работаю или решаю свои

хозяйственные проблемы, то могу я позволить себе малюсенькое удовольствие и выставить этот здравый смысл за дверь, когда речь идет о моей женской доле? Или нет? Я прислушалась к себе. Могу. Кто мне помешает? Будут, конечно, зудеть, но если я упрусь, то никто ничего поделывать не сможет. А я упрусь. Я уже уперлась и вычеркнула Павла из моей жизни. Следующим шагом... Следующим шагом, вероятнее всего, должно было стать сближение с Дэвидом.

С Дэвидом, который почти признался мне в любви... Да-а, но, наверное, это не в счет. Впрямую ведь не признавался. А я размечталась. Мне показалось, что я ухватила свою птаху счастья. Держу в кулачке, и она вот-вот перестанет вырываться. Но сегодня стало понятно, что вырвалась. А может, я ее и не держала...

— Катерина!

— А? — вздрогнула я.

В дверях стоял шеф.

— Что с тобой? — встревоженно спросил он.

— А что со мной? — смутилась я.

— У тебя перекошенное лицо, — сообщил он, прислоняясь плечом к дверному косяку.

— А... — Я отвела глаза.

— Проблемы?

Я молча кивнула.

— Мужик?

Я опять кивнула.

— Гони его! — приказал шеф. — Мужики не стоят таких переживаний.

Я вздохнула.

— Понятно, — протянул шеф. — Чувства... Ну, тогда что тебе сказать — держись, Катерина.

Я держалась. Прямо начиная с семи часов вечера. С того момента, когда встретила с Ник на «Маяковке».

— Привет! — закричала она, едва увидев меня, и принялась размахивать над головой какой-то книжкой. — Я здесь, я здесь!

Книжка на поверку оказалась путеводителем по Петербургу. На английском и русском языках.

— Зачем тебе на двух языках? — любопытствовала я.

— А названия улиц? — резонно заметила Ник. — Они же на стенах домов написаны по-русски, поэтому надо видеть их в оригинале.

Мудро. У меня вот в Копенгагене не было датской карты, только английская, так я каждый раз мучилась, подбирая маршрут. Благо Дэвид помог — принес карту на датском...

— Идем пить кофе? — спросила я.

— Я бы и съела что-нибудь, — пожелала Ник. — С обеда ничего во рту не было.

— Ладно, — кивнула я, — пошли.

И мы направились к эскалатору.

— Где была? — поинтересовалась я.

— В Эрмитаже.

Я улыбнулась.

— Я не оригинальна? — спросила Ник. — Все, наверное, первым делом бегут в

Эрмитаж?

— Не все, — утешила я ее. — Некоторые первым делом едут в Петродворец.

Ник расхохоталась.

— Ты что? — удивилась я.

— В Петродворец я еду завтра, — сквозь смех проговорила Ник. — Я взяла билет на одиннадцать.

Я рассмеялась:

— Тогда ты действительно неоригинальна.

— А что делать? — притворно вздохнула Ник. — Мне кажется, все туристы одинаковы.

— Возможно, — согласилась я. — Если бы я приехала в Лондон, то пошла бы сразу...

— В Вестминстерское аббатство, — перебила меня Ник.

— Точно!

Мы опять рассмеялись.

— По пицце? — спросила я на выходе из метро.

— Давай, — кивнула Ник.

В «Пицце-Хат» былолюдно, но свободное местечко нашлось, и мы, усевшись за столик у окна, сделали заказ.

Ник весело болтала о своих впечатлениях и планах, я больше слушала, то кивая, то поддакивая. А сама думала свою думу.

Не могу поверить, что Дэвид оказался таким же, как и все. В каждом городе у него по варианту. В Лондоне — Ник, в Питере — я. А еще он бывал в Таиланде, Исландии, Норвегии и в десятках других стран. И что? Везде по девушке? Богато жить не запретишь. Неужели он всем делает такие же признания, как и мне? Если так, то тогда понятно, почему оно ему так легко далось, это признание. Обычно ведь из мужчины не вытянуть ничего подобного. Только «mmm...» да «э-э-э...». А тут — поди ж ты... Но когда у человека такая тренировка, то все становится понятным. «Ты перевернула всю мою жизнь». А бедные женщины покупаются. Конечно, ведь такое редко услышишь. Я лично за всю мою жизнь услышала впервые. Неужели поэтому и купилась? Не-ет. Это же было позже, Дэвидово признание. Купилась-то я еще в Копенгагене. Вот уж угораздило.

Теперь, когда я позволила мыслям о моих чувствах к Дэвиду выскользнуть наружу, я начала понимать, что увязла довольно глубоко. Настолько, что, несмотря на всю мою симпатию к Ник, готова была сделать ей какую-нибудь гадость (абсолютно несвойственные мне помыслы), ну, например, встать сейчас и уйти, бросив ее на произвол судьбы, — пусть сама «осматривается» в нашем замечательном городе. Надо же, как меня разобрало! Я невольно покачала головой.

— Что? — озаботилась Ник. — Не пойдешь со мной?

— Прости? — Я с недоумением смотрела на нее.

— Я говорю — взяла билеты в Мариинский театр, — пояснила она. — На балет. Два билета. Пойдешь со мной? Я умею, конечно, ходить в театр одна, но почему-то мне захотелось пригласить тебя. — Она скроила шутовскую гримасу. — Если ты не против.

— Конечно, конечно, — быстро проговорила я. Все-таки законы гостеприимства обязывают — чтоб их черти взяли! — Спасибо, — добавила я.

Почему-то ей захотелось пригласить меня. Наверное, она меня полюбила. Меня все любят. Я же безвредная, опять же лицо располагающее. Вот и Ник не стала исключением из правила. Купила дорожные билеты в Мариинку, поведет меня на балет. Потом что?

Примется рассказывать про свою интимную жизнь, включая пассажи про мистера Дэвида Кертиса? Нет уж, увольте. Не хочу. И не буду. А куда я денусь, если она и вправду примется делиться со мной интимом? Буду слушать как миленькая. Законы гостеприимства. Все, что я смогу сделать, — это не поощрять ее на развитие темы. Если она не дура, то поймет. А она не дура.

Так, под болтовню Ник и мое полумолчание, мы прикончили пиццу, съели салаты и запросили счет.

— Я плачу! — объявила Ник.

— Нет, — запротестовала я, — давай пополам.

— Ты же из-за меня здесь, — возразила она.

— Но у тебя же жесткий бюджет, — заметила я.

— Верно, — подумав, сказала Ник.

— Пополам, — повторила я и полезла за кошельком.

Ник тоже достала свой рюкзачок, дернула «молнию» и нырнула рукой в недра рюкзачка.

— О! — вдруг воскликнула она. — Совсем забыла.

— Что? — Я положила деньги на счет и подняла глаза на нее.

— Дэвид же просил передать тебе. — Ник вытащила из рюкзачка большой желтый конверт и протянула его мне.

— Что это? — спросила я, принимая пакет.

Она покачала головой:

— Не знаю. Велено отдать тебе в собственные руки.

Я распечатала конверт и заглянула внутрь. Журнал какой-то. Ник тем временем сосредоточенно отсчитывала деньги.

— Много даешь, — сказала я, мельком взглянув на нее.

— Незнакомая валюта, — фыркнула она. — Всегда поначалу путаюсь.

Я листала журнал. Фото и фото. Мне-то он зачем? Не успела я додумать эту мысль, как вдруг на странице сорок семь... увидела свое собственное изображение. Сажу в кафе и шурю на солнце. Помню этот момент. Утро последнего дня моего пребывания в Копенгагене. Вторая чашка кофе. Мы зашли с Дэвидом в маленькую кондитерскую на Ньюхавн, заказали кофе и булочки с корицей. Солнце светило сквозь круглые окна, я шурилась, потому что не хотела надевать в кафе темные очки, а Дэвид фотографировал. Я уже перестала дергаться каждый раз, когда он щелкал меня. «Лучше всего просто не обращать внимания, — сказал он в первый день нашего знакомства. — Я все равно буду снимать — привычка, но если ты не будешь обращать на это внимания, то на фото выйдешь лучше». Вот и вышла... Не просто лучше, а лучше, чем когда-либо в жизни. И теперь в этом могли убедиться еще сотни других людей.

— Хорошее фото, — услышала я голос Ник.

— Откуда знаешь?

Я держала журнал так, что со своего места она могла видеть только верхний край страницы.

— Я видела журнал еще в Лондоне. Ты здорово получилась.

— Спасибо.

— Он там что-то еще писал, — добавила Ник.

Я непонимающе уставилась на нее.

— Когда отдавал мне пакет, — пояснила она, — он положил туда какую-то записку. Так что ищи.

Я сунула руку в конверт и вытащила листок бумаги.

«Привет, — писал Дэвид. — Надеюсь, за эту вольность ты на меня сердиться не будешь. Я не мог удержаться — уж больно хороший снимок. Профессиональные амбиции, ничего личного. Хотя конечно же вру. А на вопрос твой отвечаю... Ты, наверное, решила, что я забыл о нем? Не тут-то было. Отвечаю: он, скорее всего, неплохой парень, просто вы с ним совсем разные. И двигаетесь по жизни как планеты, живущие на разных орбитах, — параллельно. Чуть-чуть сблизились на время, но совсем не пересеклись. Могу ошибаться. Но отчего-то мне кажется, что нет, не ошибаюсь? Может, потому, что я неравнодушен к тебе? Удачи! Дэвид».

— Хороший парень, — сказала Ник, когда я подняла на нее глаза.

— Э-э-э... — замялась я.

«Неравнодушен» — это как трактовать? Особенно вкупе с этой черноокой девушкой, сидящей напротив меня.

— Хороший, — повторила Ник, — только не в моем вкусе.

— Что? — оторопела я.

— Вот ты, — усмехнулась Ник, — ты в моем вкусе. А Дэвид, — она сморщила нос, — совсем не мой профиль.

— Что? — как идиотка повторила я.

Она хочет сказать...

— Или тебе претят лесбийски ориентированные женщины?

Черт, черт, черт!

Я обожаю лесбийски ориентированных женщин.

Я поняла это в следующий же момент после того, как Ник, лукаво взглянув на меня, объявила о своих пристрастиях. Боже мой, какая прелесть эти дамы, предпочитающие представительниц одного с ними пола! И какая прелесть, что Ник оказалась в их рядах. Ник, которую я уже мысленно поженила с Дэвидом. Поженила и чуть ли не заплакала от огорчения.

А теперь я, похоже, совсем по-идиотски разулыбалась. Не могла сдержаться. Главное, чтобы Ник не приняла мое веселье на свой счет. А то еще обидится. Обидеть же ее мне совершенно не хотелось. Особенно теперь, когда все выяснилось.

Я вскочила с места.

— Мне нужно... — пробормотала я и бросилась в туалет.

Оказавшись наедине с собой, я первым делом подошла к зеркалу и взгляделась в собственное отражение.

— Ну, и что теперь? — произнесла я вслух. — Все это, конечно, хорошо, но дальше-то что?

Девушка, вышедшая из кабинки, с удивлением взглянула на меня. Я криво улыбнулась, мол, не подумайте чего, и вновь уставилась глаза в глаза сама себе. Глаза сияли. «Ну надо же!» — подумала я. Не то чтобы я брела по жизни с вечно потухшим взглядом, но сегодняшнее сияние в корне отличалось от сияния обычного. Вот оно как, оказывается, бывает. Миг — и жизнь переменялась. Миг — и ты уже точно знаешь, что делать дальше.

А дальше важно было не опоздать.

Надеюсь, я еще не очень много успела наворотить, стараясь отвалить от себя Дэвида. Удивительнейшее существо человек — так любит собственными руками оттолкнуть то, что ему на самом деле жизненно необходимо... Стоп, стоп, тормозим! Откуда я могу знать, что Дэвид — это то, что мне нужно? Про Павла мы тоже так говорили, а что вышло? Но ведь меня все время грыз какой-то червячок сомнения. Пробивалась интуиция откуда-то из глубин моей натуры, а я ее заталкивала обратно: сиди, дескать, и молчи! За весь период моего знакомства с Павлом не было никогда состояния подобного нынешнему. И этого блеска в глазах не было. Я же помню.

И все равно, не могу я ничего знать заранее. Ни о себе, ни о Дэвиде. Но может, в этом и состоит весь кайф? Жизнь, расписанная на годы вперед, — что может быть тоскливее? А с Павлом все так и было бы... Бедняга Павел. Так неудачно выбрать себе предмет внимания. Выбрал бы Викулю, она бы умерла от счастья. А я все носом крутила, глаза настороженные делала и не принимала никакого решения. А то, что вроде как хлопотала вокруг него, реверансничала с его родителями и пыталась создавать ему режим наибольшего благоприятствования, так ключевое слово здесь — «пыталась». Это все были лишь пустые потуги. Внутри во мне ничего не переменялось. Я как будто в любительском театре подвизалась, где играла роль. Плохо играла, что и говорить. И главный зритель, Павел, это отлично видел. Потому вечно и заводился то по одному, то по другому поводу. Не смог он ухватить меня за хвост, не смог.

А Дэвид смог. Причем ничего не сделав для этого. Наверное, это и называют судьбой. Хотя «судьба» — уж слишком громоздко, напыщенно. Мы взрослые люди, в конце концов, и

я понимаю, что все это может продлиться лишь миг. День. Месяц. Сезон. И это уже будет большой удачей.

Любовь нельзя слепить из подручных материалов в виде уважения и здравого смысла. Во всяком случае, для меня это неприемлемо. Любовь либо приходит, либо нет, и обычно ты понимаешь это в первые же минуты. Тут уж Дэвид прав, как ни крути. Для меня любовь бывает только с первого взгляда. Все остальное — это все остальное. Вот такая я максималистка. «А по виду и не скажешь», — прокомментировала бы Дашка. Между прочим, и Иринка такой же растет. Яблочко-то от яблоньки... Или, как говорит мой папа: «Не родит свинья бобра, а того же поросенка».

Ник, наверное, меня уже заждалась. Я еще раз полюбовалась на себя в зеркале и, сполоснув руки, вышла из туалета.

— Все нормально? — обеспокоенно спросила Ник, когда я вернулась на свое место.

— Да, — я улыбнулась, — все отлично. Ну, что? Пойдем прогуляемся? Или есть какие-нибудь другие идеи?

Идеи у Ник были. Спустя полчаса мы сидели в автобусе, отходящем от Гостиного Двора на последнюю в этот день обзорную экскурсию по городу.

Я попала домой почти в полночь. Шла от остановки не торопясь, наслаждаясь теплым вечерним воздухом. Я уже точно знала, что сделаю, когда приду домой. Хотелось и приблизить этот момент, и оттянуть. Не потому, что он обещал быть неприятным — просто после него все должно было измениться в моей жизни. И я не знала, как мне будет житься в этом изменившемся мире. Оттого немного трусила, но больше все-таки хотела попробовать.

— Привет, — встретила меня в прихожей дочь.

«Привет», — завертела задом Бренда.

— Привет-привет! — ответила я.

— Тетя Даша звонила, — сообщил ребенок. — У тебя телефон не работает.

— Серьезно? — удивилась я, вынимая из сумки мобильный.

И верно — телефон по какой-то необъяснимой причине отключился.

— Она просила перезвонить, — добавила Иринка.

— Хорошо.

Хорошо, но после. Если сейчас позвонить Дарье, то могу подвиснуть надолго. И дело даже не во времени, просто она перебьет мне все настроение. А для того, что я собиралась сделать, настроение было жизненно необходимо. И не просто настроения, а НАСТРОЕНИЕ, то есть то, что переполняло меня сейчас.

— Есть будешь? — поинтересовалась Иринка. — А то я решила совершить второй ужин, так, может, ты со мной?

— Нет, зая, спасибо, — отказалась я. — Мы с англичанкой в «Пицце-Хат» откушали.

— Хорошо вам, — буркнула Иринка. — Пойду, что ли, гренок себе сварганю.

— Конечно, сваргань, — кивнула я. — И Бренде дай.

— У нее диета, — напомнил ребенок. — Забыла?

— Ну, извини, — рассмеялась я.

Иринка окинула меня подозрительным взглядом, но промолчала. Пожала плечами, повернулась и направилась на кухню. Бренда потрусилась вслед за ней. Я разулась, схватила телефонную трубку и быстро, почти бегом пошла в спальню.

— Привет, — сказала я, когда в трубке прозвучало энергичное «Хелло!».

— О! — только и смог вымолвить Дэвид.

— Что означает твое «о!»? — спросила я.

— Я удивлен, — ответил он. — Ты впервые звонишь мне.

— Ты узнал меня по одному слову?

— Узнал. У тебя своеобразный тембр голоса.

— Противный?

— Нет, — рассмеялся он. — Наоборот.

— Это хорошо, — успокоилась я. — Мне лично мой голос всегда не нравился.

— Это оттого, что ты его слышишь как бы изнутри. Я тоже от своего не в восторге.

— Ждешь, что я сейчас скажу тебе комплимент по поводу твоего голоса?

— Нет, — опять рассмеялся он. — Просто к слову пришлось.

— Как дела?

— Хорошо. А как у тебя?

— У меня отлично.

— Да? Рад за тебя. Какие-то события? — любопытствовал он.

— События, — уклончиво ответила я.

— Москва?

— Что?

— Твой перевод в Москву, да? Он все-таки состоится?

— Нет, — сказала я. — Я никуда не еду.

— Что так? — спросил Дэвид.

— Не хочу, — ответила я.

— Ты все-таки определилась со своими желаниями, — полувопросительно-полуутвердительно проговорил он.

— Да. Мне нравится здесь. Не хочу ничего менять для Иринки. Не хочу нестись неизвестно куда ради каких-то сомнительных удовольствий.

— Другим они не кажутся сомнительными. Деньги, карьера. Из-за этого многие готовы на край света лететь.

— Ты тоже?

— Я? — Он усмехнулся. — Я — нет. Но многие мои друзья считают, что у меня с головой не в порядке.

— Серьезно? — рассмеялась я. — А не похож.

— Я маскируюсь под нормального.

— А...

Мы немного помолчали.

— Как там Ник? — спросил Дэвид. — Устроилась?

— Да, все о'кей. Уже обежала полгорода.

— Я не удивлен. Она, по-моему, и часа на месте просидеть не может.

— Может. Мы с ней ужинали, так она часа полтора выдержала.

Дэвид расхохотался:

— Вы никак уже подружились?

— Почти, — подтвердила я.

— Я так и думал.

— А я думала, что она твоя подружка, — вырвалось у меня.

— Что? — опешил он.

— Э-э-э... — Я растерялась. Ведь вовсе не собиралась посвящать его в мои заблуждения

и в историю счастливого освобождения от них.

— Ты решила, что она моя подружка? — медленно проговорил Дэвид.

— Угу, — промычала я.

— Хорошенького же ты обо мне мнения, — после некоторой паузы сказал он.

— Извини, — ответила я, — но это скорее не о тебе конкретно мнение, а обо всей сильной половине человечества.

— Не веришь нам.

— Ну-у... — протянула я.

Куда-то мы не туда забрели. Совсем не об этом я собиралась разговаривать с ним. О чем? Какой-нибудь легкий треп, флирт и плавный переход к главному. Главным было мое желание дать ему понять, что все переменялось, что вы, мистер Дэвид Кертис, можете сделать вторую попытку. И как теперь мне выкрутить туда, куда мне нужно?

— Я так и понял, — пробормотал он. — Трудный случай. Но может, ты все-таки дашь мне какой-нибудь испытательный срок...

Я вздохнула с облегчением. А вот и съезд с хайвея, сейчас я тихонечко сползу на боковую трассу и сделаю-таки то, что хочу. Однако тихонечко не получилось.

— Да! — выпалила я.

— Извини? — удивился Дэвид.

— Да, — уже спокойнее повторила я, — получи свой испытательный срок.

— О! — Дэвид, похоже, не знал, как реагировать.

— А вообще, — я почувствовала, как подпрыгнуло сердце, — может, приедешь в гости?

— Я? — окончательно растерялся Дэвид.

— Ну да. — Я говорила быстро, боясь утратить запал раньше, чем вывалю на него все, что вертелось в голове. — Ты же был здесь всего день. Ничего не видел...

— Не видел, — подтвердил он. — Но...

— Да?

— Но... — медленно, отделяя одно слово от другого, проговорил Дэвид, — как же этот... твой... друг?

— Забудь о нем, — предложила я.

— Забыть? — повторил Дэвид. — Что-то случилось...

— Случилось, — нехотя сказала я.

— Расскажешь?

— Не-ет, — запротестовала я. — Сейчас точно не расскажу. Может, потом как-нибудь.

— Хорошо, хорошо, — перебил меня Дэвид, — закрыли эту тему...

Я невольно улыбнулась. Побоялся, наверное, спугнуть меня.

— Я забуду о нем, — продолжал Дэвид, — не проблема. Главное — чтобы ты забыла.

Не заслужил такого Павел, мелькнула мысль, ой как не заслужил. Но с этим уже ничего нельзя было поделать. И как раз в этот момент стрелки часов перепрыгнули за цифру «12», и новый день вступил в свои права. И в нем все уже было по-другому.

Я встречала Дэвида в Пулково-2 спустя двенадцать дней. Стояла в зале прилета и нервно поправляла то прическу, то одежду. Иногда даже вытаскивала из сумочки зеркальце и взглядывала в него — все ли в порядке? Самолет приземлился раньше назначенного времени. Еще полчаса — и вот я уже вижу Дэвида. Джинсы, темно-синяя футболка, сумка с фотоаппаратами через плечо... И улыбка.

— Привет, — говорит он, подходя ко мне.

Обеими руками берет мою правую руку и наклоняется, чтобы поцеловать ее. «Черт, — проносится в голове, — а маникюр-то я забыла сделать!» Я чувствую прикосновение его губ к моей ладони, и маникюр вылетает у меня из головы.

Потом я долго вспоминаю, где, собственно, оставила терпеливую Дашку, согласившуюся отвезти нас домой. Перед дверью в квартиру я долго роюсь в сумочке в поисках куда-то запропастившихся ключей. А затем судорожно пытаюсь попасть найденными ключами в замки. И еще не сразу могу сообразить, кто это трезвонит мне по телефону. Голова отказывается работать наотрез.

А кто сказал, что в такие моменты нужна голова?

ИРИНА БЫСТРОВА

На перекрестке

Сорокалетний менеджер Екатерина впервые и с неохотой едет в командировку — на семинар в Данию. Ее попутчицы озабочены одной проблемой: во что бы то ни стало найти за границей мужа. Для Екатерины это не актуально. У нее взрослая дочь, престарелые родители и бойфренд — вот уже как три года потенциальный супруг. Казалось бы, ничто в ее жизни не предвещает разительных перемен, но судьба распорядилась иначе. Именно в Копенгагене Екатерина встречает новозеландского журналиста Дэвида, и в ее размеренное существование врывается вихрь новых ощущений. Что это — обман чувств или любовь с первого взгляда, в которую она давно уже не верит?

ISBN 978-5-9524-2952-9

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ИРИНА БЫСТРОВА

На перекрестке

Сорокалетний менеджер Екатерина впервые и с неохотой едет в командировку — на семинар в Данию. Ее попутчицы озабочены одной проблемой: во что бы то ни стало найти

за границей мужа. Для Екатерины это не актуально. У нее взрослая дочь, престарелые родители и бойфренд — вот уже как три года потенциальный супруг. Казалось бы, ничто в ее жизни не предвещает разительных перемен, но судьба распорядилась иначе. Именно в Копенгагене Екатерина встречает новозеландского журналиста Дэвида, и в ее размеренное существование врывается вихрь новых ощущений. Что это — обман чувств или любовь с первого взгляда, в которую она давно уже не верит?

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Управляющий директор (*англ.*).

Менеджер по маркетингу (*англ.*).

Дорогой (*англ.*).

Извините (*англ.*).

Здесь: менеджеры по продажам (от *англ.* Sales — продажи).

Здесь: корпоративное мероприятие (англ.).

Этого не существует, и людям уже нужно прекратить задавать один и тот же глупый вопрос снова и снова (*англ.*).

Прекрати издеваться надо мной (*англ.*).